

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.01.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Технология манипуляции: дипфейки как инструмент создания когнитивных искажений в политических сообщениях. *Кветной В.В.*4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Гражданская идентичность молодёжи в условиях культурного многообразия: анализ социологического опроса в Якутии. *Скрябин Д.И.*9

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Информационное обеспечение референдума. *Вашакидзе Г.Т.*12

Историческая ретроспектива российского опыта правового регулирования мер государственной поддержки молодежного предпринимательства. *Мостовщиков А.А.*16

Частно-правовая сущность и определение юридической помощи. *Резник Г.С., Примак Т.К.*21

Теоретико-правовые аспекты концепции «право на город». *Тарасова М.С.*29

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пассивная множественность в делах о банкротстве. *Арямов П.А.*33

Зарубежный опыт регулирования цифровой среды и цифровых прав. *Газгиреев Н.Ш.*36

Параллельный импорт в Российской Федерации. *Головизнин О.С., Москалев Я.Э., Куделя Н.Ю.*41

Использование блокчейн технологий в российском правовом поле. *Джаларидзе В.Г.*49

Защита авторских прав в видеоиграх. *Донских А.А.*53

Проблемные аспекты защиты «слабой» стороны в соглашениях, заключаемых в цифровой среде, и пути их решения. *Миленина Ю.Ю.*56

Теоретические вопросы и практические проблемы определения пределов защиты гражданских прав. *Милосердов А.С.*62

Особенности привлечения к ответственности контролирующих должника лиц. *Кивленок Т.В., Момотова А.А.*67

Этические и правовые аспекты использования синтетических данных в обучении искусственного интеллекта. *Чумаченко В.А.*70

Методологические подходы установления сходства и однородности при определении смешения товарных знаков. *Яхаева А.П.*74

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

К вопросу о классификации противоправной информации. *Азаров М.С.*79

Роль органов прокуратуры в достижении целей уголовного преследования при совершении преступлений в сфере экономики и финансов. *Елисеев Н.Р., Лапина М.А.*84

Особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних и проблемы ювенальной юстиции. *Елисеева А.А.*88

Понимание объекта преступления в доктрине уголовного права. *Квасникова Т.В., Костюк С.А., Лубягин О.И.*93

Основные детерминанты и условия хищений бюджетных средств в сфере спорта и сопутствующих ему преступных деяний. *Пивоваров Ф.Ю.*96

Сущность и значение тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном процессе. *Степанян Г.Н.*102

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Manipulation technology: deepfakes as a tool for creating cognitive distortions in political messages. *Kvetnoy V.V.* 4

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

- Youth civic identity in the context of cultural diversity: analysis of a sociological survey in Yakutia. *Skryabin D.I.* 9

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

- Information support for a referendum. *Vashakidze G.T.* 12
- Historical retrospective of the Russian experience of legal regulation of measures of state support for youth entrepreneurship. *Mostovshchikov A.A.* 16
- Private legal essence and definition of legal assistance. *Reznik G.S., Primak T.K.* 21
- Theoretical and legal aspects of the concept of "right to the city". *Tarasova M.S.* 29

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Passive plurality in bankruptcy cases. *Aryamov P.A.* 33
- Foreign experience in regulating the digital environment and digital rights. *Gazgireev N.Sh.* 36
- Parallel import in the Russian Federation. *Goloviznin O.S., Moskalov Ya.E., Kudelya N.Yu.* 41
- Use of blockchain technologies in the Russian legal field. *Dzhaparidze V.G.* 49
- Protection of copyright in video games. *Donskikh A.A.* 53

- Problematic aspects of protecting the "weak" party in agreements concluded in the digital environment, and ways to solve them. *Milenina Yu.Yu.* 56
- Theoretical issues and practical problems of determining the limits of protection of civil rights. *Miloserdov A.S.* 62
- Features of bringing to justice persons controlling the debtor. *Kivlenok T.V., Momotova A.A.* 67
- Ethical and legal aspects of using synthetic data in training artificial intelligence. *Chumachenko V.A.* 70
- Methodological approaches to establishing similarity and homogeneity in determining the confusion of trademarks. *Yakhaeva A.P.* 74

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- On the issue of classification of illegal information. *Azarov M.S.* 79
- The role of the prosecutor's office in achieving the goals of criminal prosecution in the commission of crimes in the field of economics and finance. *Eliseev N.R., Lapina M.A.* 84
- Features of criminal proceedings in cases of crimes committed by minors and problems of juvenile justice. *Eliseeva A.A.* 88
- Understanding the object of a crime in the doctrine of criminal law. *Kvasnikova T.V., Kostyuk S.A., Lubyagin O.I.* 93
- The main determinants and conditions of embezzlement of budget funds in the field of sports and related criminal acts. *Pivovarov F.Yu.* 96
- The nature and significance of the secrecy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages in criminal proceedings. *Stepanyan G.N.* 102

Технология манипуляции: дипфейки как инструмент создания когнитивных искажений в политических сообщениях

Кветной Владимир Владимирович
РЭУ им. Г.В. Плеханова

Статья посвящена исследованию роли когнитивных искажений в восприятии политических сообщений и влиянию технологий дипфейков на эти искажения. Рассматриваются основные когнитивные искажения, такие как подтверждающее искажение, эвристика доступности, эффект фрейминга, якорное искажение и иллюзия правды, а также их усиление с помощью дипфейков. Технология дипфейков, позволяющая создавать фальшивые, но правдоподобные медиа-материалы, становится мощным инструментом для манипулирования общественным мнением в политическом контексте. В статье также обсуждаются этические вопросы, связанные с использованием дипфейков, и предлагаются рекомендации по разработке методов борьбы с дезинформацией. Результаты исследования подчеркивают угрозу, которую представляют дипфейки для демократических процессов, и необходимость повышения осведомленности о рисках манипулирования политической информацией.

Ключевые слова: когнитивные искажения, дипфейки, политические сообщения, манипуляция общественным мнением, иллюзия правды, дезинформация, подтверждающее искажение, эвристика доступности, эффект фрейминга, якорное искажение, этика политической коммуникации.

Введение

Когнитивные искажения являются неотъемлемой частью человеческого восприятия и могут существенно влиять на восприятие политической информации. Эти искажения, которые представляют собой отклонения от рационального мышления, могут изменить то, как люди воспринимают факты и интерпретируют события. В последние годы особое внимание привлекает роль технологий, таких как дипфейки, в усилении когнитивных искажений в политической сфере. Дипфейки — это технологии искусственного интеллекта, которые позволяют создавать фальшивые изображения и видео, в том числе политических фигур, при этом они выглядят крайне правдоподобно. В данном контексте эти технологии становятся мощным инструментом для манипулирования общественным восприятием и искажением политической реальности.

Методы

Для понимания влияния когнитивных искажений и дипфейков на восприятие политических сообщений было проведено исследование, основанное на анализе существующих теорий когнитивных искажений и примеров использования дипфейков в политике. Были изучены рецензируемые статьи, книги и исследования, посвященные когнитивным искажениям, а также реальные случаи применения дипфейков в политических кампаниях. Основное внимание уделялось таким когнитивным искажениям, как подтверждающее искажение, эвристика доступности, эффект фрейминга, якорное искажение и иллюзия правды, а также анализировалась роль дипфейков в усилении этих искажений.

Результаты

Когнитивные искажения и их влияние на восприятие политических сообщений

1. **Подтверждающее искажение.** Это когнитивное искажение предполагает, что люди склонны искать и интерпретировать информацию таким образом, чтобы она поддерживала их существующие убеждения. В политическом контексте это может проявляться в том, что избиратели воспринимают

информацию, которая подтверждает их политические взгляды, и игнорируют данные, которые с ними не согласуются. Применение дипфейков в политических кампаниях может усиливать это искажение, поскольку фальшивые видеоролики и записи, подкрепляющие существующие политические представления, могут восприниматься как убедительные доказательства.

2. Эвристика доступности. Этот тип искажения заключается в том, что люди склонны переоценивать важность информации, которая легко доступна или недавно была представлена. В случае с дипфейками это может проявляться в том, что люди будут уделять больше внимания видео или новостям, которые содержат яркие, эмоционально насыщенные элементы, вне зависимости от их достоверности. Например, дипфейк-видео с фальшивыми заявлениями политиков могут распространяться быстро и вызывать сильные эмоциональные реакции, что способствует закреплению искаженных восприятий.

3. Эффект фрейминга. То, как информация подается, оказывает значительное влияние на ее восприятие. Фрейминг политической информации через дипфейки позволяет создавать искаженные нарративы, которые, несмотря на свою ложность, могут восприниматься как правдоподобные. Например, манипулируя контекстом или выражениями лиц политических деятелей, можно создать совершенно иной, искаженный образ событий, который будет влиять на общественное мнение.

4. Якорное искажение. Люди часто полагаются на первое встреченное сообщение при формировании мнения, даже если оно впоследствии оказывается ошибочным. В случае с дипфейками первое видео или заявление, которое покажется убедительным, может стать "якорем", вокруг которого строятся дальнейшие восприятия. Это особенно опасно в политической сфере, где люди часто принимают решения на основе первых впечатлений от политических событий или заявлений.

5. Иллюзия правды. Этот эффект предполагает, что чем больше человек сталкивается с определенной информацией, тем правдоподобней она ему кажется, независимо от ее фактической достоверности. Частое повторение фальшивых политических видео, созданных с помощью дипфейков, может способствовать созданию иллюзии правды, даже если эти видео являются полностью вымышленными. Со временем, несмотря на свою ложность, такие видео могут восприниматься как реальная информация, что усиливает манипуляции общественным мнением. Важно отметить, что этот эффект особенно ярко проявляется в социальных сетях, где контент быстро распространяется и получает огромное количество просмотров.

Роль дипфейков в политической коммуникации

Дипфейки усиливают искаженное восприятие политической реальности, создавая иллюзию достоверности. Благодаря технологии глубокого обуче-

ния дипфейк-видео становятся настолько правдоподобными, что их трудно отличить от настоящих записей. Это открывает широкие возможности для манипулирования общественным мнением, особенно в условиях политических выборов или кризисных ситуаций. Применение дипфейков в политических целях может вызвать серьезные последствия для демократических процессов, поскольку они могут влиять на поведение избирателей и поддерживать распространение дезинформации.

Обсуждение

Использование дипфейков в политической сфере поднимает множество этических вопросов. С одной стороны, технология дипфейков предоставляет новые возможности для творчества и сатиры, но с другой стороны, она представляет угрозу для информационной безопасности и политической стабильности. Важно отметить, что дипфейки усиливают существующие когнитивные искажения, что делает их еще более мощным инструментом для манипуляции общественным мнением.

С учетом этого необходимо принять меры для борьбы с распространением фальшивых видеоматериалов, разработать эффективные технологии для их обнаружения и информировать общественность о возможных угрозах. Необходимо также обеспечить, чтобы платформы для распространения контента, такие как социальные сети, не использовались для распространения дезинформации через дипфейками.

Заключение

Дипфейк-технологии становятся мощным инструментом для манипулирования политическими сообщениями и усиления когнитивных искажений в восприятии информации. Способность создавать фальшивые, но убедительные медиа-материалы, которые воздействуют на когнитивные предвзятости аудитории, представляет собой серьезную угрозу для демократических процессов. Для защиты от влияния дипфейков важно разрабатывать методы их обнаружения, а также повышать осведомленность среди общественности о возможных рисках манипулирования политической информацией.

Литература

1. Почему мы верим пропаганде: как когнитивные искажения формируют картину мира. 2023. URL: https://ai-news.ru/2023/04/pochemu_my_verim_propagande_kak_kognitivnye_iskazheniya_formiruut_kartin.html (дата обращения: 24-01-2025).
2. Ноам Хомский: 10 способов управления массами. И их разбор на техники НЛП. 2020. URL: https://ai-news.ru/2020/09/noam_homskij_10_sposobov_upravleniya_massami_i_ih_razbor_na_tehniki_nlp.html (дата обращения: 25-01-2025).
3. Arceneaux K. Cognitive Biases and the Strength of Political Arguments // American Journal of Political Science. 2012. Vol. 56. N. 2. P. 271-285. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&typ>

e=pdf&doi=4d33a591770acdf3d2f643de9825fab00e4e3dec

4. Baron J. Cognitive biases in moral judgments that affect political behavior // *Synthese*. 2009. Vol. 172. N. 1. P. 7-35. URL: <https://www.sas.upenn.edu/~baron/papers/synthese.pdf>

5. Calosa J.R., Andalajao C.J., Almazan R.C. Social Media Use, Social Media Behavior, Cognitive Biases, and Political Awareness among Student Voters // *International Journal of Scientific and Management Research*. 2023. Vol. 06. N. 05. P. 135-154. URL: https://ijsmr.in/doc/ijsmr06_30.pdf

6. McKee M., Stuckler D. How cognitive biases affect our interpretation of political messages // *BMJ*. 2010. Vol. 340. N. apr27 1. P. 936-937. URL: https://researchonline.lshtm.ac.uk/id/eprint/3808/1/How%20cognitive%20biases%20affect%20our%20interpretation%20of%20political%20messages%20_%20The%20BMJ.pdf

7. Бакулева К. К. Когнитивные аспекты политического поведения избирателей : автореферат дис. ... кандидата наук : 19.00.12 / Бакулева Карина Камелевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»], 2016. - 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kognitivnye-aspekty-politicheskogo-povedeniya-izbiratelei>

8. Боброва Л.А. Когнитивные искажения // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал*. 2021. № 2. С. 69-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya>

9. Буланова Е.Г., Логинов А.В. Политическая и органично интегрированная реклама: проблемы правового регулирования и направления их решения // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2019. Т. 19. № 3. С. 312-319. URL: https://soziopolit.sgu.ru/sites/soziopolit.sgu.ru/files/text-pdf/2023/06/e_g_bulanova_312-319.pdf

10. Вальковский М. Феномен постправды в современной медиасреде: вызовы и реакции // *Беларуская думка*. 2023. № 1. С. 98-103. URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_33882.pdf

11. Виловатых А.В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды // *Дискурс-Пи*. 2020. № 2 (39). С. 149-164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-sotsialnym-povedeniem-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy>

12. Войнич К.С. Влияние распространения недостоверной информации в социальных сетях на настроения студенческой молодежи // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024. Т. 14. № 3. С. 13-19. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/952/939>

13. Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2012. № 5. С. 89-103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-politicheskaya-kommunikatsiya-kak-instrument-manipulirovaniya-obshchestvennym-soznaniem>

politicheskaya-kommunikatsiya-kak-instrument-manipulirovaniya-obshchestvennym-soznaniem

14. Грошев А.М. Политическая коммуникация и искажение информации: эффективность и последствия // *Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Ижевск, 2-4 марта 2023 г. Ижевск : Изд-во УИР ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2023. С. 180-183. URL: <https://fenix23univer.istu.ru/files/Сборник%20трудов%20конференции%202023.pdf>*

15. Демченко А.А. Сложность интерпретации фейковых новостей как одного из видов манипуляции общественным сознанием // *Молодой ученый*. 2025. № 2. С. 435-437. URL: <https://moluch.ru/archive/553/121618/>

16. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 310-326. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/ko>

ha:000720183/SOURCE1

17. Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А. Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений // *Политическая лингвистика*. 2022. № 3 (93). С. 27-38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-metafory-v-kontekste-stereotipizatsii-i-kognitivnyh-iskazheniy>

18. Лебедев С.В. Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. Т. 11. № 4. С. 59-65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-vozdeystviya-v-sovremennyh-politicheskikh-kommunikatsiyah-psihologicheskie-osnovaniya>

19. Логинов Н.И., Александрова А.И. Современные тенденции в зарубежных исследованиях когнитивных искажений в процессах принятия решений // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 17. № 3. С. 444-453. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-zarubezhnyh-issledovaniyah-kognitivnyh-iskazheniy-v-protseсах-prinyatiya-resheniy>

20. Новикова В.С. Информационный хаос: как не поддаться на манипуляцию сознанием // *Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : материалы V-й Междунар. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 9 декабря 2022 г. Санкт-Петербург : СПбГУПТД, 2022. Т. 3. С. 267-271. URL: https://publish.sutd.ru/docs/content/sb_gumnauki_2022_3.pdf*

21. Подорова-Аникина О.Н. Современные политические коммуникации: главная цель электоральный успех // *Социум и власть*. 2011. № 1. С. 66-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-politicheskie-kommunikatsii-glavnaya-tsel-elektoralnyy-uspeh>

22. Подорова-Аникина О.Н. Современные политические коммуникации: факторы искажения восприятия // *Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ*. 2011. № 3. С. 86-91. URL: <https://izv.etu.ru/assets/files/izv-etu-3-2011.pdf>

23. Позняк К.В. Классификация когнитивных искажений // Право. Экономика. Психология. 2023. № 3. С. 68-75. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/39760/1/68-75.pdf>

24. Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Ларина Т.И. и др. Об исследовании факторов восприятия фейковых новостей массовой аудиторией (кейс студенческой молодежи) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 128-146. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2023_47/Puzanova_i_ko_128-146.pdf

25. Романова Е.Р. Убеждающая сила фейковых новостей: концепт когнитивных искажений // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2021. № 3. С. 110-118. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1737754395&tld=ru&lang=ru&name=Romanova%203%2021.pdf&text=>

26. Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 6. С. 101-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-kak-fenomen-politicheskoy-kommunikatsii>

Manipulation technology: deepfakes as a tool for creating cognitive biases in political messaging **Kvetnoy V.V.**

Plekhanov Russian University of Economics

This article explores the role of cognitive biases in the perception of political messages and the impact of deepfake technologies on these biases. The main cognitive biases discussed include confirmation bias, availability heuristic, framing effect, anchoring bias, and illusion of truth, as well as their amplification through deepfakes. Deepfake technology, which allows the creation of fake but plausible media content, is becoming a powerful tool for manipulating public opinion in the political context. The article also discusses the ethical issues surrounding the use of deepfakes and offers recommendations for developing methods to combat misinformation. The research highlights the threat that deepfakes pose to democratic processes and emphasizes the need for greater awareness of the risks of manipulating political information.

Keywords: cognitive biases, deepfakes, political messages, public opinion manipulation, illusion of truth, misinformation, confirmation bias, availability heuristic, framing effect, anchoring bias, political communication ethics.

References

1. Why We Believe Propaganda: How Cognitive Biases Shape Our Worldview. 2023. URL: https://ai-news.ru/2023/04/pochemu_my_verim_propagande_kak_kognitivnye_iskazheniya_formiruut_kartin.html (Accessed: 24-01-2025).
2. Noam Chomsky: 10 Ways to Manage the Masses. And Their Analysis Using NLP Techniques. 2020. URL: https://ai-news.ru/2020/09/noam_homskij_10_sposobov_upravleniya_massami_i_ih_razbor_na_tehniki_nlp.html (Accessed: 25-01-2025).
3. Arceneaux K. Cognitive Biases and the Strength of Political Arguments // American Journal of Political Science. 2012. Vol. 56. N. 2. P. 271-285. URL:

- <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=4d33a591770acdf3d2f643de9825fab00e4e3dec>
4. Baron J. Cognitive biases in moral judgments that affect political behavior // Synthese. 2009. Vol. 172. N. 1. P. 7-35. URL: <https://www.sas.upenn.edu/~baron/papers/synthese.pdf>
5. Calosa J.R., Andalajao C.J., Almazan R.C. Social Media Use, Social Media Behavior, Cognitive Biases, and Political Awareness among Student Voters // International Journal of Scientific and Management Research. 2023. Vol. 06. N. 05. P. 135-154. URL: https://ijsmr.in/doc/ijsmr06_30.pdf
6. McKee M., Stuckler D. How cognitive biases affect our interpretation of political messages // BMJ. 2010. Vol. 340. N. apr27 1. P. 936-937. URL: <https://researchonline.lshtm.ac.uk/id/eprint/3808/1/How%20cognitive%20biases%20affect%20our%20interpretation%20of%20political%20messages%20-%20The%20BMJ.pdf>
7. Bakuleva K. K. Cognitive aspects of political behavior of voters: abstract of dis. ... candidate of sciences: 19.00.12 / Bakuleva Karina Kamelevna; [Place of protection: FGBOU VO "St. Petersburg State University"], 2016. - 24 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/kognitivnye-aspekty-politicheskogo-povedeniya-izbiratelei>
8. Bobrova L.A. Cognitive distortions // Social and humanitarian sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3, Philosophy: Abstract Journal. 2021. No. 2. Pp. 69-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya>
9. Bulanova E.G., Loginov A.V. Political and organically integrated advertising: problems of legal regulation and directions for their solution // Bulletin of the Saratov University. New series. Series Sociology. Political Science. 2019. Vol. 19. No. 3. Pp. 312-319. URL: https://soziopolit.sgu.ru/sites/soziopolit.sgu.ru/files/text-pdf/2023/06/e.g._bulanova_312-319.pdf
10. Valkovsky M. The phenomenon of post-truth in the modern media environment: challenges and reactions // Belarusian Thought. 2023. No. 1. P. 98-103. URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_33882.pdf
11. Vilovatykh A.V. Manipulation of social behavior in the digital environment // Discourse-Pi. 2020. No. 2 (39). P. 149-164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-sotsialnym-povedeniem-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy>
12. Voynich K.S. The Impact of the Spread of False Information in Social Networks on the Moods of Student Youth // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. Vol. 14. No. 3. Pp. 13-19. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/952/939>
13. Volodenkov S.V. Modern Political Communication as a Tool for Manipulating Public Consciousness // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2012. No. 5. Pp. 89-103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-politicheskaya-kommunikatsiya-kak-instrument-manipulirovaniya-obschestvennym-soznaniem>
14. Groshev AM Political communication and distortion of information: efficiency and consequences // Challenges of the modern world in the framework of social and humanitarian knowledge: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Izhevsk, March 2-4, 2023. Izhevsk: Publishing house of UIR Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov, 2023. Pp. 180-183. URL: <https://fenix23univer.istu.ru/files/Сборник%20трудов%20конференции%202023.pdf>
15. Demchenko A.A. The Difficulty of Interpreting Fake News as a Type of Manipulation of Public Consciousness //

- Young Scientist. 2025. No. 2. pp. 435-437. URL: <https://moluch.ru/archive/553/121618/>
16. Zuykina K.L., Sokolova D.V. Features of Identification of Fake News by Young Audiences // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2021. No. 71. pp. 310-326. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha:000720183/SOURCE1>
 17. Ignatenko A.V., Dorofeeva E.A. Political Metaphors in the Context of Stereotyped and Cognitive Distortions // Political Linguistics. 2022. No. 3 (93). P. 27-38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-metafory-v-kontekste-stereotipizatsii-i-kognitivnyh-iskazheniy>
 18. Lebedev S.V. Technology of influence in modern political communications: psychological foundations // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 59-65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-vozdeystviya-v-sovremennyh-politicheskikh-kommunikatsiyah-psihologicheskie-osnovaniya>
 19. Loginov N.I., Aleksandrova A.I. Modern trends in foreign studies of cognitive distortions in the decision-making processes // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2020. Vol. 17. No. 3. Pp. 444-453. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-zarubezhnyh-issledovaniyah-kognitivnyh-iskazheniy-v-protssah-prinyatiya-resheniy>
 20. Novikova V.S. Information chaos: how not to succumb to manipulation of consciousness // Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: materials of the V-th International. scientific conf., St. Petersburg, December 9, 2022 St. Petersburg: SPbGUPTD, 2022. Vol. 3. Pp. 267-271. URL: https://publish.sutd.ru/docs/content/sb_gumnauki_2022_3.pdf
 21. Podorova-Anikina O. N. Modern political communications: the main goal is electoral success // Society and power. 2011. No. 1. P. 66-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-politicheskie-kommunikatsii-glavnaya-tsel-elektoralnyy-uspeh>
 22. Podorova-Anikina O. N. Modern political communications: factors of perception distortion // Bulletin of ETU LETI. 2011. No. 3. P. 86-91. URL: <https://izv.etu.ru/assets/files/izv-etu-3-2011.pdf>
 23. Poznyak K. V. Classification of cognitive distortions // Law. Economics. Psychology. 2023. No. 3. P. 68-75. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/39760/1/68-75.pdf>
 24. Puzyanova Zh.V., Filippov V.M., Larina T.I. et al. On the study of factors of perception of fake news by the mass audience (case of student youth) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 128-146. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2023_47/Puzanova_i_ko_128-146.pdf
 25. Romanova E.R. The Persuasive Power of Fake News: The Concept of Cognitive Biases // Bulletin of Dubna State University. Series "Sciences of Man and Society". 2021. No. 3. Pp. 110-118. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1737754395&tld=ru&lang=ru&name=Romanova%203%2021.pdf&text=>
 26. Falaleev M.A., Sitdikova N.A., Nechay E.E. Deepfake as a Phenomenon of Political Communication // Bulletin of Transbaikal State University. 2021. Vol. 27. No. 6. Pp. 101-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-kak-fenomen-politicheskoy-kommunikatsii>

Гражданская идентичность молодёжи в условиях культурного многообразия: анализ социологического опроса в Якутии

Скрябин Дмитрий Иннокентьевич
Северо-Восточный федеральный университет,
Midas777777@mail.ru

Гражданская идентичность, одна из составляющих социальной идентичности. Как аспект социальной структуры играет особую роль в определении индивидами своей принадлежности к гражданской общности. Следует подчеркнуть также роль на формирование социально-политической активности граждан. В условиях многонационального и поликультурного региона, подобно Республике Саха (Якутия), понимание гражданской идентичности принимает особую актуальность. Эта статья направлена на анализ восприятия культуры и идентичности среди населения Якутии на базе количественных данных полученных при опросе.

Ключевые слова: гражданская идентичность, респонденты, опрошенные, Якутия, СМИ, нация, традиции, обычаи, формирование.

Данные были собраны в ходе опроса в котором приняли участие 242 респондентов из разных населённых пунктов Якутии. Респондентам были заданы вопросы касающиеся их национальной и этнической идентичности, значимости культуры региона и об их отношении к российской идентичности.

По результату опроса демографическом аспекте, наиболее активно приняли участие в опросе возрастная группа от 19 до 24 лет, что составило (44.6%), за ней следует группа от 25 до 35 лет (42.9%), за ней группа от 14 до 18 лет (9%). Это показывает, что несовершеннолетняя молодёжь наиболее пассивна в общественной жизни, причём, которая является некоторое ограничение политической активностью, по возрастному принципу.

По половому составу составляющему 58.1% респондентов являются представители женского населения, что может указывать на их более выраженное участие в общественных процессах.

Значительная доля респондентов являются жителями Якутска и других городов Якутии (57.4%), это может свидетельствовать об различиях восприятия гражданской идентичности между городскими и сельскими жителями, конкретные исследования по данному вопросу в данной работе не проводятся.

Имеется большая погрешность в национальном составе среди респондентов, так доля якутов составляет (70.9%), в то время как в самой Якутии их численность чуть больше 50%, к русским себя отнесли (23%), к представителям Коренных малочисленных народов Севера всего (3%), и выбрали «другое» (2.1%) респондентов.

Рассматривая восприятие культуры. Согласно данным опроса почти половина респондентов (49.8%) оценивают влияние якутской культуры на свою идентичность как высокое, а (14%) как очень высокое. Данные подчёркивают значимость культурного наследия для значительной части местного населения региона.

Региональная культура формирует у индивидов чувство принадлежности к определённой локальной идентичности путём принадлежности к государственным символами, традиции, язык, фольклор, историческую память и даже через кухню. Они способствуют созданию и устойчивости к локальной идентичности, которая как правило интегрируется более широкую государственную идентичность [5].

Кроме этого респонденты выделили несколько ключевых аспектов якутской культуры в формировании национальной идентичности:

Язык выбрали (24.9%) участников, они считают язык наиболее важным аспектом гражданской идентичности, его влияние обосновывается когнитивными и социальными процессами.

Язык передаёт культурное наследие, ценности и историческую память, оно способствует формированию идентичности [1].

Традиции и обычаи выбрали 22.3% респондентов, они считают важным элементом сохранения культурного наследия [2].

Искусство (музыка, танцы и т.д.) выбрали (20%) опрошенных, они указали на значимость искусства в самовыражении и культурной идентификации.

Нравственные ценности к удивлению выбрало (16.3%) респондентов, по мнению респондентов они являются основополагающими в формировании личностных качеств и поведения в обществе.

Этническая одежда выбрало чуть меньше (15.75%) опрошенных, они видят в традиционной этнической одежде символ традиционной культуры.

Участие в культурных мероприятиях, согласно данным опроса (47.8%) опрошенных заявили, что они иногда участвуют в культурных мероприятиях, (29.7%) респондентов участвуют редко, в то время как (21.1%) посещают мероприятия часто. И только (1.3%) опрошенных никогда не участвуют в культурных мероприятиях. Это свидетельствует о том, что большинство представителей все же находят время и возможность участвовать в мероприятиях, поддерживающих культурное наследие.

На вопрос значимость якутского языка (64%) опрошенных подчеркнули её значимость, (17%) отметили как не очень важен, в то время как (17.4%) указали как очень важную роль якутского языка в их жизни. Всего только 0.8% участников считают язык совсем не важным.

Результаты опроса показывают, что большинство респондентов чувствуют себя частью российской нации в значительной степени (53.6%), чувствую себя немного выбрало (23.4%) опрошенных. (20.9%) респондентов заявили, что полностью идентифицируют себя с российской нацией. Следует обратить внимание, что (2.1%) опрошенных отметили, что они совсем не чувствуют себя частью российского общества, возможно к данной оценке привела социальный, экономический отрыв.

При анализе факторов, которые способствуют формированию российской идентичности молодёжи. Наибольшее число опрошенных выбрали социальные сети (28.2%), то есть средства непосредственного общения, в свою очередь средства массовой информации выделили (26.5%) это свидетельствует о значительном влиянии средств публичной передачи информации на формирование самосознания населения [4]. Менее популярными факторами оказались во-первых культурные мероприятия (18.4%) опрошенных, во-вторых образование (15.2%), в-третьих общение с людьми других национальностей (11.5%). Это подчёркивает важность среди данного населения образовательных инициатив и культурного обмена.

По отношению к идее единой российской нации состоящей из различных этнических групп, большинство заняло нейтральную позицию (58.3%), скорее всего это объясняется тем, что среди молодёжи не популяризируются различия и особенность понятий нация и национальность. Вместе с тем (40.4%) опрошенных выделили положительную оценку российской нации, это показывает принятие многообразия, что показывает высокий уровень толерантности. Отрицательно оценили (1.3%) опрошенных. Что возможно показывает их опасение по поводу ассимиляции или исторической травмы.

На вопрос укрепление российской идентичности среди молодёжи, как важно выделили межкультурные обмены (21.7%), межкультурные обмены включает в себе диалог с представителями разных этнических, культурных групп. В процессе сравнения, своей культуры с другими, укрепляется чувство культурной идентичности. Межкультурные взаимодействия развивают толерантность, понимание и уважении других культур. Образование выделили (21%) опрошенных, образования включает изучении истории, культуры, языков и т.д. и как один из главных агентов социализации играет важную роль в формировании гражданской идентичности. Пропаганда общей истории (20.4%), осознание и гордость за общую историю объединяет общество. Чуть меньше (20.2%) выбрали PR-компании, которая подразумевает использования СМИ для популяризации определённых культурных и исторических фактов и ценностей способствующей укреплению идентичности. Участие в социальных проектах определили (16.5%), которая подразумевает укреплению идентичности посредством привлечение молодёжи к активному участию в жизни общества.

Частота общение с представителями других национальностей также рассматривается в опросе (58.1%) респондентов общаются с представителями других национальностей несколько раз в неделю, это и не удивительно в многонациональном регионе, лишь (17.9%) общаются ежедневно, выбрали редко (22.4%) скорее всего сельские жители. В целом все это указывает на высокий уровень взаимодействия, которая способствует межэтническому диалогу.

Межэтнический диалог является средством сплочения населения. Поскольку оно является важным средством преодоления различия в культурной, этнических ценностях. Через данный диалог формируется понятие «Мы-граждане России» [3].

На вопрос о восприятии культурного многообразия большинство (73.1%) положительно отнеслись к многообразию культур в России. Это демонстрирует о высокой степени принятия и уважения молодёжи Якутии к различным культурам, оно стимулирует стабильному взаимодействию внутри общества. Нейтрально оценили (24.8%) опрошенных, что скорее всего свидетельствует об нехватке информации, то есть не осведомлённости или пассивном гражданской позиции.

На вопрос роль государства в формировании идентичности, более половины респондентов оценили положительно роль государства (57.7%) и

очень положительно (10%) опрошенных, это свидетельствует об большой роли государственных инициатив, нейтрально выбрали (31.8%).

Влияние места проживания на формирование российской идентичности, большинство опрошенных выделили умеренную (60.8%), очень сильную (29.6%), и лишь только (9.2%) респондентов выбрали слабую роль воздействие места проживания на процесс идентификации. Данные показывают значимость локального социокультурного окружения в формировании гражданской идентичности.

Какую роль, по вашему мнению, играют социальные сети в формировании идентичности? По мнению (40.5%) опрошенных оно играет большую роль, а (32.2%) оценили как очень большое. Что в сумме 72.7%, выделили как умеренно (22.3%), небольшую (4.5%). В целом можно прийти к выводу, что социальные сети и медиа становятся важными элементами самовыражения и обмена информацией по различным вопросам.

На вопрос по поводу предпочтительной идентификации, по этносу (русский, якут и т.д.) выбрали (76.4%), что свидетельствует об приоритетности этнической принадлежности для большинства молодежи, относительно как россиян (17.3%). Это свидетельствует об не популярности понятие Россиянин в повседневной жизни данного региона или страны. К тому же около 7% респондентов считают себя гражданами мира.

Заключение

В ходе исследования, выяснилось, что восприятие культуры на формирование идентичности существенна, оно оказывает важное влияние на идентификацию респондентов. Между тем важна роль социальных сетей и медиа в формировании идентичности, способствуя обмену информации и укреплению межэтнического диалога. Вопреки преобладания этнической идентификации среди опрошенных, большинство подчёркивают себя частью российской нации, что может указывать на диверсифицированную структуре самосознания в данном регионе. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода к проблеме идентификации, в соответствии многонационального общества, что актуально как в Якутии, так и в России в целом.

Литература

1. Арутюнова Е.М. Русский язык в Российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // СНИСП. 2021. №1 (33). С. 111-123.
2. Баева Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // Философия и общество. 2012. №1. С. 109-118.
3. Гантамиров Т.Т. Межэтнический диалог как фактор цивилизационного развития современной России // Наука. Искусство. Культура. 2016. №2 (10). С 84-93.
4. Гончаренко К.О. Роль СМИ в формировании гражданской идентичности молодежи // Коммунология: электронный научный журнал. 2020. №1. С. 35-44
5. Еремина Е.В., Ретинская В.Н. Региональная и гражданская идентичность: взаимосвязь и механизмы формирования // Социально-гуманитарные знания. 2016. №9. С. 310-317.

Civic Identity of Youth in the Context of Cultural Diversity: Analysis of a Sociological Survey in Yakutia Skryabin D.I.

North-Eastern Federal University

Civic identity, one of the components of social identity. As an aspect of the social structure, it plays a special role in determining individuals' belonging to a civic community. The role of the formation of socio-political activity of citizens should also be emphasized. In a multinational and multicultural region, like the Republic of Sakha (Yakutia), the understanding of civic identity takes on particular relevance. This article is aimed at analyzing the perception of culture and identity among the population of Yakutia based on quantitative data obtained during the survey.

Keywords: civic identity, respondents, respondents, Yakutia, mass media, nation, traditions, customs, formation.

References

1. Arutyunova E.M. Russian language in Russian identity: theoretical approaches and current context // SNI SP. 2021. No. 1 (33). P. 111-123.
2. Baeva L.V. Preservation of cultural heritage as the embodiment of the value of tradition // Philosophy and Society. 2012. No. 1. P. 109-118.
3. Gantamirov T.T. Interethnic dialogue as a factor in the civilizational development of modern Russia // Science. Art. Culture. 2016. No. 2 (10). P. 84-93.
4. Goncharenko K.O. The role of the media in shaping the civic identity of young people // Communicology: electronic scientific journal. 2020. No. 1. P. 35-44
5. Eremina E.V., Retinskaya V.N. Regional and civic identity: relationship and formation mechanisms // Social and humanitarian knowledge. 2016. No. 9. P. 310-317.

Информационное обеспечение референдума

Вашакидзе Георгий Теймуразович

старший преподаватель кафедры международного предпринимательства, Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, vgtspb@mail.ru

В настоящей статье раскрывается вопрос информационного обеспечения референдумного процесса, соблюдения прав граждан, законности проведения референдумного процесса. Проведен анализ статей на тему «правовой статус референдума», «виды референдума». Проанализированы положения действующего законодательства на указанную тему, а именно, Федеральный конституционный закон о референдуме Российской Федерации, Федеральные законы и иные нормативные правовые акты. Выявлены особенности информационное обеспечение референдума, а также особенности его законодательного закрепления. Определены основополагающие цели, задачи информационное обеспечение референдума. Приведена терминология института информационное обеспечение референдума, а также определена ключевая роль применяемых терминов. Раскрыты правила информационного обеспечения и ответственность за их нарушения.

Ключевые слова: референдум, референдумный процесс, избирательное законодательство, законодательство о референдумах, информирование, средства массовой информации, правовой институт.

Правовая модель Российского государства выделяет особое место институту референдума, определяя его центром непосредственной демократии.

Так, согласно основ конституционного строя, закрепленных в основном законе нашей страны, референдумный процесс выступает высшим непосредственным выражением власти народа, который в свою очередь является носителем суверенитета и единственным источником власти в стране.¹ Следует отметить, что наряду с референдумом, как высшей формы непосредственного выражения власти предусмотрены свободные выборы.

Каждая из данных форм народовластия выполняет свою функцию, являясь при этом равноценными, дополняющими друг друга. Конституционным судом Российской Федерации по данному факту правомерно отмечено об отсутствии связи от последовательности их перечисления с выделением приоритета одной из данных форм перед другой, так как данные формы народовластия являются равноценными.²

При этом во многих моделях европейских стран закрепление института референдума в основном законе страны не предусмотрено, предпочтение отдается представительной форме демократии, свободным выборам.

В Российской Федерации значимость референдумного процесса подтверждается статусом принятых на референдуме решений, которые являются общеобязательными, действующими на всей территории страны, не требующие дополнительного утверждения, и имеющими особый порядок их отмены или изменения.

Еще одним фактором, выступающим в пользу значимости референдума, является статус нормативного правового акта, регулирующего референдумный процесс, принятый в форме не федерального закона, а федерального конституционного закона.

Вместе с тем, для обеспечения правомерности принятого на референдумном процессе решения необходимо соблюдение все предусмотренных процедур, правил и операций, в том числе по проведению агитации, формировании комиссий, голосовании, подсчете голосов и т.д.

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2003 № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»»//«Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2003.

Немаловажным в данной части является также соблюдение положений об информационном обеспечении референдума, направленное на обеспечение осознанного волеизъявления участников референдума и обеспечения принципа гласности.

Принципу гласности отведено особое место в различных институтах российского права, в том числе, как мы и видим, и института референдумного процесса.

Данный принцип реализуется рядом механизмов, например, такими как:

- участие на различных стадиях проведения референдума различных его участников и представителей, в том числе представителей средств массовой информации;

- обнародование информации о референдуме, о деятельности комиссий референдума, о его результатах и т.д.;

- информирование о порядке и сроках подготовки и проведения референдума, проведения кампании референдума, агитации по вопросам референдума и т.д.

- опубликование нормативных правовых актов и иных актов, решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, касающихся референдумного процесса и другие механизмы.

Соблюдения принципа гласности является важным элементом соблюдения прав граждан, законности проведения референдумного процесса и его информационного обеспечения.

Информационное обеспечение референдума включает в себя:

- информирование участников референдума;
- агитацию по вопросам референдума.

Следовательно, необходимость обеспечения информирования граждан о порядке и сроках подготовки и проведения референдумного процесса, голосования, о принятых решениях, результатах и т.д. гарантируется государством. Данное требование обеспечивается закрепленными положениями нормативных правовых актов, регулирующих референдумный процесс.

В свою очередь информирование участников референдума подразумевает установление требований в отношении его участников, информационных материалов, запретов и ограничений.

Так, информирование участников референдума возложено на следующих субъектов, которые условно можно подразделить на 5 групп:

- органы государственной власти;
- органы местного самоуправления;
- комиссии референдума, осуществляющие подготовку и проведение референдума, и обеспечивающие защиту прав граждан на участие в референдумном процессе;

- организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации. В свою очередь к организациям, осуществляющим выпуск средств массовой информации относятся, в том числе организации, обеспечивающие выпуск периодических печатных изданий (газет, журналов, бюллетеней и т.д.), теле- и радиопрограммы и т.д.³

- физических и юридических лиц.

При этом размещаемый информационный материал должен отвечать определенным требованиям, а именно, требованиям:

- объективности, предполагающим, что материал должен содержать исключительно обоснованные выводы, подтвержденные определенными аргументами. Изложение должно быть нейтральным и непредвзятым;

- достоверности, определяющим качество предоставляемой информации, ее полноты и точности, соответствие реальности;

- не нарушающим равенство прав участников референдума и не допускающих какую-либо дискриминацию участников референдума по какому-либо признаку. Так, законодателем отмечено о недопустимости предоставления предпочтения одной инициативной группе перед другой при осуществлении их деятельности, умаление прав инициативной группы. Всем участникам должно быть предоставлено равное право по времени освещения проводимых ими мероприятий, объему печатной площади и т.д.

Кроме того, установлены жесткие требования в части формирования информационного материала, касающегося деятельности инициативных групп, а именно, запрет на пересечение данного материала с иными информационными блоками. Также установлен запрет на публикацию комментариев в отношении данных информационных блоков.

При этом данные требования распространяются не на все периодические печатные издания. Так исключения предоставляются политическим партиям, членам инициативных групп, осуществляющим выпуск периодических печатных изданий.

Еще одним не маловажным запретом является запрет на предварительное обнародование данных:

- об итогах голосования;
- о результатах референдума.

Данный запрет установлен на размещение данных в средствах массовой информации, в том числе размещение таких данных в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая сеть «Интернет»)⁴. Временный период запрета определен днем голосования и обосновывается наличием субъектов Российской Федерации, находящихся в разных часовых поясах. Так, в некоторых субъектах Российской Федерации голосование уже завершено, в других идет самый разгар голосования, в третьих голосование подходит к концу,

³ Воробьев С.М. Конституционно-правовые основы борьбы с дискриминацией в России // Lex russica. 2013. № 1. С. 16 - 24.

⁴ Братановский С.Н., Костыкова О.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О

референдуме Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2006.

либо вообще окончено. Соответственно, преждевременное опубликование может существенно повлиять на волеизъявление, мнение участников референдума. В связи с чем данный запрет представляется обоснованным. Установление данного запрета выполняет очень важную функцию, выраженную в исключении возможности влияния на мнение голосующих.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов», сведения любого характера, связанные с подготовкой и проведением референдума, могут оказывать воздействие на выбор гражданина при реализации его права на участие в референдуме. В связи с этим информационное обеспечение референдумов должно способствовать осознанному волеизъявлению граждан, гласности референдумов и гарантируется условиями, правилами и процедурами, предусмотренными Законом об основных гарантиях избирательных прав.⁵

Следует отметить, что запрет не распространяется на опубликование результатов опросов общественного мнения, связанных с референдумом.

Законодательство Российской Федерации о референдумном процессе рассматривает опубликование результатов опросов общественного мнения как разновидность информирования его участников.

При этом необходимо отметить, что термин «общественное мнение» не нашел своего закрепления в правовой системе Российской Федерации, но неоднократно встречается в различных нормативных правовых актах.

Под общественным мнением следует понимать определенную информацию, поступающую из различных источников, позволяющую получателю данной информации определить отношение какой-то части общества или всего общества к определенному вопросу, государственному органу, курсу и т.д.⁶

Согласно позиции доктора юридических наук, профессора Авакьяна С.А. под общественным мнением следует понимать такое мнение, которое выражено публично, т.е. в присутствии посторонних лиц.⁷

К обнародованию общественного мнения, связанного с референдумом, также установлены определенные ограничения. Так, при их опубликовании в обязательном порядке необходимо указать:

- организацию, проводившую опрос, а также лицо, заказавшее проведение опроса. В зависимости от организации, от ее статуса, приверженности может зависеть доверие общества к предоставленной информации;

- период его проведения и количество опрошенных лиц, либо их выборку, с целью определения объективности полученных данных и применимость их к современным реалиям.

- метод сбора информации;
- регион, где проводился опрос;
- точную формулировку вопроса, с целью возможности соотнесения вопроса и полученного ответа;
- статистическую оценку возможной погрешности.

Ценность полученных данных и оценка общественного мнения напрямую зависит от всех вышеуказанных факторов, для обеспечения возможности участникам референдума оценить предоставленную информацию.

Возможность опубликования результатов опросов общественного мнения также ограничена временными рамками. Так, запрещено их опубликование в день голосования, а также за пять дней до указанного дня.

Следует отметить, что за нарушение установленных запретов предусмотрены меры ответственности. Так, наиболее типичными являются административные правонарушения, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно, статьей 5.5. «Нарушение порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов, референдумов, общероссийского голосования», статьей 5.8. «Нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях» и др.⁸

Таким образом, подводя итог можно отметить, что законодателем отведено значительное внимание элементу информационного обеспечения референдума, выполняющему важную функцию в законности его проведения, обеспечивая осознанное волеизъявление его участников, а также обеспечивая основной принцип проведения референдумного процесса, такой как гласность.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изме-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // «Бюллетень Верховного суда РФ», № 8, август, 2024 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов»

⁶ Погодина И.В. Формирование положительного имиджа ФНС и ФТС России: инструменты и технологии // Таможенное дело. 2023. № 3. С. 4 - 8.

⁷ Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12 - 21.

⁸ Жеребцов А.Н., Ротко С.В., Рыдченко К.Д., Страунинг Э.Л., Чернущ Н.Ю., Елаев А.А., Котухов С.А., Тимошенко Д.А., Томтосов А.А. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС КонсультантПлюс. 2021.

нениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2003 № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2003.

3. Воробьев С.М. Конституционно-правовые основы борьбы с дискриминацией в России // *Lex russica*. 2013. № 1. С. 16 - 24.

4. Братановский С.Н., Костькова О.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (постатейный) // СПС Консультант-Плюс. 2006.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // «Бюллетень Верховного суда РФ», № 8, август, 2024 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов»

6. Погодина И.В. Формирование положительного имиджа ФНС и ФТС России: инструменты и технологии // *Таможенное дело*. 2023. № 3. С. 4 - 8.

7. Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 1. С. 12 - 21.

8. Жеребцов А.Н., Ротко С.В., Рыдченко К.Д., Страунинг Э.Л., Чернущ Н.Ю., Елаев А.А., Котухов С.А., Тимошенко Д.А., Томтосов А.А. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС Консультант-Плюс. 2021.

Information support of the referendum Vashakidze G.T.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: this article discusses the issue of information support for the referendum process, respect for citizens' rights, and the legality of the referendum process. The analysis of articles on the topic "the legal status of the referendum", "types of referendum" is carried out. The provisions of the current legislation on this topic are analyzed, namely, the Federal Constitutional Law on the

Referendum of the Russian Federation, Federal laws and other regulatory legal acts. The features of the information support of the referendum, as well as the features of its legislative consolidation, are revealed. The fundamental goals and objectives of the information support of the referendum have been identified. The terminology of the institute for information support of the referendum is given, and the key role of the terms used is determined. The rules of information support and responsibility for their violations are disclosed.

Keywords: referendum, referendum process, electoral legislation, legislation on referendums, information, mass media, legal institution.

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, including the new subjects of the Russian Federation - Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region and Kherson region, published on the Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11.06.2003 No. 10-P "On the Case of Checking the Constitutionality of the Federal Constitutional Law On Amendments and Additions to the Federal Constitutional Law on the Referendum of the Russian Federation" // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, No. 4, 2003.
3. Vorobyov S.M. Constitutional and legal foundations of combating discrimination in Russia // *Lex russica*. 2013. No. 1. pp. 16-24.
4. Bratanovskiy S.N., Kostkova O.V. Commentary to the Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5-FKZ "On the Referendum of the Russian Federation" (article-by-article) // SPS ConsultantPlus. 2006.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/25/2024 No. 17 "On Certain issues Arising from courts when Considering Cases of administrative offenses infringing on the Established procedure for Information support of elections and Referendums" // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, No. 8, August, 2024 "On certain issues arising from courts when considering cases of administrative offenses infringing on the established procedure for information support of elections and referendums"
6. Pogodina I.V. Formation of a positive image of the Federal Tax Service and the Federal Customs Service of Russia: tools and technologies // *Customs business*. 2023. No. 3. pp. 4-8.
7. Avakian S.A. Freedom of public opinion and constitutional and legal guarantees of its implementation // *Constitutional and municipal law*. 2013. No. 1. pp. 12-21.
8. Zherebtsov A.N., Rotko S.V., Rydchenko K.D., Strauning E.L., Chernus N.Yu., Elaev A.A., Kotukhov S.A., Timoshenko D.A., Tomtosov A.A. Commentary to the Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 no. 2124-1 "On mass media" // SPS ConsultantPlus. 2021.

Историческая ретроспектива российского опыта правового регулирования мер государственной поддержки молодежного предпринимательства

Мостовщиков Алексей Александрович

аспирант кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук

Российское молодежное предпринимательство берет свое начало развития с 1990-х годов. Переход от плановой экономики к рыночным условиям потребовал создания новых правовых норм. В это время молодежь начала активно вовлекаться в предпринимательскую деятельность, что потребовало разработки специальных мер поддержки. Однако вопросы правового регулирования и государственной поддержки в этой сфере требуют более глубокого анализа с учетом исторических аспектов. В данной статье мы рассмотрим, как эволюционировала законодательная база, направленная на поддержку молодежного предпринимательства в России, и какие меры были приняты на различных исторических этапах.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство; историческая ретроспектива; молодежная политика; исторические аспекты; меры государственной поддержки; исторические этапы развития молодежного предпринимательства в России; молодые бизнес-специалисты; правовое регулирование; становление молодежного предпринимательства в РФ.

Государственные меры поддержки молодежного предпринимательства рассматриваются как усилия государства, направленные на содействие этой деятельности, а также политических партий, общественных организаций, направленная на развитие бизнес-структур, создаваемых среди молодежи. Обратимся к этапам развития молодежного предпринимательства в России:

1. Один из ключевых этапов — создание правовой базы для его поддержки, появившейся в 1990-х годах. В это время, согласно статистике, более 70% предприятий основывались молодыми предпринимателями в возрасте от 25 до 29 лет. Данный период характеризуется проведением неолиберальной политики перехода к рынку и датируется с 1991 по 1992 г. Его еще именуют переходным периодом проведения неолиберальной политики перехода к рынку, экономические условия для становления молодежного предпринимательства были не развиты. Формационный переход от централизованной, плановой системы к современному капитализму оказался чрезвычайно противоречивым и болезненным. В результате, гиперинфляция, обесценивание сбережений, закрытие производств, безработица, сверхвысокие процентные ставки по кредитам, отсутствие инфраструктуры поддержки экономических проектов создали неблагоприятный климат для развития предпринимательства.

Молодежное предпринимательство в производственной сфере практически не имело реальных возможностей для развития. Однако именно в этой области происходит производство продукции и товаров, выполняются работы, оказываются услуги, и формируются установки, которые способствуют его развитию. Уже сложившиеся в 1990–1991 гг. предпринимательские структуры и созданные молодыми людьми в конце 1991–1992 гг. предприятия стали разрушаться из-за распада экономических связей, нарушения материально-технического снабжения, невозможности продажи продукции, а также отсутствия финансовых ресурсов. Молодежь могла реализоваться только в коммерческом предпринимательстве, которое в 1991–1992 гг. оказалось под контролем криминальных структур. Согласно социологическим исследованиям, проведенным научной школой социологии молодежи при Институте молодежи в 1992 г., к середине 1992 года общее число малых предприятий (предпринимательский сектор) составило 558 тысяч, что почти в два с половиной раза больше, чем в конце 1991 года. От 70 до 80% вновь созданных предприятий регистрировалось молодыми людьми в возрасте от 25 до 30 лет, что

указывает на будущий потенциал развития молодежного предпринимательства⁹.

Одним из первых шагов на пути правового регулирования стало принятие Закона Российской Федерации «О кооперации в Российской Федерации» в 1992 году, который стал основой для создания малых предприятий, включая молодежные. Этот закон определил правовые рамки для создания кооперативов, что дало возможность молодежи заниматься бизнесом. Но несмотря на это, практически не имело реальных возможностей для развития производственное молодежное предпринимательство.

2. Переход к рынку в форме бюрократического капитализма, который датируется с 1993 по 1999 гг. В 1995 году был принят Закон «О государственной поддержке малых форм предпринимательства», который стал основным документом для молодежного предпринимательства. Этот закон предусматривал различные формы поддержки, включая финансовую помощь, налоговые льготы и образовательные программы.

В данный период Правительство РФ под руководством В.С. Черномырдина проводило приватизацию в интересах узкой группы чиновников, директоров предприятий, старой номенклатуры, используя, с одной стороны, монетаристские методы, а с другой стороны, кредиты Международного валютного фонда и развитых стран. После отставки В.С. Черномырдина произошла быстрая смена одного правительства за другим (С.В. Кириенко, Е.М. Примакова, С.В. Степашина) и по итогу экономическая политика, которую выстраивал В.С. Черномырдин закончилась августовским дефолтом 1998 г. Вследствие указанных событий страна была отброшена к экономической ситуации 1992-1993 гг. Продолжался быстрый спад производства, старели производственные фонды, росла безработица, падал жизненный уровень, к острым экономическим проблемам добавились демографические, рост преступности, увеличение числа людей, имеющих доход ниже прожиточного минимума и другие. В этот период молодежное предпринимательство находилось в состоянии стагнации.

3. Период усиления прямого вмешательства государства в экономику приходится на вторую половину 1999 г. - первую половину 2000 г. В данный период с августа по декабрь председателем правительства РФ был В.В. Путин, который 31 декабря 1999 г. был избран на пост Президента РФ. На протяжении указанного периода производился поиск национальной экономической модели рыночного хозяйства, созданию которой, и во имя обеспечения функционирования которой, планировалось провозгласить новую экономическую политику. В условиях обострения международных экономических связей (снижение военного и внешнеполитического влияния России в мире, значительная внешняя задолженность и необходимость выплачивать крупные суммы кредиторам), нехватки внутриполитической

стабильности (обострение необходимости укрепления влияния РФ, преодоления сепаратизма в отдельных субъектах РФ, военные действия в Чечне, рост политического противостояния), социально-экономической неопределенности (неоправданные ожидания населения от реформ оборачивались нарастанием протестных настроений, углублением социальной апатии и обострением всех тех проблем, которые получили развитие в предыдущие периоды) стали использоваться методы прямого вмешательства государства в экономику, начала выстраиваться новая вертикаль исполнительной власти. Молодежное предпринимательство постепенно приобретает фундамент для дальнейшего становления. Что касается мер государственной поддержки молодых предпринимателей, то в этот период предоставлялись субсидии и гранты на начало собственного дела, получил толчок для развития рынок инвестирования.

4. Период поиска эффективной модели государственного регулирования экономики и укрепления основ молодежной политики – самый продолжительный период, который датируется второй половиной 2000 г. и продолжается по настоящее время. Государство активно начинает внедрять новые меры поддержки молодежного предпринимательства, среди которых: в финансовой сфере предоставляются субсидии, гранты, льготные кредиты, направленные на финансирование бизнес-проектов, возмещение затрат на выставочно-ярмарочную деятельность, обучение сотрудников, покупку оборудования, рекламу, бухгалтерские и юридические услуги; в сфере образования создаются образовательные программы, в рамках которых проводится обучение, консультирование, курсы повышения квалификации, тренинги по бизнес-администрированию и управлению; в информационной среде создаются платформы для обмена опытом и информацией о лучших практиках бизнес-ведения; создаются технопарки, где молодые предприниматели могут развивать свои проекты с помощью менторов и экспертов. Все эти меры способствуют не только развитию отдельного бизнеса, но и создают экосистемы, которые привлекают все больше инноваций и развивают экономику.

В 2007 году принятие Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» открыло новые горизонты для молодежного бизнеса. Этот закон предусматривал меры, направленные на упрощение доступа к кредитам, налоговые льготы и поддержку инвестиционных программ. Важным моментом стало создание Центров развития предпринимательства, которые стали прообразом для различных образовательных платформ и когда молодежь могла получать не только финансовую поддержку, но и знания, необходимые для ведения бизнеса. Предпринимательские инициативы среди молодежи начали активно поощряться через различные конкурсы и

⁹ URL: <https://www.csr.ru/ru/research/mery-podderzhki-molodezhnogo-predprinimatelstva-v-rossii/> (дата обращения: 10.12.2024).

гранты. Важно отметить, что в это время значительно увеличилось количество молодежных организаций, которые начали предлагать консультации и помощь в оформлении бизнеса. Таким образом, система государственной поддержки стала более многоуровневой и доступной.

В 2010-е годы Россия сделала акцент на поддержку инновационного характера в молодежном предпринимательстве. Принятые факторы для устойчивого развития начали включать создание специальных технопарков и инкубаторов для стартапов. Законодательство в этой сфере тоже претерпело изменения. В 2012 году вступил в силу закон «О техническом регулировании», который предоставил дополнительные стимулы для молодежи, занимающейся высокими технологиями.

Такой переход стал важным этапом, поскольку криминализованные формы бизнеса, присущие предыдущим десятилетиям, начали уступать место более легальным и этичным подходам. В это же время начали действовать специальные федеральные программы, направленные на поддержку молодых предпринимателей, работающих в сфере информационных технологий и инноваций. На основе уже существовавших наработок, был разработан ряд федеральных и региональных программ, что выделило молодежное предпринимательство как самостоятельную и важную категорию в экономике страны. Государственная поддержка начала также включать программы менторства, что способствовало возникновению сетевого взаимодействия между молодыми предпринимателями и опытными бизнесменами.

Молодежное предпринимательство в России становится все более актуальным. С каждым годом растет количество инициатив и молодых специалистов, желающих реализовать свои идеи. Однако для этого необходимо не только желание, но и поддержка на уровне государства. В последние годы в России было принято несколько законодательных актов, направленных на поддержку молодых предпринимателей. Начиная с 2015 года, была разработана программа «Молодежь России», которая включает в себя множество инициатив, направленных на поддержку молодежного бизнеса.

На законодательном уровне предусмотрены меры, направленные на упрощение процесса регистрации бизнеса, снижение налогового бремени и минимизацию административных барьеров. Молодые предприниматели могут воспользоваться различными программами субсидирования, которые предоставляются как федеральными, так и региональными органами власти. Важным моментом является внедрение системы менторства и консультирования молодых предпринимателей. Это позволяет избежать типичных ошибок, с которыми сталкиваются начинающие бизнесмены.

Таким образом, изучив исторические периоды развития молодежного предпринимательства, можно сделать вывод о том, что в каждом из этих периодов наблюдались неблагоприятные условия для ведения молодежного предпринимательства.

Можно отследить тенденцию по сокращению промышленного бизнеса и развитию торговли, а также использования теневых схем ведения бизнеса. Госпрограммы и меры поддержки при этом недостаточно эффективны. Историческая ретроспектива российского опыта правового регулирования мер государственной поддержки молодежного предпринимательства демонстрирует постоянное развитие законодательства в этой области. С начала 90-х годов и до сегодняшнего дня мы видим, как изменялась не только правовая база, но и сама природа предпринимательства среди молодежи.

Каждый этап развития выводил на передний план новые задачи, требующие незамедлительного реагирования. Взаимодействие государства, международных организаций и молодежных предпринимателей дало возможность создать устойчивую систему поддержки, способствующую экономическому росту и социальным изменениям. Эти изменения отражают не только адаптацию к рыночной экономике, но и формирование новой бизнес-культуры, пронизанной духом инноваций и стремлением к устойчивому развитию. Таким образом, современные меры государственной поддержки молодежного предпринимательства не только помогают в преодолении кризисных явлений, но и создают качественно новый уровень взаимодействия между всеми участниками бизнес-процессов.

Литература

1. Лисецкий Е.Д. Анализ актов стратегического планирования и программ по развитию молодежного предпринимательства // Правовой альманах. 2023. № 5 (27). С. 32–37.
2. Масленникова А.Ю., Масленников Д.Ю. Молодежное предпринимательство как драйвер экономического роста // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 1 (38). С. 87–94.
3. Милославский В.Г. Молодежное предпринимательство как фундамент развития среднего класса в России // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 594–597.
4. Рыжова А.Н. К вопросу о развитии и актуальных проблемах молодежного предпринимательства в России // Правовой альманах. 2023. № 7 (29). С. 50–55.
5. Сабирова Р.К. Катализатор молодежного предпринимательства: создание всеобъемлющей экосистемы // Yessenov science journal. 2024. № 2 (47). С. 206–210.
6. Симонов С.Г., Грошева Л.И. Молодежное предпринимательство в России: проблемы и перспективы развития // Академический вестник. 2012. № 2 (20). С. 39–44.
7. Солдатова Н.Ф. Молодежное предпринимательство россиян: возможности и приоритеты // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 5329–5342.
8. Узденова Ф.М., Урусов М.И. Молодежное предпринимательство в России и в регионах // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (54). С. 259–262.

9. Халимбеков Х.З. Молодежное предпринимательство в зарубежных странах и регионах России // Альманах «Крым». 2022. № 32. С. 52–61.

10. Хуснулина Р.Р. Инвестирование в основной капитал: вектор развития молодежного предпринимательства // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 703–707.

11. Шерстнева А.В. Некоторые вопросы и проблемы в развитии молодежного предпринимательства // Евразийский научный журнал. 2022. № 3 С. 4–8.

12. Шpileva A.A., Быкова О.Н. Классификация мер государственной поддержки молодежного предпринимательства России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34. № 2. С. 284–289.

13. Шумик Е.Г., Белик Е.В., Блинов М.П. Молодежное предпринимательство: проблемы и пути решения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 184–194.

14. Gainullina E.V. Implementation of start-up projects based on universities as a driver of youth entrepreneurship development // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2022. № 1 (36). P. 70–77.

15. Khusainova, Zh.S., Zhartay, Zh.M. Development of methodological bases for the foresight model of youth entrepreneurship development // Bulletin of the Karaganda university Economy series. 2020. Т. 97. № 1. P. 58–65.

16. Klimuk V.V., Song Haobin. Current situation and prospects for the development of young enterprises in the public of Belarus // Endless light in science. 2023. № 3. P. 201–207.

17. Дерюгин П.П., Шилыева А.С. Предприимчивость и предпринимательство в координатах ценностей и знаний (на основе эмпирического социологического исследования молодежного предпринимательства) // XXII Всероссийская научная конференция с международным участием Информация–Коммуникация–Общество. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2016. Т. 1. С. 46–50.

18. Челембеева С.И. Молодежное предпринимательство: современное состояние и перспективы развития // Экономика и бизнес в условиях цифровой трансформации и новых вызовов. Москва: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт бизнеса и дизайна», 2024. Т. 1. С. 253–265.

19. Maletina T.A., Shilnikova D. Youth innovative entrepreneurship support in Russia Irkutsk State University // Youth Innovative Entrepreneurship 2023. Irkutsk: Irkutsk State University, 2023. P. 110–113.

Historical retrospective of the Russian experience of legal regulation of measures of state support for youth entrepreneurship

Mostovshchikov A.A.

State Academic University of the Humanities

Russian youth entrepreneurship has been developing since the 1990s. The transition from a planned economy to market conditions required the creation of new legal norms. At this time, young people began to actively engage in entrepreneurial activities, which required the

development of special support measures. However, issues of legal regulation and government support in this area require a more in-depth analysis, taking into account historical aspects. In this article, we will look at how the legislative framework aimed at supporting youth entrepreneurship in Russia has evolved, and what measures have been taken at various historical stages.

Keywords: youth entrepreneurship; historical retrospective; youth policy; historical aspects; measures of state support; historical stages of development of youth entrepreneurship in Russia; young business professionals; legal regulation; formation of youth entrepreneurship in the Russian Federation.

References

1. Lisetskiy E.D. Analysis of strategic planning acts and programs for the development of youth entrepreneurship // Legal Almanac. 2023. No. 5 (27). P. 32–37.
2. Maslennikova A.Yu., Maslennikov D.Yu. Youth entrepreneurship as a driver of economic growth // Municipality: economy and management. 2022. No. 1 (38). P. 87–94.
3. Miloslavsky V.G. Youth entrepreneurship as a foundation for the development of the middle class in Russia // Young scientist. 2016. No. 8 (112). P. 594–597.
4. Ryzhova A.N. On the development and current problems of youth entrepreneurship in Russia // Legal Almanac. 2023. No. 7 (29). P. 50–55.
5. Sabirova R.K. Catalyst for youth entrepreneurship: creating a comprehensive ecosystem // Yessenov science journal. 2024. No. 2 (47). P. 206–210.
6. Simonov S.G., Grosheva L.I. Youth entrepreneurship in Russia: problems and development prospects // Academic Bulletin. 2012. No. 2 (20). P. 39–44.
7. Soldatova N.F. Youth entrepreneurship of Russians: opportunities and priorities // Economy, entrepreneurship and law. 2023. Vol. 13. No. 12. P. 5329–5342.
8. Uzdenova F.M., Urusov M.I. Youth entrepreneurship in Russia and in the regions // Natural Sciences and Humanities Research. 2024. No. 4 (54). P. 259–262.
9. Khalimbekov HZ Youth entrepreneurship in foreign countries and regions of Russia // Almanac "Crimea". 2022. No. 32. P. 52–61.
10. Khusnulina RR Investment in fixed capital: vector of youth entrepreneurship development // Science Bulletin. 2023. No. 6 (63). P. 703–707.
11. Sherstneva AV Some issues and problems in the development of youth entrepreneurship // Eurasian Scientific Journal. 2022. No. 3 P. 4–8.
12. Shpileva AA, Bykova ON Classification of measures of state support for youth entrepreneurship in Russia // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2024. Vol. 34. No. 2. P. 284–289.
13. Shumik E.G., Belik E.V., Blinov M.P. Youth entrepreneurship: problems and solutions // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2017. No. 40. P. 184–194.
14. Gainullina E.V. Implementation of start-up projects based on universities as a driver of youth entrepreneurship development // Bulletin of USPTU. Science, education, economics. Economics series. 2022. No. 1 (36). P. 70–77.
15. Khusainova, Zh.S., Zhartay, Zh.M. Development of methodological bases for the foresight model of youth entrepreneurship development // Bulletin of the Karaganda university Economy series. 2020. Vol. 97. No. 1. P. 58–65.
16. Klimuk V.V., Song Haobin. Current situation and prospects for the development of young enterprises in the public of Belarus // Endless light in science. 2023. No. 3. P. 201–207.
17. Deryugin P.P., Shilyaeva A.S. Entrepreneurship and entrepreneurship in the coordinates of values and

- knowledge (based on an empirical sociological study of youth entrepreneurship) // XXII All-Russian scientific conference with international participation Information–Communication–Society. Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2016. Vol. 1. P. 46–50.
18. Chelembeeva S.I. Youth entrepreneurship: current state and development prospects // Economy and business in the context of digital transformation and new challenges. Moscow: Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Institute of Business and Design", 2024. Vol. 1. Pp. 253–265.
19. Maletina T.A., Shilnikova D. Youth innovative entrepreneurship support in Russia Irkutsk State University // Youth Innovative Entrepreneurship 2023. Irkutsk: Irkutsk State University, 2023. Pp. 110–113.

Частно-правовая сущность и определение юридической помощи

Резник Геннадий Сергеевич

аспирант Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, reznik.gennadij@mail.ru

Примак Татьяна Клавдиевна

доктор юридических наук, профессор, профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта

Актуальность работы состоит в том, что юридическая помощь значительно обделена вниманием доктрины. Это несёт в себе комплекс негативных проявлений, важнейшие из которых - отсутствие чёткого и единого понимания о сущности феномена и отсутствие соответствующего тому определения. Изъяны теории имеют вполне практическое значение, ибо проецируются в сферу позитивного права и практики его применения, где также можно наблюдать пробелы концептуального и дефинитивного свойства в сфере регулирования оказания юридической помощи.

Проблематика исследования включает: юридическая помощь как явление частного права, сущность юридической помощи, её соотношение с юридическими услугами, признаки и определение юридической помощи.

Выводы по итогам проведённой работы сводятся к следующему: юридическая помощь есть явление частного права, которое следует отличать от юридических услуг по трём принципиальным критериям. Выявив признаки феномена, автор дал ему определение, которое послужит исходным пунктом для дальнейшей научной работы в данном направлении.

Ключевые слова: Юридическая помощь, юридические услуги, соотношение понятий, адвокатская деятельность, поверенный, доверитель, заказчик, исполнитель, частное право, гражданско-правовой договор

Проблема понятия юридической помощи

Телеологическим основанием бытия государства (не конкретного государства, а государства вообще) и права является всеобщий **баланс частных интересов** отдельно взятых индивидов, из которых состоит организованное в государство общество. Главным же инструментом в деле достижения обозначенной цели - утверждения и поддержания состояния всеобщего баланса частных интересов, выступает институт защиты, прежде всего - судебной.

По этому поводу М.С. Галиев пишет: *“Важнейшей составляющей правового государства является защита нарушенных прав и свобод человека и гражданина, и иных участников любых правоотношений. Следовательно, являясь гарантией, которую предоставляет государство, право на защиту соприкасается с другими правовыми принципами, определёнными в теории права”* [1, с. 10]. Далее, в другой публикации, пишет: *“В цивилистической доктрине восстановление нарушенного права рассматривается в качестве одной из целей защиты гражданских прав”* [2, с. 10].

В. Б. Вершинин пишет: *“Конституционное предписание о том, что права и свободы человека являются высшей ценностью, требует не только их закрепления, реализации, но и эффективной защиты”* [3, с. 305].

Нет сомнений, что для составителей ныне действующей Российской Конституции сказанное было неоспоримой аксиомой, а потому закреплено в тексте Основного Закона. Так, статья 45 Конституции гласит: *“Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется”*. Далее, в статье 46 Конституции находим: *“Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод”*.

В свою очередь защита, в том числе защита судебная, не может существовать и функционировать per se ipse, сама по себе. Практическое воплощение вышеприведённых положений Конституции требует создания условий в виде наличия известной совокупности социально-правовых институтов и прочих явлений правовой действительности, по отношению к защите пребывающих в состоянии имманентной связи с нею. Особое место в числе таковых занимает **юридическая помощь** или **квалифицированная юридическая помощь**.

Особость юридической помощи выражается в присущих ей свойствах, которые в своей совокупности делают её одновременно:

А) Связующим звеном между субъектом правовых отношений и органом Законодательной власти

(т. е. инструментом разъяснения-уяснения норм Законодательства);

В) Связующим звеном между субъектом правовых отношений и органом Исполнительной власти, что выражается в виде, например, представительства в отношениях с Федеральной налоговой службой или в виде процессуальной защиты при производстве по делу об административном правонарушении;

С) Связующим звеном между субъектом правовых отношений и органом Судебной власти (т. е. инструментом доступа к Правосудию);

Д) Путеводителем в сложном мире правовых норм и правовых отношений, так как субъект оказания юридической помощи есть независимый профессиональный советник по правовым вопросам, способный представить своему доверителю полный спектр его возможных действий в конкретной ситуации, выделив из их числа наиболее оптимальные.

Итак, юридическая помощь является собой один из несущих столпов государства. Разделяя такую точку зрения, составители текста действующей ныне Конституции позаботились о включении в него соответствующих тому положений. Речь идёт о статье 48 Основного закона, согласно которой: *“Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно”*. Разъясняя приведённое положение Закона, Конституционный Суд говорит: *“Важной гарантией осуществления и защиты прав и свобод человека и гражданина является закреплённое Конституцией Российской Федерации право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которому корреспондирует обязанность государства обеспечить надлежащие условия, в том числе нормативно-правового характера, с тем чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за юридической помощью для защиты и отстаивания своих прав и законных интересов”*.

Не смотря на описанное выше принципиальное значение, какое несёт в себе рассматриваемое явление, ни доктрина, ни позитивное законодательство не содержат сколь-нибудь ясного понимания относительно того, что такое юридическая помощь, какой смысл вкладывается в эти слова. Таким образом, одна из важнейших граней общественной жизни существует и развивается в условиях полной неопределённости ключевого понятия. Между тем научный поиск, какой бы области объективной действительности и соответствующей тому области научного знания он не касался, требует неукоснительного соблюдения субъектом познания известных принципов, к числу которых относится и закон тождества.

Так, Ж.-Л. Бержелль пишет: *“Чтобы понять смысл текста законов, чтобы заложить в них решение какой-то правовой проблемы, необходимо, чтобы слова соответствовали концептам, содержание которых, как известно, чётко и определено... Нормой юридической семантики является*

ситуация, когда с каждым словом соотносится особая идея” [4, с. 388].

В. Ю. Панченко в своей монографии на сей счёт пишет: *“..Лишь в последнее десятилетие появились работы, посвященные праву на юридическую помощь, при этом в немногих из них должное внимание уделяется самому понятию юридической помощи, его отличительным чертам, месту в правовой практике среди других сходных, но не идентичных явлений”* [5. С. 77].

П. В. Фадеев пишет: *“..До сих пор в литературе нет единого подхода к определению понятия “юридическая помощь”. Указанные обстоятельства приводят к использованию неоднозначных признаков, присущих данной деятельности, а в итоге, к неопределённости обеспечения государством права граждан на юридическую помощь, закреплённого в статье 48 Конституции РФ”* [6, с. 224].

Таким образом, любое полноценное исследование феномена юридической помощи и связанных с оным отношений возможно лишь на исходном основании масштабной предварительной работы над самим понятием “юридическая помощь” с тем, чтобы дать ему надлежащую дефиницию. “Надлежащей” же понимаем такую, которая наиболее полно отражает истинную сущность (sub-stantia) рассматриваемого явления правовой действительности. Другими словами, прежде чем приступить к непосредственному изучению оказания юридической помощи и правового регулирования складывающихся в этой области отношений, необходимо в первую очередь дать исчерпывающий ответ на вопрос: “Что есть юридическая помощь сама в себе (in se ipso)?” В противном же случае всякое приложение научных усилий в обозначенном русле обречено стать софистикой, многословной но лишённой теоретической ценности.

Теоретическое осмысление поставленной проблемы несёт неоценимую практическую пользу, потому как напрямую влияет на успехи в позитивно-правовом регулировании связанных с ней отношений. Ибо сложно найти какую-либо иную область человеческой жизни, где наука и практика пребывают в столь тесной взаимной связи, нежели юриспруденция. Фундаментальное исследование рассматриваемого явления позволит определить его внутреннюю идеальную сущность, на основе чего выработать необходимый категорико-понятийный аппарат, который может стать эффективным подспорьем в решении задач правотворчества и правоприменения.

Те немногие авторы, что ставят перед собой задачу дать ответ на приведённый выше вопрос (Что есть юридическая помощь сама в себе?), подходят к проблеме с позиций общей теории права, апеллируя при этом к известному утверждению Владимира Ильича Ленина, который писал: *“Кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы”* [7, с. 368].

Так, например, В. Ю. Панченко пишет: “Общая теория государства и права может и должна осуществлять в научном исследовании юридической помощи такие функции, которые не могут выполнять отраслевые юридические науки” [8, с. 21].

Применительно к юридической науке такой подход представляется методологически ошибочным, ибо, будучи разделом **современной философии**, общая теория права лишь аккумулирует и системно излагает достижения отраслевых наук, но никак не служит источником формирования новых понятий. Эти-понятия формируются индуктивным методом, от частного к общему, от простого к сложному. Таким образом, дефинитивная работа над рассматриваемым в рамках настоящей статьи понятием возможна лишь на отраслевом уровне.

Принципиальное отличие настоящей статьи от иных научных работ по обозначенной проблеме состоит в том, что в данном случае юридическая помощь рассматривается как явление (или даже категория) частного права. Потому постижение идеальной сущности феномена и основанное на том его определение в рамках данной работы совершаются строго в контексте науки цивилистики.

Как уже было упомянуто, юридическая помощь и связанная с оной проблематика не относятся к числу популярных направлений приложения научных усилий. Ввиду сказанного литература по теме исследования представлена сравнительно редкими работами. К важнейшим из таковых стоит отнести следующие:

1. Монография В. Ю. Панченко “Юридическая помощь (вопросы общей теории)”, 2011;
2. Монография О. В. Чумаковой “Правовые и организационные проблемы обеспечения граждан бесплатной юридической помощью”, 2022;
3. Вышедший уже весьма давно, но тем не менее всё ещё актуальный учебник “Адвокатура в России” под ред. Проф. Демидовой Л. А., Сергеева В. И., 2005;
4. Учебник под под. ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой “Адвокат: навыки профессионального мастерства”, 2006.

Если рассматривать юридическую помощь в качестве явления частного права, то косвенно в вышеприведённый список можно включить также работы учёных-цивилистов, посвящённые сделкам, исполнению обязательств, договорному праву, поручению, услугам и т. д.

Юридическая помощь как феномен частного права

Научное постижение объективной действительности сводится к строгому применению особых методов познания. В рамках настоящей статьи задействованы следующие из них:

1. Метод аргументации. Используется главным образом при защите тезиса о том, что юридическая помощь есть явление частного права. Частично данный способ научного поиска применён и при сравне-

нии юридической помощи с юридическими услугами, где также выдвигаются аргументы в пользу того, что речь идёт о разных понятиях.

2. Формально-юридический метод. В рамках настоящего исследования был сделан обзор нормативно-правового материала, посвящённого регулированию юридической помощи. Акты позитивного законодательства в соответствующей части были изучены и интерпретированы в системном единстве с тем, чтобы определить, какой смысл законодатель, а с ним и правоприменитель вкладывают в рассматриваемый термин.

3. Метод *pro et contra* (за и против). Широко представлен при рассмотрении соотношения понятий “Юридическая помощь” и “Юридические услуги”. В соответствии с данным подходом был выдвинут тезис, что-де оба понятия тождественны, вслед за чем поочерёдно приведены аргументы в пользу согласия/несогласия с ним.

4. Сравнительный метод. Был использован при выявлении сущностных признаков юридической помощи, проявляемых при её сравнении в юридических услугах.

5. Метод синтеза. Выявленные сущностные признаки юридической помощи были осмыслены как отдельности, так и все вместе, после чего синтезированы в одном едином определении рассматриваемому феномену.

Разрешая вопрос отраслевой принадлежности юридической помощи как предмета научного познания, выдвигаем следующий тезис: **“Юридическая помощь есть частно-правовое явление, а потому составляет предмет науки частного права (цивилистики)”**.

В подкрепление обозначенному тезису приводим следующие аргументы:

А) Отношения по оказании юридической помощи складываются между двумя субъектами: Поверенным и Доверителем. В рамках этих-отношений стороны равны между собой, обладают автономией воли, а также имущественно самостоятельны.

В) Отношения эти складываются по поводу особого действия (или действий) Поверенного в интересах Доверителя, неких “услуг”, которые носят строго частный характер. При этом предполагается встречное предоставление со стороны Доверителя в пользу Поверенного (гонорар), по причине чего существует широко распространённое мнение, что-де отношения по оказании юридической помощи являются имущественными и возмездными (Должно отметить, что автор настоящей статьи придерживается противоположного мнения на сей счёт).

С) Регулирование отношений по оказанию юридической помощи зиждется на принципе координации действий участников, т. е. преобладает диспозитивный метод: совокупность прав и корреспондирующих им обязанностей каждой из сторон определяется путём свободного заключения гражданско-правового договора.

Здесь важно указать, что Частное право (лат. “*Jus Privatum*”), а также посвящённая ему наука (Ци-

вилистика) давно определены в самых разных научных работах, столь многочисленных, что едва ли поддаются счёту. К таковым можно отнести, например, труды широко известного римского юриста Ульпиана, который на сей счёт пишет: *“Publicum jus est, quod ad statum rei Romanae spectat, privatum - quod ad singulorum utilitatem (лат. Публичное право есть то, что устремлено к Римскому государству, а частное - к пользе отдельных лиц)”* [9, с. 23]. Сюда же относятся: учебник, составленный Авторским коллективом кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под ред. Профессора Е. А. Суханова [10, с. 57], посвящённый российскому гражданскому праву учебник, составленный В. А. Беловым, и т. Д. [11, с. 25].

Таким образом, не смотря на то, что **всеобщее право** на квалифицированную юридическую помощь закреплено в Конституции, является составным компонентом конституционного статуса личности и инструментом для реализации конституционной гарантии защиты, в том числе судебной, а потому является публичным, практическая его реализация совершается в плоскости отношений между двумя равноправными субъектами, между доверителем с одной стороны и поверенным - с другой. Отношения эти являются частными, а потому претерпевают регулятивное воздействие норм частного права. Поэтому юридическая помощь является частно-правовым явлением, а отношения по её оказанию являются частными правоотношениями.

Учитывая, что рассматриваемое явление правовой действительности ощущимо обделено научным вниманием и должным образом не изучено, то соответствующая ему область научного знания характеризуется перечнем неразрешённых теоретических проблем. Одной из таковых является вопрос о соотношении понятий “юридическая помощь” и “юридические услуги”. Содержание проблемы можно выразить в форме нижеследующих вопросов:

1. Являются ли указанные понятия тождественными ?
2. Если указанные понятия суть не тождественны, различны, то каковы критерии их разграничения ?

Автор настоящей статьи полагает, что рассмотрение юридической помощи во взаимном соотношении таковой к юридическим услугам есть наиболее удачный путь в деле раскрытия её внутренней сущности: такой подход позволяет выявить все сущностные признаки рассматриваемого явления и, объединив их в одно целое, получить наиболее адекватное представление о нём.

Из всего многообразия методов, какими можно осуществить указанное выше сравнение, в рамках настоящей статьи предпочтение дано старому схоластическому приёму “Pro et Contra”, как давно проверенному и доказавшему свою эффективность. Для этого выдвинут следующий тезис: Понятия “Юридическая помощь” и “Юридические услуги” суть тождественны.

Итак, **понятия “Юридическая помощь” и “Юридические услуги” суть тождественны:**

Pro:

Действующее позитивное законодательство России прямо не проводит какой-либо параллели между рассматриваемыми понятиями. Анализ законодательных положений даёт основания полагать, что с точки зрения законодателя речь идёт “об одном и том же, но разными словами”. На это указывает то обстоятельство, что оба понятия употребляются в одном и том же смысловом контексте.

В частности положения Статьи 48 действующей Конституции от 1993 года гласят: *“Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно”*. Отдельных положений о юридических услугах Конституция не содержит.

Приведённую выше норму можно истолковать таким образом, что юридическая помощь законодательно подразделяется по критерию возмездности на платную и бесплатную. Правовому регулированию оказания бесплатной юридической помощи посвящён отдельный Федеральный закон от 21 ноября 2011 года за № 324-ФЗ “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”. Согласно положений Статьи 6 указанного Закона бесплатная юридическая помощь оказывается в виде:

1. Правового консультирования в устной и письменной форме;
2. Составления заявлений, жалоб, ходатайств и иных документов правового характера;
3. Судебного представительства, а так же представительства в отношениях с организациями (юридическими лицами), органами государственной власти и органами местного самоуправления;
4. В иных формах, которые не предусмотрены действующим законодательством, но и не запрещены им.

Перечисленные в вышеприведённой законодательной норме виды юридической помощи, если оказывать их на возмездных началах, могут быть оказаны в порядке возмездного оказания юридических услуг путём заключения Договора возмездного оказания юридических услуг, предусмотренного положениями Главы 39 Гражданского кодекса (В случае правового консультирования и составления документов правового характера), либо Договора поручения, предусмотренного положениями Главы 49 Гражданского кодекса (В случае судебного и иного представительства). При этом каких-либо отдельных положений о платной юридической помощи позитивное законодательство России не содержит.

Авторский коллектив под ред. Профессора Л. А. Демидовой и Профессора В. И. Сергеева пишет: *“Все платные отношения между адвокатом и клиентом являются договорными, а бесплатные - недоговорными... Соглашение между доверителем и адвокатом представляет собой гражданско-правовой договор... Различается два вида соглашений между адвокатом и клиентом: договор поручения и договор возмездного оказания услуг... Если адвокат выступает в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском, админи-*

стративном судопроизводстве, в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, а также представляет интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления, в отношениях с физическими лицами, то такое представительство оформляется только договором поручения... Иные виды юридической помощи адвокат оказывает на основании договора возмездного оказания услуг” [12, с. 444].

Авторский коллектив под ред. Профессора Л. А. Воскобитовой, Профессора И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой пишет: “Соглашение об оказании юридической помощи прямо не названо в Гражданском кодексе РФ как самостоятельный вид договора... К такому договору применимы нормы, содержащиеся в гл. 49 ГК РФ о договоре поручения или в гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг” [13, с. 5].

Д. Н. Асанова пишет: “Гражданский кодекс регламентирует понятие юридических услуг, но не содержит информацию об юридической помощи. Вероятно, это объясняется тем, что законодатель предполагает данные понятия синонимичными или даже равноправными” [14, с. 144].

Из описанного следует, что понятие “Юридические услуги” есть не более чем эквивалент понятию “Платная юридическая помощь”. Таким образом получается, что оба понятия тождественны одно другому.

Contra:

В России субъекты, занимающиеся частной юридической практикой, делятся на две большие группы: Адвокаты (Традиционная адвокатура) и Юристы (Юристы-предприниматели).

Первые представляют собой исторически сформировавшееся (история адвокатуры насчитывает тысячи лет) и построенное на началах корпоративности профессиональное сообщество независимых юристов с особым правовым и социальным статусом, который приобретает и подтверждается в особом порядке. Профессиональная активность адвоката называется “адвокатской деятельностью”.

Статья 1 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” гласит: “Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь... Адвокатская деятельность не является предпринимательской... Не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, а также индивидуальными предпринимателями”. Из положений приведённой нормы следует, что:

А) Понятия “Адвокатская деятельность” и “Квалифицированная юридическая помощь” суть синонимы;

В) Квалифицированная юридическая помощь носит некоммерческий характер, то есть целеполагание оказания таковой сводится к иным побуждениям, нежели извлечение прибыли;

С) Квалифицированная юридическая помощь противопоставляется деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих юридические услуги.

Что же касается юристов, то речь идёт о представителях бизнеса, занявших определённый его сегмент, который предусмотрен пунктом 69.1 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности и обозначен как “Деятельность в области права”. Как правило, такими юристами являются либо физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, либо же работники и исполнители разного рода коммерческих организаций. Сообщество юристов-предпринимателей в достаточной степени аморфно, что выражается в отсутствии признаков устойчивой корпоративной организации, то есть оно не является профессиональным объединением.

Юридическая практика таких субъектов является собой не более чем разновидность предпринимательской деятельности, а потому, ссылаясь на положения Статьи 1 Гражданского кодекса, указанную практику можно определить следующим образом: Это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от оказания **юридических услуг**.

Из приведённых выше посылок легко заключить, что речь идёт о двух принципиально различных между собой профессиональных сообществах. То есть адвокаты и юристы суть не одно и то же. Критерием указанного различия служит отсутствие тождества между деятельностью одних и деятельностью других: деятельность адвоката и деятельность юриста суть не одно и то же. Ибо если допустить, что как одни, так и другие занимаются одним и тем же, то исчерпывается всякая целесообразность в разделении, тогда как это-разделение, очевидно, существует. Таким образом, понятие “Юридическая помощь”, которому синонимично понятие “Адвокатская деятельность”, de-facto не тождественно понятию “Юридические услуги”: речь идёт о разных явлениях правовой действительности.

Указанная разность проявляет себя более полно при сравнительном анализе методом сопоставления обоих явлений по нижеследующим трём основаниям:

Критерий целеполагания.

Из всех трёх он является важнейшим ибо определяет смысл и структуру всего разграничения, а следовательно, прямо обуславливает собой существование остальных двух. Таким образом, критерий целеполагания можно соотносить с остальными как основной и производные от него.

Коль скоро деятельность юристов по оказании юридических услуг является предпринимательской, то, независимо от частных, генеральной целью, определяющей точкой приложения всех усилий, в данном случае является **извлечение прибыли**. То есть юридические услуги оказываются исключительно ради прибыли и потому имеют коммерческую природу.

Касательно деятельности адвокатов Генри Маркович Резник пишет: *“Квалифицированная юридическая помощь - публичная функция, получение которой, в том числе и бесплатно, является конституционно гарантированным правом каждого, кто в ней нуждается, - не может быть по самой природе предпринимательской деятельностью, направленной на извлечение прибыли”* [15, с. 7]. Таким образом, цель оказания юридической помощи состоит в ином, нежели цель оказания юридических услуг. Согласно положений Статьи 1 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ” она двояка и состоит в:

- защите прав, свобод и интересов доверителей;
- обеспечении доступа к правосудию.

То есть с позиций целеполагания юридическая помощь есть исполнение важной социальной роли и носит выраженную некоммерческую природу. Франсуа-Этьен Молло об этом писал: *“Адвокатура ведёт к почёту, а не к богатству”* [16, с. 47].

Критерий субъектного состава.

Коль скоро юридическая помощь и юридические услуги являют собой разные формы деятельности профессиональных юристов, имеющих ввиду разные цели, то и правоотношения, соответственно, в одном и во втором случаях радикальным образом разнятся. Прежде всего это проявляется на уровне субъектного состава.

Субъектами правоотношения по оказании юридических услуг являются с одной стороны исполнитель, а с другой - заказчик. Вступление в правоотношение в качестве исполнителя или заказчика юридических услуг предполагает соответствующие тому правовые последствия: Каждая из сторон в данном случае обладает исчерпывающе-определённым объёмом прав и корреспондирующих им обязанностей, какие неразрывно связаны именно со статусом субъекта правоотношения; то есть такие права и обязанности возникают у лица именно потому, что оно вступило в правоотношение, соответственно, в качестве исполнителя или заказчика юридических услуг. Отношения между исполнителем и заказчиком носят строго деловой и коммерческий характер, а потому в значительной степени “обезличены”. Заказчик - это тот, кто обратился за оказанием юридической услуги и готов оплатить её по согласованной цене, а исполнитель - тот, кто готов такую услугу возмездно оказать. В качестве исполнителя юридических услуг может выступать любой субъект, какой допущен к осуществлению предпринимательской деятельности в области права: индивидуальный предприниматель или коммерческая организация. Заказчиком может быть любое лицо, обладающее достаточной степенью гражданской правосубъектности.

Субъектный состав правоотношения по оказании юридической помощи представлен иным образом. С одной стороны выступает доверитель - тот, кто пригласил другого на помощь в разрешении тяжбы или иного затруднения правового характера (лат. “advocavit aliquum in actionem agendam”), в связи с

чем доверил этому-другому дело и связанные с ним тайны. Вторая сторона правоотношения - поверенный, которому адресовано приглашение доверителя (лат. “advocatus in actionem agendam”) и который это-приглашение принял, обязавшись помочь и при том сохранить тайну. Отношения между доверителем и поверенным носят выраженный **лично-доверительный или фидуциарный характер**, а потому, в отличие от юридических услуг, личная составляющая в данном случае имеет принципиальное значение: в отношениях, основанных на доверии, поверенным может быть лишь то лицо, которое такое доверие внушает (лат. “persona grata”). Доверителем в правоотношении по оказании юридической помощи может быть любое правосубъектное в гражданско-правовом смысле лицо. Касательно поверенного автор настоящей статьи выражает твёрдое убеждение, что таковым в полной мере может быть исключительно адвокат. В этом своём убеждении автор не одинок. Так, О. С. Панасюк пишет: *“...всё, что входит в сферу адвокатской деятельности, - это квалифицированная юридическая помощь, а то, что не входит в указанную сферу, - юридические услуги”*.

Критерий уплачиваемого вознаграждения.

Если деятельность по оказании юридических услуг есть деятельность коммерческая, направленная на систематическое извлечение прибыли, то нет никаких сомнений относительно природы вносимой исполнителю платы - речь идёт об **оплате услуг**, составляющей собственно прибыль.

Представляется, что главной (хоть и не единственной) причиной неясности в вопросе о соотношении понятий “юридическая помощь” и “юридические услуги” служит распространённое непонимание того, что есть вознаграждение поверенного. Непонимание это вполне естественно и легко объяснимо, если учесть, что предельно общий и поверхностный обзор действительно не покажет сколь-нибудь значимых различий: и в первом и во втором случае субъект гражданских правоотношений, лицо, заключает с другим субъектом договор, согласно условий которого одна сторона обязуется выполнить в интересах другой предусмотренный перечень действий (как то дать юридическую консультацию, подготовить процессуальные документы, осуществить представительство в Суде и т. д.), тогда как другая сторона обязуется внести за это плату в установленном размере.

Тем не менее, более основательный подход к проблеме позволяет обнаружить, что вносимая поверенному плата имеет принципиально иную природу, нежели оплата юридических услуг. Используя критерий целеполагания как принцип поиска ответа на вопрос о том, что есть вознаграждение поверенного, со всей очевидностью поймём, что это вовсе не прибыль, а **компенсация** поверенному его времени, сил, здоровья и прочих издержек, какие он понёс в связи с принятием и исполнением поручения.

Таким образом получается, что понятия “Юридическая помощь” и “Юридические услуги” суть не тождественны одно другому, между ними существует как минимум три принципиальных различия.

Автор настоящей статьи полагает, что доводы “Contra” много крат более убедительны, нежели доводы “Pro”, а потому склоняется к пониманию юридической помощи как явления особого рода, принципиально отличного от юридических услуг.

Тезисы об итогах проведённого исследования

Резюмирование настоящей статьи можно представить в виде нижеследующих общих положений:

Тезис I.

Юридическая помощь есть явление частного права, имеющее публично-правовое значение, ввиду чего всеобщее право на её получение гарантировано Конституцией и составляет неотъемлемый компонент конституционного статуса личности.

Тезис II.

Позитивное законодательство не содержит ясно-определённого понимания о том, какой смысл вкладывается в понятие “юридическая помощь”, что неизбежно создаёт предпосылки к неадекватной практике правового регулирования соответствующих тому отношений.

Тезис III.

Правовая доктрина (по крайней мере та её часть, которая изложена на русском языке) также не даёт каких-либо точных и разделяемых большинством авторов представлений относительно рассматриваемого понятия, а потому:

а) Любой научный труд, посвящённый юридической помощи и её оказанию, принципиально невозможен без предварительного решения проблемы понятия и его дефиниции;

б) Доктрина не способна дать надёжную теоретическую основу для восполнения недостатков позитивного законодательства, регулирующего группу отношений по поводу оказания юридической помощи.

Тезис IV.

Юридическую помощь следует отличать от юридических услуг. Между указанными понятиями *de facto* существует принципиальная разница. Не смотря на это, *de jure* указанное различие никак не выражено, чему причиной суть упомянутые недостатки в вопросе понятий и дефиниций на доктринальном уровне и на уровне правоприменительной практики.

Тезис V.

Рассмотрение феномена юридической помощи в соотношении к юридическим услугам позволяет обнаружить её существенные признаки. Объединённые в общее целое, эти признаки дают следующее понимание относительно того, что есть юридическая помощь *in se ipso* (лат. сама в себе): **“Это урегулированная нормами гражданского права, нормами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и нормами профессиональной этики адвоката деятельность адвоката, направленная на оказание юридической**

помощи физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, носящая некоммерческий (безвозмездный) характер, основанная на частно-доверительных отношениях адвоката и доверителя”.

Во избежание дальнейшей путаницы и ради сохранения тождественности смысла рассматриваемого понятия настоящим предлагаем следующий научный термин для обозначения юридической помощи - *Advocatio juridica* (лат. Юридическая поверенность / Юридическая адвокация).

Заключение

Приведённое выше определение есть исходная основа для дальнейших исследований феномена юридической помощи во всех её гранях, включая частно-правовые аспекты её оказания. Составленные по итогам проведённой научной работы теоретические конструкции станут надёжным ориентиром в деле позитивного правотворчества и правоприменения.

В то же время автор допускает, что новые работы, посвящённые рассмотренной проблеме, способны раскрыть и новые её грани, которые не учтены в настоящей статье. Таким образом, сформулированное понятие в последующем не раз будет предметом разного рода уточнений и корректировок.

Тем не менее полагаем, что заявленная цель настоящего исследования достигнута: сущность юридической помощи раскрыта и соответствующее тому определение дано.

Литература

1. Галиев, М. С. К вопросу о взаимосвязи права на защиту с общеправовыми принципами права // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. - 2018. № 2(158) - С. 10. - EDN YBTDJB.
2. Галиев, М. С. Теоретические грани принципа права на защиту как фундаментальной и основополагающей идеи в теории государства и права // Юридическая наука. - 2021. № 3 - С. 10. - EDN LIPPQH.
3. Вершинин, В. Б. Институт судебной защиты: признаки и сущность // Вестник ТГУ. - 2010. № 6(68) - С. 305. - EDN MSSBAZ.
4. Бергель, Ж.-Л. Общая теория права / перевод с фр. М.: NOTA BENE, 2000. - С. 388.
5. Панченко, В. Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории): монография / Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. - С. 77.
6. Фадеев, П. В. О подходе к определению понятия “юридическая помощь” // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. - 2013. № 2 - С. 224. - EDN TBEZTL.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 15. / М.: Издательство политической литературы, 1972. - С. 368.
8. Панченко, В. Ю. Юридическая помощь как общетеоретическое правовое понятие // Современное право. - 2011. № 12 - С. 21. - EDN ONGLGJ.

9. Дигесты Юстиниана. Том 1. Книги I - IV / Кофанов Л. Л., 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2008. - С. 23.

10. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. Ред. Е. А. Суханов. - М.: Статут, 2015. - С. 57.

11. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник / В. А. Белов. - М.: Издательство Юрайт, 2011. - С. 25.

12. Адвокатура в России: учебник для вузов. / Под ред. Проф. Демидовой Л. А., Сергеева В. И. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2005. - С. 444.

13. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Под. ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - С. 5.

14. Асанова, Д. Н. Особенности разграничения понятия юридических услуг и юридической помощи // ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО. - 2021. № 10 - С. 144. - EDN XRUFXH.

15. Резник, Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия "Квалифицированная юридическая помощь" // Адвокат. - 2007. № 4 - С. 7. - EDN RUWATV.

16. Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX - начало XX в.) / Составители канд. юрид. наук И. В. Елисеев, канд. юрид. наук Р. Ю. Панкратов. Предисловие канд. юрисд. наук Е. Г. Тарло. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - С. 47.

Private-law essence and definition of legal aid

Reznik G.S., Primak T.K.

Immanuel Kant Baltic Federal University

The relevance of the work lies in the fact that legal aid is significantly deprived of the attention of the doctrine. This carries a set of negative manifestations, the most important of which are the lack of a clear and unified understanding of the essence of the phenomenon and the lack of a corresponding definition. The shortcomings of the theory have quite practical significance, since they are projected into the sphere of positive law and the practice of its application, where one can also observe gaps of a conceptual and definitional nature in the sphere of regulation of the provision of legal aid.

The research problematic includes: legal assistance as a phenomenon of private law, the essence of legal assistance, its relationship with legal services, the characteristics and definition of legal assistance.

The conclusions based on the results of the work are as follows: legal assistance is a phenomenon of private law, which should be distinguished from legal services by three fundamental criteria. Having identified the characteristics of the phenomenon, the author gave it a definition that will serve as a starting point for further scientific work in this direction.

Keywords: Legal assistance, legal services, relationship of concepts, advocacy, attorney, principal, customer, executor, private law, civil law contract

References

Теоретико-правовые аспекты концепции «право на город»

Тарасова Марина Сергеевна

аспирант кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), mstarasova@bk.ru

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты концепции «право на город», которая была впервые предложена французским социологом Анри Лефевром. Исследуется её значение в условиях растущей урбанизации, социального неравенства и современных вызовов, таких как климатические изменения и миграционные кризисы. Автор анализирует ключевые элементы концепции, включая гражданское участие, доступ к ресурсам, социальную справедливость и экологическую устойчивость. Особое внимание уделяется правовому содержанию концепции и её применению в контексте российского законодательства. Рассматриваются пути демократизации городского управления и возможности адаптации «права на город» к современным вызовам.

Ключевые слова: Право на город, Анри Лефевр, городское управление, социальная справедливость, урбанизация, гражданское участие, экологическая устойчивость, муниципальное право, градостроительная политика, правовое регулирование.

Введение

В современном обществе города становятся центрами экономической, социальной и культурной жизни. Однако городская среда не всегда предоставляет равные возможности для всех своих жителей. Идея «права на город», впервые предложенная французским социологом Анри Лефевром [1], поднимает вопросы о доступе граждан к городскому пространству и участию в управлении городом.

История концепции

Лефевр видел город не просто как пространство или место, но как центральный элемент в борьбе за социальное и экономическое равенство. Отправной точкой городской проблематики Лефевр считает процесс индустриализации. Именно индустриализацию он считает причиной, следствием которой являются проблемы, связанные с ростом городов, необходимостью развития городской среды, а также растущим значением досуга и культуры.

Город, по мнению Лефевра, сам по себе являлся производением (труда или искусства) и, таким образом, обладает и потребительской и меновой стоимостью, имея в виду, что город можно рассматривать и как средство, непосредственно удовлетворяющее нужды людей, так и как товар, как вещь, участвующую в обмене на другие вещи [2, с. 2]. Однако, ценность обмена настолько превалирует над пользой и ценностью использования, что практически исключает последнюю [2, с. 10].

В своей более поздней работе «Пространство и политика: право на город II» Лефевр приходит к выводам, что каждый житель города имеет «право на город», которое он определяет как «право граждан и групп, которые они составляют (на основе социальных отношений), на присутствие во всех коммуникационных, информационных и обменных сетях и каналах» [3, с. 14].

Лефевр критикует капиталистический подход к урбанизации, который приводит к отчуждению и разделению, а также к доминированию интересов частных застройщиков над потребностями общества. Он подчеркивает важность «централизации без централизма», что означает создание множества центров, способствующих активному участию граждан в жизни города. Лефевр утверждал, что каждый житель имеет право на физическое и социальное пространство города, а также на участие в его создании и развитии.

«Право на город» предполагает переосмысление роли граждан в планировании и управлении городом, призывая к демократизации процесса принятия решений и акцентируя внимание на важности коллективного использования и создания городских

пространств. Лефевр видит в этом не только возможность изменения физического облика города, но и средство борьбы с социальным неравенством. Концепция «право на город» Лефевра призывает к радикальному переосмыслению градостроительной политики и практики, ставя в центр внимания желания и потребности населения.

Эта идея нашла отклик у многих последователей Лефевра, которые развивали и адаптировали её к различным контекстам и вызовам современного города.

Дэвид Харви, британский географ, урбанист и экономист, является одним из наиболее известных пропагандистов концепции Лефевра. В своей книге «Социальная справедливость и город» [4], опубликованной в 1973 году, Харви исследовал темы социальной справедливости в контексте урбанизации и капиталистического общества. В более поздней своей работе «Право на город» Дэвида Харви утверждает: «Право на город гораздо шире, чем индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это право менять себя, изменяя город» [5, с. 7]. Эта цитата подчеркивает центральную идею работы - необходимость преобразования города как пространства возможностей для самовыражения и самореализации его обитателей.

Работы Харви оказали значительное влияние на дебаты о социальной справедливости и урбанистике, ставя в центр внимания права человека и возможности для каждого участвовать в создании городской среды. Идеи Лефевра и Харви находят отражение в работах других социологов и экономистов, в том числе, Энди Меррифилда [6], Саскии Сассен [7], Питера Маркузе [8], Маргит Майер [9].

Исследуя работы последователей А. Лефевра, можно утверждать, что концепция «право на город» продолжает быть актуальной и вдохновляющей для множества людей – активистов, урбанистов, социологов и политиков по всему миру, стремящихся создать современные, более справедливые и инклюзивные (в широком смысле) городские пространства. Понятие «право на город» развивается и трансформируется с течением времени, получая новые интерпретации и контексты.

Развитие концепции Лефевра «право на город» в современном мире подразумевает борьбу за социальную справедливость, демократизацию городского пространства и активное участие граждан в управлении городами. Особенно это становится важным на фоне быстрого роста городского населения и углубления проблемы экономического неравенства. Значение «права на город» усиливается в контексте современных вызовов: изменения климата, миграционных, экологических и геополитических кризисов.

Концепция «право на город», постепенно находит отклик и среди российских ученых и практиков городской среды. В России этот термин исследуется в социологии, урбанистике, юриспруденции, при этом акцентируется внимание на доступности городских ресурсов для всех слоев населения и возможности влияния граждан на процессы управления городами.

Вершинина И.А., в своей статье «Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» отмечает, что «А. Лефевр оказал серьезное влияние на последующее развитие социологической урбанистики, которое ощущается вплоть до наших дней». Вершинина И.А. подчеркивает, что «любой город имеет свою историю и одновременно сам является частью истории, поскольку создается и совершенствуется своими жителями в определенном историческом и событийном контексте» [10].

Щербинин А.И. и Щербинина Н.Г., рассматривают концепцию «право на город» через призму политической урбанистики, приходят к выводу, что «конструктивная политическая власть, стремящаяся создать постпандемийный смысловой универсум, должна символически и коммуникативно оформить такое городское пространство, которое, в свою очередь, способно конституировать социальный порядок, включающий неотъемлемое «право на город». И в этом будет состоять подлинное политическое участие горожан в новом мироустройстве, не замкнутом исключительно на капиталистических ценностях, игнорирующих социальную справедливость.» [11].

Шихардин Н.В. выделяет две ипостаси «права на город»: право на участие и право на присвоение [12]. При этом право на присвоение предполагает свободный доступ к городскому пространству любому желающему, а право на участие – непосредственное участие граждан в принятии решений по всем вопросам, относящимся к городскому пространству.

Таким образом, концепция «право на город» в России развивается в направлении изучения социальных и политических механизмов участия граждан в жизни города, выявления проблем доступности и распределения ресурсов, а также анализа практик местного самоуправления и самоорганизации. Работы российских ученых продолжают дискуссию, начатую А. Лефевром, и адаптируют ее к реалиям современной России, что свидетельствует о её актуальности. В каждой из их работ прослеживается общая цель: рассмотрение «права на город» как механизма, способствующего защите физического пространства, социальной справедливости, реализации полномочий местных сообществ в возможности формировать городское пространство в интересах всех его жителей.

Правовое содержание понятия «право на город» и его определение

Не существует единого подхода к отнесению «права на город» к публичному или частному праву.

С точки зрения публичных интересов, «право на город» можно рассматривать в рамках конституционного права. Как отмечалось Карташовым А.С., «право на город (в конституционно-правовом аспекте) должно включать в себя право на пользование благами города, а также гарантии, направленные на предотвращение возможных нарушений конституционных прав человека в городской среде.» [13, с. 76].

Интересным представляется рассматривать «право на город» в рамках муниципального права, как элемент института местного самоуправления. В настоящее время институт в значительной степени лишен демократической составляющей, которая является неотъемлемой частью его идеальной модели. Также трудности вызывает незначительный уровень активности граждан. В настоящий момент формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления описаны в разделе 5 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». К таким формам относятся, в том числе, сход граждан, правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрания граждан, опрос граждан, другие формы непосредственного участия. Однако, все перечисленные формы участия не влияют по своей правовой силе на принятие решений, а носят только рекомендательный характер.

Обращают на себя внимания работы Медведева И.Р., который системно говорит о различных аспектах концепции «право на город», делая акцент на её реализации в контексте разрешения городских конфликтов [14].

Профессор Таболин В.В. широко известен своими работами по городскому праву, анализируя проблемы конституционно-правового регулирования жизнедеятельности городского и сельского населения указывает на то, что они заключаются в «универсальном подходе» законодателя – «регулируются не реальные (подлинные) общественные отношения, а некие представления (иллюзии, симулякры) законодателей о них или их поверхностные признаки и последствия, которые реализуются в виде правоотношений в проектах правовых актов, а после их принятия формируют новые общественные псевдоотношения и по сути приводят к отсутствию реального правоприменения» [15].

В рамках юриспруденции «право на город» рассматривается как механизм, способствующий защите имущественных прав (физического пространства), личных прав (социальной справедливости), социальных прав (право формировать городское пространство в интересах всех его жителей). В рамках этого подхода автор выделяет следующие ключевые правовые признаки, которые одновременно определяют структуру концепции «право на город»:

- Гражданское участие: «право на город» предполагает активное участие граждан в принятии решений о развитии городской среды, включая вопросы планирования и застройки.
- Доступ к ресурсам: граждане должны иметь доступ к основным ресурсам города, таким как жилье, транспортная и социальная инфраструктура, общественные пространства, коммунальные и бытовые услуги.
- Социальная справедливость: концепция предусматривает необходимость устранения (недопустимость установления) социальных и экономических неравенств, предоставление равных возможностей для всех горожан.

- Экологическая устойчивость: «право на город» включает экологические аспекты, такие как право на чистый воздух, чистую воду, достаточную инсоляцию жилых помещений, дератизацию, безопасную утилизацию отходов и подобное.

- Культурные блага: сохранение и доступ к историческому и археологическому наследию, искусству, культурным мероприятиям.

- Информационное обеспечение: открытость данных и прозрачность принимаемых решений в области градостроительства.

- Экономическая защищенность правообладателей вещных прав на объекты недвижимости: недопустимость произвольного уменьшения ценности вещей в результате изменения городской среды.

Заключение

«Право на город» является междисциплинарным понятием, которое сочетает в себе юридические, социологические, политические и другие аспекты. В условиях растущей урбанизации и социальных вызовов «право на город» становится неотъемлемой частью современного правового и социального дискурса, направленного на создание комфортной и справедливой городской среды для всех жителей.

Литература

1. Lefebvre Henri. Le droit à la ville. In: L'Homme et la société, N. 6, 1967. pp. 29-35.
2. Lefebvre Henri. Le droit à la ville. 3-e édition. Economica, 2009.
3. Lefebvre Henri. Espace et politique : le droit à la ville II, Paris, Anthropos, 2000.
4. Харви, Дэвид. Социальная справедливость и город, перевод с английского Е.Ю. Герасимовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 440 с.
5. Харви, Дэвид. Право на город, перевод с английского и комментарии М.А. Котлярова. – Екатеринбург, 2019 – 36 с.
6. Merrifield Andy. The politics of the encounter: Urban theory and protest under planetary urbanization. University of Georgia Press. 2013. – 184 p.
7. Sassen, S. Cities in a world economy. SAGE Publications. 2018 – 440 p.
8. Marcuse Peter, Van Kempen Ronald. Of States and Cities: The Partitioning of Urban Space. Oxford University Press. 1st edition. 2002. 312 p.
9. Mayer Margit, Thörn Catharina, Thörn Håkan. Urban Uprisings: Challenging Neoliberal Urbanism in Europe. Palgrave Macmillan. 1st ed. 2016.
10. Вершинина И.А. Анри Лефевр: От «Права на город» к «Урбанистической революции». Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48-60.
11. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 169–177.
12. Шихардин Н.В. «Право на город». Вестник КГУ, 2017. № 1. С. 112-115.

13. Карташов А.С. Право на город как конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 76.

14. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

15. Таболин В.В. Урбанизация в России: некоторые проблемы конституционно-правового регулирования и правоприменения // Law Enforcement Review. 2017. vol. 1, no. 4. P. 113.

Theoretical and legal aspects of the «right to the city» concept

Tarasova M.S.

Russian University of Transport

This paper deals with the theoretical and legal aspects of the “right to the city” concept, which was first proposed by French sociologist Henri Lefebvre. It explores its significance in the context of growing urbanization, social inequality and contemporary challenges such as climate change and migration crises. The author analyzes key elements of the concept, including civic participation, access to resources, social justice and environmental sustainability. Particular emphasis is put on the legal content of the concept and its application in the context of Russian legislation. The ways of democratization of urban governance and possibilities of adapting the “right to the city” to modern challenges are considered.

Keywords: Right to the city, Henri Lefebvre, urban governance, social justice, urbanization, civic participation, environmental sustainability, municipal law, urban policy, legal regulation.

References

1. Lefebvre Henri. The Movement to the City. In: L'Homme et la société, N. 6, 1967. pp. 29-35.
2. Lefebvre Henri. The Movement to the City. 3rd edition. Economica, 2009.
3. Lefebvre Henri. Space et Politique: The Movement to the City II, Paris, Anthropos, 2000.
4. Harvey, David. Social Justice and the City, translated from English by E. Yu. Gerasimova. - Moscow: New Literary Review, 2018. - 440 p.
5. Harvey, David. The Right to the City, translated from English and commentary by M. A. Kotlyarov. - Yekaterinburg, 2019 - 36 p.
6. Merrifield Andy. The politics of the encounter: Urban theory and protest under planetary urbanization. University of Georgia Press. 2013. – 184 p.
7. Sassen, S. Cities in a world economy. SAGE Publications. 2018 – 440 p.
8. Marcuse Peter, Van Kempen Ronald. Of States and Cities: The Partitioning of Urban Space. Oxford University Press. 1st edition. 2002. 312 p.
9. Mayer Margit, Thörn Catharina, Thörn Håkan. Urban Uprisings: Challenging Neoliberal Urbanism in Europe. Palgrave Macmillan. 1st ed. 2016.
10. Vershina I.A. Henri Lefebvre: From the “Right to the City” to the “Urban Revolution”. Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 48-60.
11. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. "The Right to the City": Political Construction of the Post-Pandemic World Order // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 474. P. 169-177.
12. Shikhardin N.V. "The Right to the City". Bulletin of KSU, 2017. No. 1. P. 112-115.
13. Kartashov A.S. The Right to the City as a Constitutional Right // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 4. P. 76.
14. Medvedev I.R. Resolution of Urban Conflicts: Monograph. M.: Infotropic Media, 2017. 372 p.
15. Tabolin V.V. Urbanization in Russia: Some Problems of Constitutional and Legal Regulation and Law Enforcement // Law Enforcement Review. 2017. vol. 1, no. 4. P. 113.

Пассивная множественность в делах о банкротстве

Арямов Павел Андреевич

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия, aryamov@cmmlaw.ru

В статье приведен анализ правоотношений членов группы компаний как между собой, так и по отношению ко внешним контрагентам в судебных разбирательствах, связанных с банкротством. В тексте статьи приведен анализ устоявшихся подходов судов высшей инстанции к решению сложных правовых вопросов, связанных со множественностью лиц на стороне должника, а также причины, по которым разрешение таких правовых коллизий зачастую не допускает последовательного применения гражданского законодательства без учета особенностей, связанных с банкротством одного или нескольких членов группы компаний.

Ключевые слова: банкротство, пассивная множественность, должник, гражданское законодательство

Глобальные экономические кризисы буквально во всех областях хозяйственной деятельности неизбежно влекут банкротство участников хозяйственного оборота. В то же время сложность корпоративной организации групп компаний порождает пространство для злоупотреблений, которыми пользуются нечистоплотные бизнесмены. Именно такого рода злоупотребления, которые с точки зрения позитивного права не могут расцениваться как нарушения законодательства, и порождает плодородную почву для цивилистических исследований, которые в очередной раз возвращают ученых к фундаментальным вопросам права.

В рамках группы компаний часто возникают сложные правоотношения, которые затрудняют процесс банкротства. Члены группы могут быть связаны общими экономическими интересами, что приводит к перераспределению активов и обязательств между ними.

Внешние контрагенты, вступая в отношения с одной из компаний группы, могут не осознавать, что фактически имеют дело с единым экономическим субъектом. Это создает риски для кредиторов, особенно в случае банкротства одной из компаний группы.

Формальная самостоятельность каждой компании в группе усложняет привлечение к ответственности других участников группы. Кредиторы сталкиваются с трудностями при взыскании долгов, если активы были перераспределены внутри группы.

Суды часто сталкиваются с необходимостью доказывать взаимосвязь между компаниями, что требует значительных усилий и времени. Это подрывает эффективность процедуры банкротства и создает дополнительные издержки для всех участников процесса.

Таким образом, отсутствие четкого регулирования правоотношений в группах компаний приводит к несправедливому распределению рисков между кредиторами и участниками группы.

Вызовы, которые бросает бизнесу неблагоприятная среда, делают грамотное корпоративное структурирование вопросом выживания. Принцип ограниченной ответственности юридического лица выступает действенным инструментом для распределения рисков, а различные налоговые режимы помогают последовательно и прозрачно оптимизировать налогообложение группы компаний.

Компании, находящиеся в одном периметре, часто совместно выступают поручителями по кредитным обязательствам. Во взаимоотношениях с внешними контрагентами такие юридические лица часто выступают совместно, предоставляя связанные услуги или выполняя подрядные работы в одной цепочке кооперации.

Однако, при банкротстве одного из членов группы компаний, выстроенные ранее отношения трансформируются как в отношении внешних контрагентов, так и в отношениях между членами группы компаний.

Обязательства перед внешними контрагентами, поручителями по которым выступают другие члены группы компаний, становятся срочными для всех поручителей¹⁰. Внутригрупповая задолженность фактически приравнивается к натуральным обязательствам¹¹.

Исследователи в области банкротного права связывают возникновение особенных институтов права с повышенными требованиями к добросовестности (или повышенными подозрениями в недобросовестности). Из-за несправедливости и во многом случайности распределения активов в периметре группы компаний для обеспечения законных интересов кредиторов имущество группы компаний подлежит консолидации при установлении ряда обстоятельств, в числе которых (1) участие в едином технологическом процессе (2) воспринимается контрагентами как одна экономическая единица (3) сепарация имущества невозможна или неразумна¹².

Во взаимоотношениях между кредитором и группой поручителей также возникают интересные казусы, требующие особого внимания. Так при банкротстве основного должника проценты и неустойка перестают начисляться, вместо них начисляются мораторные проценты. Последовательно применяя положения об акцессорности поручительства, кредитор с момента введения процедуры банкротства в отношении основного должника также утрачивает и право требования процентов и неустоек и в отношении его поручителей. Однако, из данного правила есть исключения. Так, если уменьшение размера задолженности основного должника посредством утверждения мирового соглашения в деле о его банкротстве не было одобрено его кредитором, размер задолженности поручителя останется прежним. Суд высшей инстанции¹³ мотивирует это тем, что, беря обеспечение в виде поручительства, кредитор рассчитывает на возврат задолженности в описанном в договоре поручительства объеме, уменьшение размера обязательства противоречит целям заключения договора поручительства и законодательного регулирования. На лицо противоречие в подходах суда высшей инстанции к решению, казалось бы, одного правового вопроса. Почему если речь идет о прощении процентов и неустоек поручителю за период банкротства основного должника не нарушает прав кредитора, а уменьшение обязательства поручителя путем прощения части долга мировым

соглашением в деле о банкротстве основного должника – не совсем понятно. И в первом, и во втором случае ни нарушений позитивного законодательства, ни злоупотребления правом не установлено. И в первом, и во втором случае речь идет о прощении части долга поручителю в связи с банкротством основного должника. Разница лишь только в механизме такого в любом случае законного прощения долга и природе прощаемой задолженности.

Одной из проблем пассивной множественности является неучет требований, вытекающих из поручительства, при определении момента объективного банкротства. В случае если одна из компаний группы выступает поручителем по обязательствам другой, такие требования часто не учитываются при анализе финансового состояния должника, так как такие обязательства относятся к забалансовым.

Несмотря на то, что категория объективного банкротства скорее является экономической, чем к юридической, момент его определения является ключевым для всех обособленных споров в деле о банкротстве. Позитивное право не содержит оснований для «неучета» требований из поручительства при определении момента объективного банкротства.

Вышеупомянутый подход, при котором обязательства из поручительства не учитываются при определении признаков объективного банкротства для целей привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности можно было бы последовательно обосновать через отсутствующий в отечественном праве категорию совместных обязательств.

Неделимый характер предмета обязательства предопределяет характер возникающей множественности не как солидарной, а как совместной. Так, в классическом примере обязательства передать в собственность неделимую вещь сособственники (содолжники) обладают правом собственности на вещь лишь сообща и могут перенести это право на кредитора только совместным волеизъявлением. Предъявление иска об исполнении в натуре лишь к одному или некоторым из них (характерное для классического солидаритета (п. 1 ст. 323 ГК РФ)) не способно привести к желаемым кредитором последствиям.¹⁴

Совместность обязательств предполагает, что полное предоставление, к которому обязаны несколько лиц, не может быть осуществлено одним из них ни в части, ни полностью. Исполнение только одним должником будет лишено для кредитора ценности, поэтому исполнять они могут только все вместе, своими совместными действиями. Классическим примером такой множественности является

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2023 N 26 "Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве";

¹¹ "Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц";

¹² Шайдуллин А.И. Материальная консолидация при банкротстве группы компаний: история развития, аргументы в пользу его использования и первые шаги в российском праве // Сборник статей

к 20-летию действующего закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского закона о банкротстве / под ред. А.И. Шайдуллина, Р.Т. Мифтахутдинова, О.Р. Зайцева. М.: Банкротный клуб, 2023. С. 219.

¹³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 N 308-ЭС16-1443 по делу N А61-2409/2010;

¹⁴ Пункт 1.4. комментария к ст. 322 ГК РФ, Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации"

обязательство трио музыкантов. Разновидностью совместного долга также называют обязательства участников совместной собственности по поводу их общего имущества (*Gesamthandschuld*). Например, если участники договора простого товарищества обязались передать конкретную вещь из общего имущества, то исполнение этой обязанности возможно только через совместное распоряжение.¹⁵

Совместный долг отличается от солидарного тем, что кредитор может требовать принудительного исполнения совместного долга только от всех должников. Совместный долг не является лишь объединением нескольких изолированных обязанностей. Более того, каждый должник обязан содействовать другим должникам, чтобы осуществить общее предоставление. В качестве примера приводятся обязательства музыкантов сыграть симфонию и разных подрядчиков возвести строение¹⁶.

На практике часты случаи, когда группа компаний берет кредит и распределяет его между своими структурными единицами, при этом каждая компания из группы выдает поручительство по кредиту. Очевидно, что самостоятельно каждая компания в отдельности не сможет исполнить принятые на себя обязательства по возврату кредита. Ввиду неисполнимости принятого на основании договора поручительства обязательства каждой компанией в отдельности, при определении момента объективного банкротства не подлежат учету обязательства из договора поручительства.

Несмотря на отсутствие в позитивном гражданском законодательстве совместной пассивной множественности, его отголоски проступают чернилами на страницах решений судов высшей инстанции, препятствуя вынесению откровенно неправосудных решений.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2023 N 26 "Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве";
2. "Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц";
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 N 308-ЭС16-1443 по делу N А61-2409/2010;
4. Шайдуллин А.И. Материальная консолидация при банкротстве группы компаний: история развития, аргументы в пользу его использования и первые шаги в российском праве // Сборник статей к 20-летию действующего закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского закона о банкротстве / под ред. А.И. Шайдуллина, Р.Т. Мифтахутдинова, О.Р. Зайцева. М.: Банкротный клуб, 2023. С. 219.

¹⁵ О режиме совместной собственности в Германии, распространяющемся на участников договора простого товарищества, см., напр.: Егоров А.В. *Общая долевая собственность: механизмы защиты прав сособственников* // Вестник гражданского права. 2012. N 4. С. 4 - 41.

5. Пункт 1.4. комментария к ст. 322 ГК РФ, Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации"

6. О режиме совместной собственности в Германии, распространяющемся на участников договора простого товарищества, см., напр.: Егоров А.В. *Общая долевая собственность: механизмы защиты прав сособственников* // Вестник гражданского права. 2012. N 4. С. 4 - 41.

7. Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts. Teil III. Kommission für Europäischen Vertragsrecht / Deutsche Ausgabe von Ch. von Bar, R. Zimmermann. München, 2005. S. 631, 632.

Passive plurality in bankruptcy cases

Aryamov P.A.

Russian State University of Justice

The article provides an analysis of the legal relationships among members of a group of companies, both internally and in relation to external counterparties, in litigation related to bankruptcy. The text of the article examines the established approaches of higher courts to resolving complex legal issues involving multiple parties on the debtor's side, as well as the reasons why the resolution of such legal conflicts often precludes the consistent application of civil legislation without taking into account the specifics related to the bankruptcy of one or several members of the group of companies.

Keywords: bankruptcy, passive plurality, debtor, civil legislation

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.06.2023 N 26 "On the specifics of applying the rules on suretyship by courts in insolvency (bankruptcy) cases";
2. "Review of judicial practice in resolving disputes related to the establishment of claims of controlling debtors and persons affiliated with them in bankruptcy proceedings";
3. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.06.2016 N 308-ЭС16-1443 in case N А61-2409/2010;
4. Shaidullin A.I. Material consolidation in bankruptcy of a group of companies: history of development, arguments in favor of its use and first steps in Russian law // Collection of articles for the 20th anniversary of the current law on bankruptcy and the 30th anniversary of the first modern Russian law on bankruptcy / ed. A.I. Shaidullina, R.T. Miftakhutdinova, O.R. Zaitseva. M.: Bankrupt Club, 2023. P. 219.
5. Clause 1.4. commentary to Art. 322 of the Civil Code of the Russian Federation, Performance and Termination of an Obligation: Commentary on Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation"
6. On the joint ownership regime in Germany, which applies to participants in a simple partnership agreement, see, for example: Egorov A.V. *Common Shared Ownership: Mechanisms for Protecting the Rights of Co-Owners* // Civil Law Bulletin. 2012. No. 4. pp. 4-41.
7. General Rules of European Owners. Part III. Commission for European Owners / Deutsche Ausgabe von Ch. von Bar, R. Zimmermann. Munich, 2005. pp. 631, 632.

¹⁶ Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts. Teil III. Kommission für Europäischen Vertragsrecht / Deutsche Ausgabe von Ch. von Bar, R. Zimmermann. München, 2005. S. 631, 632.

Зарубежный опыт регулирования цифровой среды и цифровых прав

Газгиреев Нажмуди Шамсудиевич

студент, Московский городской педагогический университет, mgpu@mgpu.ru

Статья посвящена анализу опыта регулирования цифровой среды и цифровых прав в зарубежных странах. Страны предпринимают попытки решить эту проблему через выборочные правовые решения и разработку национальных программ, которые направлены на поиск комплексных решений. Подводя итоги, можно сказать, что на данный момент активно идет работа над формированием эффективного правового фреймворка, который будет способствовать развитию цифровой экономики и обеспечивать безопасность в использовании цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровые активы, цифровая валюта, цифровые права, цифровизация, информационное общество, опыт регулирования.

В связи с прогрессом современных технологий, многие традиционные взаимоотношения перешли в цифровую среду. Электронный обмен документами и появление новых форм гражданских прав, таких как безналичные платежи и электронные ценные бумаги, стали неотъемлемой частью этого процесса. В связи с этим возникает потребность в соответствующем правовом регулировании, чтобы приспособиться к изменениям в экономических отношениях. Однако, эти изменения также представляют новые вызовы для правовой системы.

Существующая нормативно-правовая база в России требует дальнейшего развития и уточнения, чтобы обеспечить ясность и однозначность понятий, необходимых для правового регулирования цифровой экономики. Это позволит создать стабильную и предсказуемую правовую среду для развития цифровых отношений и защиты интересов всех участников.

Таким образом, необходимо провести дополнительные исследования и разработки в области правового регулирования цифровых объектов в России, с учетом современных технологических достижений и потребностей цифровой экономики. Это поможет создать эффективную и гибкую правовую систему, способную обеспечить стабильность и защиту прав и интересов всех участников цифровых отношений.

Учитывая значимый вклад ученых, перечисленных в исследовании данной темы, следует отметить, что все же существуют недостатки в разработке решений в этой области.

Понятие цифровых прав имеет различные толкования, как видно из примеров толкования понятия информационной системы. Это указывает на многозначность и разнообразие содержания цифровых прав. Исходя из представленной информации, цифровое право может быть рассмотрено с двух точек зрения:

1. Широкое понимание цифрового права включает нормы, регулирующие разнообразные общественные отношения, возникающие в контексте использования Интернета. Это включает правовые аспекты, связанные с электронной коммерцией, защитой персональных данных, кибербезопасностью, электронными контрактами и другими аспектами, связанными с цифровыми технологиями.

2. Узкое понимание цифрового права объединяет нормы, направленные на решение системных проблем, связанных с функционированием Интернета. Это включает правовые механизмы, разработанные для регулирования таких вопросов, как защита персональных данных, кибербезопасность,

электронная коммерция и другие аспекты, связанные с использованием цифровых технологий и Интернета.

Понятие «цифровое право» широко применяется во всем мире и играет важную роль в формировании правовых принципов для регулирования цифровой экономики. Оно связано с концепцией «цифровизации», объединяющей различные научные области. В этом контексте «цифровое право» можно определить как область юридической науки, изучающую развитие юридических норм, выраженных в цифровой форме, и регулиующую общественные отношения в киберпространстве на разных уровнях.

Для развития правовой системы и обеспечения защиты прав в сфере цифровых технологий и Интернета крайне важно разрабатывать и применять нормативные акты, соглашения и конвенции, регулирующие цифровые права. Международный опыт в этой области представляет интерес для многих стран и международных организаций.

В зарубежной практике ключевым элементом цифрового конституционализма является так называемый Интернет-билль о правах, возникший на основе положений Хартии АРС по правам в Интернете. Хотя цифровые права в настоящее время не регулируются во всех странах, Хартия устанавливает связь между Интернетом и правами человека во всем мире [1, с. 37].

Основная цель Интернет-билля о правах заключается в создании рамок, которые гарантируют, что права и свободы, признанные в офлайн-мире, также будут соблюдаться в онлайн-среде. Закон определяет стандарты, которым должны соответствовать провайдеры интернет-услуг, социальные сети, веб-сайты и другие онлайн-платформы. Основные положения Интернет-билля о правах включают в себя:

1. Свобода выражения. Закон гарантирует, что все пользователи Интернета имеют право свободно выражать свои мысли и идеи без каких-либо ограничений или цензуры со стороны государственных или частных организаций.

2. Конфиденциальность данных. Закон требует, чтобы провайдеры интернет-услуг и платформы соблюдали строгие стандарты конфиденциальности и безопасности данных, чтобы защитить личную информацию пользователей.

3. Безопасность онлайн-среды. Закон регулирует преступность в сфере информационных технологий, включая хейт-спич, дискриминацию и другие нарушения. Он требует, чтобы платформы активно предотвращали и реагировали на такие нарушения.

4. Равноправный доступ. Закон гарантирует равный доступ к информации и ресурсам в Интернете для всех пользователей, без дискриминации по политическим, религиозным, расовым или другим причинам.

5. Образование и информированность. Закон подчеркивает важность осведомленности пользователей о том, как действовать и что делать в онлайн-среде, а также о том, как обеспечить безопасность и этичность своего поведения.

Развитие мировых рынков успешно поддерживается принципом саморегулирования и использова-

нием саморегулируемых организаций (СРО) в качестве основы для нормативно-правового регулирования. Консультативный комитет СРО Международной организации комиссий по цифровым правам (IOSCO) представил «Модель эффективного саморегулирования», которая включает общие принципы саморегулирования и обосновывает важность включения саморегулирования в нормативно-правовую базу. С 2000 года это стало основой для развития СРО [4].

В настоящее время многие страны сталкиваются с вопросом регулирования цифровых активов и криптовалюты. Например, Япония приняла закон о валютном регулировании с 1 апреля 2017 года, который признает криптовалюту, включая биткойны, официальным средством платежа. Это решение государства является результатом усилий по созданию безопасной и стабильной среды для использования криптовалютных активов. Подобные законы и правила обеспечивают безопасность для всех участников рынка и играют важную роль в развитии и распространении криптовалюты.

В США существует обширное законодательство и судебная практика, которые регулируют цифровые права, связанные с цифровыми объектами. Одним из ключевых нормативных актов является Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA), принятый в 1998 году. DMCA регулирует защиту авторских прав в Интернете и включает запрет на обход технических средств защиты, а также устанавливает ответственность за нарушения авторских прав и методы удаления нелегального контента. Закон о защите частной жизни в сфере электронных коммуникаций (ЕСРА), принятый в 1986 году, дополняет положения DMCA. ЕСРА регулирует сбор, использование и раскрытие электронных сообщений, таких как электронная почта, интернет-трафик и другие виды электронной связи [1, с. 114].

Правила и принципы, применяемые к традиционной собственности в американском гражданском праве, также служат основой для регулирования прав на цифровые активы, такие как биткойны, токены и смарт-контракты. Согласно американскому гражданскому праву, владение цифровыми активами признается имущественным правом, защищенным судебной системой. Однако, для эффективного регулирования цифровых объектов может потребоваться применение специальных нормативных актов и судебной практики. Например, федеральное законодательство и судебные решения в Соединенных Штатах устанавливают правила владения биткойнами и другими криптовалютами. Они рассматриваются как цифровые активы, которые могут быть приобретены, переданы и использованы как в сделках, так и в судебных процедурах [3, с. 12].

Автоматизированные юридические соглашения, известные как смарт-контракты, также подпадают под регулирование гражданского права в Соединенных Штатах. В случае возникновения споров или нарушений смарт-контрактов, суды могут использовать общие принципы гражданского права для их разрешения. Важно отметить, что американское

право собственности на цифровые объекты находится в процессе развития, и в будущем некоторые аспекты могут быть предметом обсуждения и изменений.

Кроме того, в Соединенных Штатах действует Федеральная торговая комиссия (FTC), которая занимается расследованием случаев нарушения прав потребителей в цифровой сфере, включая сферу цифровых объектов. FTC имеет полномочия изучать и преследовать компании, нарушающие правила конкуренции, конфиденциальности и безопасности в цифровой области.

Функции и полномочия Федеральной торговой комиссии (FTC) в США охватывают несколько важных аспектов:

1. Регулирование рынка. FTC разрабатывает и осуществляет политику, направленную на обеспечение справедливой конкуренции и предотвращение монополистических практик. Она также занимается расследованием нарушений антимонопольного законодательства и преследует компании, вовлеченные в незаконные действия. Кроме того, FTC контролирует слияния и поглощения компаний с целью поддержания здоровой конкуренции на рынке.

2. Защита прав потребителей. Одной из главных задач FTC является защита потребителей от обмана и мошенничества. Она рассматривает жалобы со стороны потребителей, контролирует рекламные практики, обеспечивает соблюдение правил информированности потребителей и пресекает недобросовестные деловые практики.

3. Безопасность личных данных. FTC отвечает за обеспечение конфиденциальности и безопасности личных данных. Она контролирует компании, собирающие и обрабатывающие данные, разрабатывает политику по защите персональной информации потребителей и преследует нарушения конфиденциальности данных.

4. Просвещение и обучение. Кроме своих основных функций, FTC также занимается обучением и предоставлением ресурсов как потребителям, так и деловому сообществу. Она информирует людей о их правах, конкуренции и защите данных, что помогает им принимать обоснованные решения и защищать свои интересы.

FTC играет важную роль в защите прав потребителей в Соединенных Штатах. Ее деятельность направлена на поддержание здоровой конкуренции, предотвращение монополий и обеспечение конфиденциальности данных.

В декабре 2019 года Евросоюз принял решение о запрете «стабильных» криптовалют в своих странах. Это было обусловлено выявленными юридическими и надзорными рисками, которые требовалось устранить. Однако в сентябре 2020 года Еврокомиссия представила правила для регулирования криптовалют, заявив, что необходимо создать «надежную правовую базу» из-за широкого использования криптовалют. В этом 168-страничном документе определены требования к активам и предложено создать «песочницу-хранилище» для проектов блокчейна.

В некоторых странах-членах Евросоюза, таких как Франция, Германия и Мальта, есть внутренние законы, регулирующие криптовалюты. Однако большинство стран-членов ЕС согласны с предложением о необходимости общеевропейских стандартов, поскольку европейские надзорные органы считают, что рынки криптовалют выходят за рамки национальных границ.

В Индии цифровые права определяются как осуществление ценностей справедливости, равенства, братства и свободы в современном цифровом мире, прописанных в преамбуле Конституции Индии. Несмотря на отсутствие конкретных законов, регулирующих владение цифровыми объектами, в Индии собственность на такие объекты может быть урегулирована судебной практикой и некоторыми законами, такими как Закон о цифровой подписи 2000 года, Закон о информационных технологиях 2000 года и Индийский Закон о контрактах 1872 года [7, с. 116].

В Китае действует закон, который ограничивает и запрещает использование криптовалют, определяя их как «виртуальную собственность». Согласно этому закону, криптовалюта не может использоваться в качестве средства платежа в стране, но она признается имуществом с ценностью и правовой защитой. Это означает, что обмен и владение криптовалютой могут быть разрешены только в соответствии с определенными законами. Однако использование метода привлечения инвестиций, известного как первоначальное инвестиционное предложение (ICO), запрещено. Также запрещена торговля криптовалютой на биржах в Китае [8, с. 64].

В Великобритании подход к регулированию криптовалют отличается от российского законодательства. В английском праве криптовалюты рассматриваются как данные или информация, однако защита цифровых прав связана с защитой собственности. В отличие от России, где цифровые права регулируются информационным правом.

В английском праве цифровые права рассматриваются как имущество и защищаются на этой основе. Этот подход основан на предположении, что цифровые права обладают стоимостью и должны быть защищены как имущество. Оценка цифровых прав в Великобритании включает в себя степень владения и контроля над ними, а также потенциальную коммерческую ценность. Такой подход способствует развитию цифровой экономики и инноваций, признавая, что цифровые активы и права на них могут иметь экономическую ценность и быть предметом инвестиций и сделок [2, с. 86].

В англо-саксонском праве цифровые технологии и их продукты становятся все более значимыми в рамках гражданского права. Возникают вопросы о владении кодами самообучающихся программ, правах на продукты, созданные этими программами и роботами, а также об ответственности за возможные негативные последствия цифровых технологий и их продуктов [5, с. 134]. Однако, для устойчивого и успешного развития цифровой экономики необходимо разработать универсальный подход к граж-

данским делам, связанным с цифровыми технологиями, их продуктами и правами. Этот подход должен учитывать особенности цифровой среды и надежно защищать права и интересы всех участников, включая пользователей, разработчиков программного обеспечения и владельцев цифровых активов.

В различных юридических системах существуют разные подходы к регулированию токенов. Некоторые страны полностью запрещают оборот токенов, другие не придают им особого статуса, а третьи регулируют их оборот. Например, Комиссия по ценным бумагам и биржам Соединенных Штатов (SEC) предложила классификацию токенов, которая позволяет различать разные типы цифровых активов. Инвестиционные токены являются первым типом и представляют собой особый вид ценных бумаг, предлагающих инвестиционные возможности. Служебные токены являются вторым типом и предоставляют доступ к продуктам, услугам и платформам, предлагаемым компанией. Третий тип - токены, которые могут быть валютными или платежными, используются для совершения платежей и являются формой криптовалюты. Эта классификация помогает различать разные типы токенов и понимать их функции в цифровой среде [9].

В Сингапуре строго регулируется использование цифровых активов, таких как криптовалюты. Чтобы обеспечить безопасность, прозрачность и соблюдение стандартов, в стране введены законы и правила. Управление использованием цифровых активов осуществляется несколькими регуляторными органами.

Первым органом является Агентство по финансовому регулированию Сингапура (MAS), которое контролирует финансовый сектор страны и регулирует цифровые активы. Оно разрабатывает стандарты для криптовалют, Initial Coin Offering (ICO) и других связанных вопросов, а также лицензирует криптовалютные биржи и платформы обмена.

Вторым органом является Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам (SFC), которая контролирует торговлю цифровыми активами, считающимися ценными бумагами. SFC осуществляет контроль над ICO и выдачей лицензий для деятельности в области цифровых активов.

Третьим органом является Управление по предотвращению отмыкания денег (AML). В Сингапуре существуют строгие правила и нормы, чтобы предотвратить финансирование терроризма и отмывание денег. AML отвечает за применение этих правил к цифровым активам.

Кроме того, в международной практике наблюдаются примеры создания межгосударственных центров, занимающихся альтернативным урегулированием споров. Это интересное направление развития, где технологии альтернативного урегулирования споров активно применяются для разрешения конфликтов между потребителями и поставщиками. В этом процессе стороны передают все необходимые данные третьей стороне, которая принимает

решение о виновности. Автоматизация играет важную роль в ускорении процесса и снижении возможных ошибок и несправедливостей.

Таким образом, использование законодательства о ценных бумагах для контроля за цифровыми активами является разумным и обоснованным подходом. В США, Великобритании, странах Европейского Союза и Швейцарии применяется данный подход. Важно отметить, что эти страны регулируют только токены, которые подтверждают права собственности. Однако, подход к различным типам цифровых активов может различаться в зависимости от страны.

Анализ исследований зарубежных авторов свидетельствует о том, что отсутствует единая теория цифрового права в других странах. Это вызывает несколько важных вопросов, которые требуют дальнейших обсуждений.

Во-первых, отсутствует общепринятая терминология для определения нового явления, такого как киберправо. Этот вопрос остается открытым и требует уточнения и дальнейшей дискуссии.

Во-вторых, возникает неопределенность относительно природы киберправа. Существуют вопросы о том, является ли оно самостоятельной областью юридической науки или является частью других правовых областей.

В-третьих, продолжаются споры о необходимости выделения киберправа в отдельную юридическую отрасль. Возникает вопрос о том, следует ли рассматривать киберправо отдельно или интегрировать его в другие области права. Этот вопрос остается предметом дебатов и требует дальнейшего исследования.

На данный момент исследования указывают на то, что существующее законодательство находится только в начальной стадии разработки правил использования цифровых технологий. В международном контексте в настоящее время ведутся обсуждения двух возможных стратегий: прогрессивное продвижение в развитии цифровой экономики и стратегия безопасности для снижения связанных с ней рисков. Различные страны предпринимают попытки решить эту проблему путем выборочного принятия законодательных решений и разработки национальных программ, направленных на поиск комплексных решений. Однако, несмотря на активную работу в этой области, необходимо принять более системный и последовательный подход к развитию цифрового права. Это подразумевает решение двух фундаментальных вопросов: можно ли адаптировать традиционные правовые структуры к цифровой экономике или требуются новые инновационные законы? Кроме того, необходимо разработать модель универсального права в контексте транснациональных технологий. Только таким образом можно обеспечить эффективное и сбалансированное регулирование цифровой среды.

Решение первого вопроса напрямую зависит от того, как современная судебная практика оценивает юридическую природу цифровых технологий и их способность обеспечивать защиту. Исследование

показывает, что в свете развития цифровых технологий традиционное право становится все более периферийным, и применение старых структур может привести только к фрагментированному регулированию, не предоставляющему достаточных возможностей для дальнейшего развития.

Прогрессивное развитие, которое наблюдается в цифровой экономике, требует разработки и принятия новых правовых структур с долгосрочной перспективой. Особое внимание должно быть уделено пересмотру правовой идентичности технологий, авторского и смежного права. Важно отметить, что эти модели должны разрабатываться на международном уровне, а не на уровне отдельных государств, чтобы обеспечить универсальность законодательства.

Литература

1. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Мефодьева. М., 2019. 228 с.
2. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.
3. Hacker P., Krestel R., Grundmann S., Naumann F. Explainable AI under contract and tort law: Legal incentives and technical challenges. *Artificial Intelligence and Law*, 2020. 19 p.
4. Hanafizadeh P., & Kim, S. Digital Business: A new forum for discussion and debate on digital business model and digital transformation. *Digital Business*, 2020. 1(1).
5. Karkhalev D. Digital Rights in Civil Circulation. *Siberian Law Review*, 2022. № 19. P. 134-141.
6. Liu Y., Huang J. Legal creation of smart contracts and the legal effects. *Journal of Physics: Conference Series*, 2019. № 1345(4). P. 1-17.
7. Parka, H., Anderson, T. R., & Seo, W. (2021). Regional innovation capability from a technology-oriented perspective: An analysis at industry level. *Computers in Industry*, 2021. 129 p.
8. Sanz B. P. Key legal issues surrounding smart contract applications. *KLRI Journal of Law and Legislation*, 2019. 9 (1). P. 63-91.
9. Yunquera S.R. One cloud in the sky and conflicting laws on the ground: Regulating law enforcement access to e-evidence in cloud computing in the European Union and the United States (Unpublished thesis). College of Europe, Belgium, 2019.

Foreign experience in regulating the digital environment and digital rights

Gazgireev N.S.

Moscow City University

The article analyzes the experience of regulating the digital environment and digital rights in foreign countries. Countries are trying to solve this problem through selective legal solutions and the development of national programs aimed at finding comprehensive solutions. Summing up, we can say that at the moment we are actively working on the formation of an effective legal framework that will contribute to the development of the digital economy and ensure security in the use of digital technologies.

Keywords: digital environment, digital assets, digital currency, digital rights, digitalization, information society, regulatory experience.

References

1. Methodieva K. A. Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia : dis. ... cand. Jurid. Sciences / K. A. Methodieva, M., 2019. 228 p.
2. Khabrieva T. Ya. Law in the conditions of digital reality / T. Ya. Khabrieva, N. N. Chernogor // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 1. pp. 85-102.
3. Hacker P., Krestel R., Grundmann S., Naumann F. Explainable AI under contract and tort law: Legal incentives and technical challenges. *Artificial Intelligence and Law*, 2020. 19 p.
4. Hanafizadeh P., & Kim, S. Digital Business: A new forum for discussion and debate on digital business model and digital transformation. *Digital Business*, 2020. 1(1).
5. Karkhalev D. Digital Rights in Civil Circulation. *Siberian Law Review*, 2022. № 19. P. 134-141.
6. Liu Y., Huang J. Legal creation of smart contracts and the legal effects. *Journal of Physics: Conference Series*, 2019. № 1345(4). P. 1-17.
7. Parka, H., Anderson, T. R., & Seo, W. (2021). Regional innovation capability from a technology-oriented perspective: An analysis at industry level. *Computers in Industry*, 2021. 129 p.
8. Sanz B. P. Key legal issues surrounding smart contract applications. *KLRI Journal of Law and Legislation*, 2019. 9 (1). P. 63-91.
9. Yunquera S.R. One cloud in the sky and conflicting laws on the ground: Regulating law enforcement access to e-evidence in cloud computing in the European Union and the United States (Unpublished thesis). College of Europe, Belgium, 2019.

Параллельный импорт в Российской Федерации

Головизнин Олег Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета

Москалев Ярослав Эдуардович

студент Дальневосточного федерального университета РФ

Куделя Наталья Юрьевна

старший преподаватель кафедры конкурентного и предпринимательского права, Дальневосточный федеральный университет

В статье авторы рассматривают понятие параллельного импорта, его разграничение с иными экономическими терминами, правовое регулирование параллельного импорта в Российской Федерации, действие международного принципа исчерпания интеллектуальных прав. Во второй части статьи приведена статистика, на основании которой авторы делают вывод об эффективности параллельного импорта в краткосрочной перспективе в условиях геополитической обстановки.

Ключевые слова: параллельный импорт, принцип исчерпания интеллектуальных прав, серый импорт, правовое регулирование параллельного импорта.

В условиях усложнения внешнеполитической обстановки и введения ряда ограничительных мер против Российской Федерации, стратегическим приоритетом для страны становится снижение импортозависимости и наращивание внутреннего производственного потенциала. Это необходимо для успешной реализации политики импортозамещения по всем ключевым направлениям, включая высокие технологии, машиностроение, сельское хозяйство и другие критически важные отрасли. Однако данная задача осложняется тем, что внутри страны не всегда имеются необходимые достижения в области науки и техники, что создает дополнительные трудности в стремлении к самообеспечению [4, с. 17].

В этой ситуации параллельный импорт приобретает особую значимость. Параллельный импорт подразумевает ввоз товаров, не имеющих официального разрешения от правообладателя, что позволяет обойти ограничения и обеспечить доступ к необходимым товарам и технологиям.

В релевантной российской судебной практике можно встретить определение параллельного импорта через ввоз на территорию Российской Федерации без согласия правообладателей оригинальных иностранных товаров, которые введены в гражданский оборот за рубежом [11, с. 13].

Параллельный импорт представляет собой многогранное явление в сфере международной торговли. Он возникает, когда оригинальные товары, произведенные производителем или с его разрешения, ввозятся на рынок, для которого они не предназначены, и начинают конкурировать с аналогичными товарами, которые поставляются официально. Это может происходить, например, когда параллельный импортер закупает продукцию в одной стране, где она продается по более низкой цене, и затем ввозит её в другую страну, где цена значительно выше.

Одним из ключевых аспектов параллельного импорта является то, что импортеры используют каналы сбыта, которые не были санкционированы владельцем товарного знака. Это может включать в себя различные способы дистрибуции, такие как интернет-магазины или независимые розничные сети, которые не имеют официальных договоров с производителем. Однако стоит отметить, что сами товары, которые параллельный импортер приобретает, поступают из легальных каналов, что делает ситуацию несколько сложной с точки зрения правовой оценки.

В отличие от параллельного импорта, официальный импорт осуществляется самим правообладателем или его уполномоченными дистрибьюторами. Они работают через зарегистрированные дилерские сети или используют другие механизмы, чтобы гарантировать, что продукция попадает на рынок с

соблюдением всех необходимых стандартов и требований. Официальные дистрибьюторы часто предлагают дополнительный уровень сервиса, включая гарантии, техническую поддержку и сервисное обслуживание, что может быть важным для потребителей.

Параллельный же импорт представляет собой ввоз на территорию стран ЕАЭС оригинальных товаров, маркированных товарным знаком правообладателя, но без его разрешения, в результате чего возникает конфликт интересов и нарушение прав правообладателя [22, с. 237].

Параллельный импорт можно рассмотреть на примере японских компаний, которые столкнулись с новыми реалиями после введения международных санкций. В 2022 году Япония ограничила экспорт определённых товаров в Россию, что стало значительным ударом для российских компаний, зависящих от японской техники и электроники. Однако, несмотря на эти ограничения, японские производители не остались беззащитными. Они быстро адаптировались к новым условиям и нашли альтернативные пути для доставки своей продукции в Россию.

Одним из наиболее заметных путей стал экспорт через третьи страны, такие как Китай и Турция. Китайские и турецкие дистрибьюторы начали закупать японские товары напрямую у производителей, что позволяло им обходить ограничения. Эта схема оказалась выгодной как для японских компаний, так и для посредников, которые могли устанавливать наценки на продукцию. В результате, российские компании, нуждающиеся в японской технике, сталкивались с увеличением цен на уровне 40% по сравнению с первоначальной стоимостью. Это создавало дополнительные финансовые нагрузки на бизнес, который и без того испытывал трудности в условиях экономической нестабильности.

Похожая ситуация наблюдается и с компанией Apple, которая приняла решение уйти с российского рынка в 2023 году. Несмотря на это, предприниматели нашли способы параллельного импорта, позволяя российским потребителям продолжать приобретать продукцию Apple, включая новые модели. Однако логистика оказалась значительно усложнена, что привело к резкому увеличению цен. Наценка на продукцию Apple в России достигала 75% от оригинальной цены в стране-производителе. Это означало, что покупатели не только сталкивались с высокими ценами, но и лишались возможности получить техподдержку и гарантии на устройства.

Таким образом, параллельный импорт стал важным инструментом для преодоления экономических барьеров.

Легализация параллельного импорта связана с переходом определённой группы товаров в сферу действия международного принципа исчерпания интеллектуальных прав, который является правовой основой параллельного импорта.

В международном праве выделяют три основных вида этого принципа: международный, региональ-

ный и национальный. Международный принцип исчерпания прав применяется на глобальном уровне и позволяет товарам свободно перемещаться между странами, что способствует более конкурентоспособной среде.

Региональный принцип действует в рамках определённых экономических союзов, таких как Европейский Союз, где товары, произведённые в одной стране, могут свободно продаваться в других странах-участниках без дополнительных ограничений.

Национальный принцип, в свою очередь, ограничивает действия только в пределах одной страны, что может привести к более строгому контролю со стороны правообладателей.

Так, в США и Китае установлен международный режим исчерпания права, который не позволяет препятствовать распространению товара правообладателя после того, как его правомерно вели в гражданский оборот в любой стране, независимо от её внешнеполитического положения. Следовательно, после того, как правообладатель единожды продал товар на территории любой страны, он лишается права препятствовать перепродаже товара и его ввозу на территории иных стран, что получило название «доктрина первой продажи» (first-sale doctrine).

Примером регионального принципа является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В ЕАЭС был установлен региональный принцип исчерпания прав на товарный знак в соответствии с разделом V Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, приложение № 26 к Договору о ЕАЭС. Региональный принцип означает исчерпание правообладателем исключительного права на товарный знак в рамках таможенной территории нескольких государств, входящих в ЕАЭС.

Соответственно, после первой продажи товара в любом государстве ЕАЭС (Белоруссия, Казахстан, Россия, Армения, Кыргызстан), действие принципа сводится до пределов данного союза, то есть правообладатель исчерпывает свое право только в рамках данных государств, распространение в иные страны, не входящие в ЕАЭС, является незаконным. В силу этого для правообладателя данный режим является более выгодным, чем международный, при котором ввоз товара в любое государство предполагает исчерпание права.

Самым выгодным для правообладателя является национальный принцип исчерпания интеллектуального права, который закреплён в ст. 1487 ГК РФ. В соответствии с ним не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия.

Как отмечается в доктрине, вероятно, национальный принцип исчерпания прав, устанавливающий правила перемещения товаров с объектами интеллектуальной собственности в пределах одной страны, уже не соответствует действительности и нуждам современного общества. Этот принцип

предполагает, что если правообладатель законно выпустил товар на рынок в определённой стране или это произошло с его согласия, то он утрачивает контроль над дальнейшим распространением этого товара внутри страны. Товары могут свободно перемещаться и продаваться внутри страны без ограничений со стороны правообладателя [1, с. 17].

До событий 2022 года правовое регулирование параллельного импорта фактически отсутствовало. Конституционный Суд РФ указывал, что такой инструмент можно использовать для ввоза жизненно важных товаров: лекарств, оборудования для жизнеобеспечения населения [9, с. 8].

При этом суды признавали параллельный импорт незаконным. Так, в деле № А41-54785/2021 суд пришел к выводу о нарушении ответчиком исключительных прав истца на товарный знак, поскольку ответчиком не доказано, что использование этого знака было осуществлено в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия.

Легализация произошла введением Федерального закона от 28.06.2022 № 213-ФЗ, согласно которому не является нарушением исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации использование результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в товарах (группах товаров), перечень которых устанавливается в соответствующем порядке.

Также, согласно Постановлению Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 при условии введения определённых товаров в оборот за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 ГК РФ.

В свою очередь, данный перечень товаров был регламентирован Приказом Минпромторга России от 19.04.2022 N 1532 (нынешняя редакция – Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701).

Таким образом, в условиях геополитической обстановки и санкций в РФ был отменён национальный принцип исчерпания в отношении определённого ряда товаров, в силу чего стал возможен ввоз оригинальных товаров без согласия правообладателей.

К таким товарам, в частности, относятся: любые бренды одежды и обуви, резина и резиновые изделия, мыло, моющие средства, пластмассы, соль, фармацевтическая продукция от O. B. и Carefree, электроника от Apple, Samsung, HP, Intel, Siemens, Asus, GoPro, Panasonic, Electrolux, автомобили разных классов и запчастей к ним: Tesla, Land Rover, Chrysler, Bentley, Hummer, Rolls-Royce, Toyota, Skoda, Volkswagen и другие (указанный перечень постоянно обновляется, преимущественно добавляются новые товары).

Из этого следует, что если товары не входят в перечень, ввозить их без согласия правообладателей запрещено в силу действия национального прин-

ципа исчерпания прав. В таком случае предприниматели, занимающиеся импортом товаров, нарушают права правообладателя, что влечёт за собой соответствующие меры ответственности: компенсация до 5 000 000 рублей или взыскание убытков, двукратный размер стоимости контрафактного товара или двукратный размер стоимости права использования товарного знака (п. 4 ст. 1515 ГК РФ).

В силу этого необходимо обратить внимание на судебную практику, которая была распространена в период легализации параллельного импорта. Так, некоторые импортеры использовали перечень товаров, чтобы ввозить товары без согласия правообладателя, однако в таких случаях суды неоднократно отмечали, что если товар был ввезен до того, как он был внесен в перечень, присутствует нарушение права на товарный знак [14, с. 6].

Необходимо также отметить вывод Верховного Суда РФ, который указал на то, что действие закона распространяется на отношения, которые возникли до введения его в действие, только в тех случаях, когда закон это прямо предусматривает (ст. 4 ГК РФ), при этом в данном случае в законе такой оговорки нет, в связи с чем компании не могут делать ссылку на параллельный импорт, если на момент совершения правонарушения Постановление Правительства, как и перечень товаров, не действовали [8, с. 10].

Кроме того, из перечисленного следует особенность правового регулирования параллельного импорта в Российской Федерации, которая заключается в том, что легализация во многом происходила на уровне подзаконных актов (Постановление Правительства, а также приказы министерств). Этим правовое регулирование отличается, например, от США, где международный принцип исчерпания был выработан судебной практикой и прецедентами ВС (указанная first-sale doctrine).

Оценка параллельного импорта

Потребность в легализации параллельного импорта вызывает множество сложностей.

Разрешение параллельного импорта позволяет избежать дефицита товаров на рынке, что особенно важно в период кризисов. Однако, несмотря на плюсы, существуют и серьёзные минусы.

Во-первых, объём параллельного импорта, как правило, остается ниже, чем потребность рынка. Это обусловлено тем, что продавцы, занимающиеся параллельным импортом, сталкиваются с высокими транзакционными и логистическими издержками, что, в свою очередь, ведет к росту стоимости этих товаров.

Из-за того, что цены на продукцию, которая не имеет разрешения на продажу в стране, могут оказаться даже выше, чем на официально импортируемые, конечный потребитель не всегда получает выгоду.

Во-вторых, правообладатели, устанавливая стоимость на свои товары, рискуют потерять значительную часть своей прибыли. Например, третьи лица могут приобретать товары напрямую у производителей и перепродавать их на российском рынке

по значительно завышенным ценам. Это создает не только экономические потери для производителей, но и подрывает их бизнес-модель, поскольку отсутствует гарантия возврата средств, вложенных в производство и маркетинг.

В рамках защиты интересов потребителей также не все гладко. Ввоз продукции без согласия правообладателя может привести к снижению качества, поскольку не всегда возможно обеспечить надлежащий контроль над происхождением и условиями хранения. Также отсутствие официальной гарантии на продукцию может вызвать недовольство покупателей, которые не смогут рассчитывать на поддержку со стороны производителя в случае возникновения проблем с реализуемым товаром.

В среднесрочной перспективе (3–5 лет) импорт продукции без разрешения правообладателя имеет потенциал стать ключевым методом для сдерживания темпов увеличения стоимости на определённые группы товаров, а также для ограничения чрезмерного укрепления национальной валюты. Данное явление позволяет наладить и развить международные экономические отношения с различными государствами, через которые осуществляется ввоз продукции без разрешения владельца авторских прав. В результате рынок будет продолжать пополняться необходимыми товарами, включая высокотехнологичную продукцию, конкурентное производство которой может оказаться невозможным на территории Российской Федерации.

В настоящее время геополитической ситуации, которая характеризуется введением множества запретов и выходом зарубежных фирм из РФ, параллельный импорт становится ключевым механизмом для стабилизации экономики [6, с. 418]. Он помогает минимизировать негативные последствия, такие как дефицит определённых товаров, что важно для потребителей. Например, при ограниченном доступе к зарубежным брендам, такой импорт может обеспечить наличие аналогичных продуктов, что способствует поддержанию конкурентоспособности на отечественном рынке.

Помимо этого, параллельный импорт может стимулировать развитие местного производства, так как предприниматели могут адаптировать свои бизнес-модели и предлагать товары, которые ранее были недоступны. Введение новых вакансий и увеличение налоговых отчислений в бюджет. Также важно отметить, что импорт продукции без разрешения правообладателя может способствовать улучшению качества продукции, которая будет ввозиться в РФ. В результате покупатели получают больший выбор и лучшее качество, что положительно скажется на благосостоянии населения.

Однако импорт продукции без согласия правообладателя не лишен рисков. Например, существует вероятность появления на прилавках контрафактной продукции, что может снизить доверие покупателей и негативно сказаться на репутации компаний. Необходимо создать результативные методы контроля и сертификации продукции, чтобы обеспечить их соответствие стандартам.

Некоторые экономические аналитики рассматривают легализацию параллельного импорта как драйвер к развитию конкурентной среды [7, с. 138], что позволит усилить национальную экономику и, как следствие, оказать благоприятное влияние на поддержание экономической стабильности в государстве.

Однако длительное применение параллельного импорта таит в себе угрозу для реализации важной политики в области импортозамещения, поскольку каналы параллельного импорта снизят экономическую мотивацию российских производителей к созданию собственной конкурентной продукции [2 с. 55].

Вопросы ответственности в сфере параллельного импорта становятся все более актуальными, особенно в нынешней экономической ситуации. Бизнесмены, решившие заняться параллельным импортом, должны осознанно подходить к вопросу транспортировки и документального сопровождения. Необходимо не только наладить цепочку поставок, но и обеспечить полную прозрачность всех этапов процесса. Это подразумевает детальное описание пути товара от производителя до конечного потребителя, а также наличие всех необходимых бумаг, подтверждающих происхождение и соответствие стандартам.

Ключевым моментом является необходимость подготовки наглядной логистической цепочки. Это означает, что предприниматель должен четко представить, как именно будет происходить процесс закупки, транспортировки и реализации товаров. Например, следует указать, какие именно компании участвуют в цепочке, где осуществляется складирование, а также каким образом будут оформляться таможенные документы.

Все эти детали помогут избежать недоразумений и минимизировать риски, которые могут возникнуть при взаимодействии с государственными органами.

Если же в процессе параллельного импорта возникнет ситуация, когда контрафактный товар будет пытаться ввести под видом легально приобретенного, это может повлечь за собой неприятные последствия. В такой ситуации таможенные органы имеют право привлечь предпринимателя к ответственности согласно законодательству РФ. В результате таких действий могут наступить серьезные последствия, и речь не только о штрафах, но и об изъятии товара.

Помимо этого, стоит помнить, что ответственность за контрафактные изделия может распространяться не только на тех, кто их ввозит, но и на тех, кто их реализует. Поэтому предпринимателям стоит внимательно проверять своих поставщиков и удостоверяться, что они работают с легальными и сертифицированными продуктами. Это не только защитит их от возможных штрафов, но и поможет создать доверительные отношения с клиентами, что в итоге положительно скажется на имидже фирмы.

Количество подобных инцидентов значительно возросло после снятия запрета на ввоз продукции без разрешения правообладателя. Чтобы бороться

с ввозом контрафактной продукции, в России создали Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности – ТРОИС. В реестр попадают данные о знаке и его регистрации, классах товаров по МКТУ и наименовании самих товаров

Механизм проверки ввозимых изделий функционирует по определённой схеме, которая обеспечивает соблюдение законодательства и интересов владельцев авторских прав. Если изделие включено в список, утверждённый Минпромторгом, у таможенников нет возможности приостановить его ввоз.

Продукция, которая не числится в перечне Минпромторга, может беспрепятственно ввозиться на территорию страны без необходимости получения предварительного согласия от правообладателя, что упрощает процесс легальных импортеров и способствует развитию торговли.

Ситуация меняется, если товарный знак отсутствует в перечне Минпромторга. В этом случае, если товарный знак присутствует в ТРОИС, ФТС уведомляет правообладателя о том, что происходит импорт продукции, которая может нарушать его права. Уведомление осуществляется в тех случаях, когда импортер, осуществляющий импорт, не зарегистрирован в качестве уполномоченного лица, что может указывать на возможные нарушения интеллектуальной собственности.

Если сотрудники таможни видят, что продукция может нарушать права правообладателя, они имеют право изъять продукцию и поместить ее на временное хранение на складе. В течение 30 календарных дней (товары, подвергающиеся быстрой порче – в течение 24 часов) правообладатель должен предпринять необходимые действия для защиты своих прав. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. N 8-П не предполагается применение при ввозе без согласия правообладателя товарного знака на территорию Российской Федерации товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или по его прямому разрешению, аналогичных по строгости мер гражданско-правовой ответственности, как и при ввозе контрафактного товара, если по фактическим обстоятельствам, имеющим место в конкретной ситуации, это не причинит правообладателю убытков, сопоставимых с убытками, которые бы он понес при параллельном введении в оборот контрафактного товара.

Товары, введенные в оборот самим правообладателем или с его согласия за рубежом, но ввезенные на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак только в том случае, когда они являются товаром ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, признав конституционность положений ст. 1487 ГК РФ, отметил необходимость оценки каждого конкретного случая "параллельного" импорта на предмет

соразмерности применения той или иной меры ответственности, исходя в первую очередь из оценки факта наличия или отсутствия ущерба от "параллельного" ввоза общественным интересам.

В рассмотрении вопросов также можно выделить постановление Арбитражного суда Курской области от 18.01.2023 по делу No А35-7358/2022, в котором суд указал, что параллельный импорт подразумевает ввоз только оригинальной и качественной продукции. Если импортер выберет неверного поставщика, то может получить контрафактный товар, что в случае его последующей реализации будет являться причиной наложения штрафа. При этом неважно, находится ли товар в перечне Минпромторга. Арбитражные суды неоднократно отмечали, что акты этих госорганов никак не могут ограничивать охрану исключительных прав иностранных правообладателей.

В 2022 объем параллельного импорта составил 20 млрд долларов, что составило более 7% от общего объема импорта. К 2023 году объем ввоза товаров, не имеющих разрешения на продажу на территории РФ, вырос на 150% относительно 2022 года и достиг 50 млрд долларов, что составило уже 17,5% от общего объема ввоза, соответственно ввоз товаров, не имеющих разрешения на продажу, благоприятно влияет на совокупный объем импорта в Российскую Федерацию.

Несмотря на это, в 2022 г. объем поддельной продукции на российском рынке, обнаруженный ФТС, как было ранее замечено, значительно увеличился с момента легализации ввоза товаров, не имеющих разрешения на продажу. Это обусловлено тем, что до легализации параллельного импорта в РФ ключевым механизмом пресечения контрафактной продукции выступал реестр зарегистрированных правообладателей товарных знаков (ТРОИС), который ведет ФТС.

Темп прироста контрафактных товаров после отмены запрета на параллельный импорт составил более 13% относительно 2021 - начала 2022 г. Подобная ситуация вынудила таможенные органы быстро реагировать на случаи провоза поддельной продукции, в связи с чем начали уделять значительное внимание тем категориям товаров, которые вошли в перечень разрешенных к ввозу. Уже к 2023 году количество поддельных товаров сократилось более чем в 1,5 раза.

Важное значение в вопросе регулирования параллельного импорта приобретает характер межгосударственных отношений.

Сегодня наибольшее количество контрафактной продукции ввозится из Китая, что является внушительной проблемой для РФ, но в то же время снизить объемы поступающей контрафактной продукции просто ограничив ввоз товаров через российско-китайскую границу не получится, поскольку Китай, совместно с этим, является одним из международных торговых партнеров, с которым осуществляется тесное взаимодействие. Отмечаются недостатки международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак [18, с. 17]:

- снижение инвестиционной привлекательности Российской Федерации;
- падение отечественного производства;
- значительный экономический ущерб государствам от серой продукции, включая непосредственно параллельный импорт.

При этом, как отмечает Р.З. Сайдашев, параллельный импорт сам по себе не влечет каких-либо существенных последствий, но его легализация создает предпосылки для того, чтобы у правообладателя появлялась возможность ограничивать или запрещать параллельный импорт его товаров, ранее самостоятельно им введенных на территории иного государства. В частности, повлечет искусственный дефицит необходимого товара, а также предоставляет владельцу исключительных прав искусственную рыночную власть относительно обращения товара на рынке либо возможность навязывать невыгодные условия контрагентам. Учитывая непростое международное положение, параллельный импорт становится выгодным для потребителей. Для покупателей цены на товары известных марок снижаются из-за возникающей ценовой конкуренции между дистрибьюторами и независимыми импортерами, завозящими продукцию без согласия правообладателя и, соответственно, не уплачивающими платежи за использование товарного знака.

Параллельный импорт решает проблему обеспечения потребителей жизненно необходимыми товарами в условиях ограничений поступления продукции на рынок. Государству поставки запчастей и комплектующих по процедуре параллельного импорта способствуют организации бесперебойного производства отечественной продукции.

В приказе Министерства промышленности и торговли РФ от 21.07.2023 об утверждении перечня товаров для параллельного импорта список товаров, поставляемых по программе параллельного импорта в разы, увеличился по сравнению с прошлым годом, а значит государство предпринимает быстрые меры по стабилизации внутреннего рынка.

В скором времени Минпромторг выбрал стратегию расширения списка импортируемых продуктов. Приказ Минпромторга России от 05.07.2024 N 3028, вступающий в силу в январе 2025 г., в очередной раз расширяет список продуктов, которые можно импортировать по схеме параллельного импорта.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что параллельный импорт, являясь относительно новым правовым явлением для России, требует более глубокого анализа. В современных условиях легализация параллельного импорта представляется не только необходимой, но и вынужденной мерой, обусловленной рядом экономических факторов.

Параллельный импорт, по сути, представляет собой ввоз продуктов в государство без участия официальных дистрибьюторов или производителей. Это помогает избежать нехватки зарубежной продукции, которая может возникнуть вследствие санкций или ограничений на поставки. В ситуации, когда доступ к оригинальным товарам ограничен, парал-

лельный импорт становится необходимым средством для обеспечения потребительского спроса. Он обеспечивает разнообразие ассортимента на рынке, что помогает удовлетворить нужды населения в продукции, от электроники до одежды.

Также параллельный импорт может сдерживать рост цен, так как конкуренция между официальными и неофициальными поставщиками может способствовать снижению стоимости определённых продуктов. Внедрение параллельного импорта, безусловно, имеет положительное воздействие в краткосрочной перспективе, т.к. увеличивается доступность широкого круга потребителей, что может стимулировать потребление и, как следствие, экономический рост.

Однако, несмотря на эти преимущества, следует помнить о потенциальных долгосрочных рисках легализации параллельного импорта. Во-первых, это может сказаться на репутации брендов, не всегда можно гарантировать качество и подлинность импортируемых товаров. Во-вторых, это может привести к снижению интереса крупных игроков к российскому рынку, что в конечном итоге ухудшит ситуацию с поставками оригинальных товаров.

Разрешение параллельного импорта в России является сложным и многогранным вопросом. С одной стороны, она предоставляет краткосрочные выгоды, например доступность продукции, с другой стороны, может вызвать определённые риски для долгосрочного прогресса рынка и экономики в целом. Поэтому нужно продолжать мониторинг параллельного импорта и разрабатывать стратегии, которые помогут минимизировать возможные негативные последствия, сохраняя при этом преимущества, которые предоставляет параллельный импорт.

Литература

1. Аксенов, И. А. Принципы исчерпания интеллектуального права в параллельном импорте / И. А. Аксенов // *Russian Studies in Law and Politics*. – 2023. – Т. 7, № 4–2. – С. 17–21 (дата обращения: 05.01.2025).
2. Бабанов А. Б., Бохан П. А., Шетов А. А. Перспективы использования параллельного импорта в Российской Федерации // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. № 1. 2023. С. 54–60. (дата обращения: 06.01.2025).
3. Власова, О. В. Особенности регулирования импорта России в условиях санкций: основные тенденции и правовая основа / О. В. Власова, Н. Л. Шкилева // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2023. – Т. 12, № 2(43). – С. 15–19. (дата обращения: 05.01.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 4 от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // *Доступ из СПС «КонсультантПлюс»*. (дата обращения: 02.01.2025).
5. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. От 09.12.2022). // *Доступ из СПС «КонсультантПлюс»*. (дата обращения: 05.01.2024).

6. Кочерыгин, В. А. Проблемы правового регулирования параллельного импорта в Российской Федерации / В. А. Кочерыгин // Бюджетная система государства в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 29–30 ноября 2019 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2020. – С. 416–419. – EDN ELJJFO.
7. Михайлов С. В., Шпак А. В. Параллельный импорт во внешнеэкономической деятельности // Юрист – Правоведъ. № 4 (103). 2022. С. 136–140.
8. Определение ВС от 27.09.2022 № 307-ЭС22-18224 по делу № А52-5048/2021
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 N 8-П // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
10. Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 N 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы».
11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2022 № 07АП-6704/22 по делу № А27-7053/2022
12. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2022 № 05АП-4634/22 по делу № А51-4027/2022
13. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2022 № 05АП-4880/22 по делу № А51-4937/2022
14. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26.07.2022 № 02АП-5391/22 по делу № А17-8645/2021.
15. Постановление СИП от 19.10.2022 № С01-1299/2022 по делу № А40-222245/2021
16. Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 N 2701 "Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия"
17. Романова А.А. О параллельном импорте японских товаров в условиях антироссийских санкций // DOI:10.48647/ИССА.2022.89.68.004
18. Склярова Я. Перспективы легализации параллельного импорта в России // Закон. 2014. N 7. С. 17.
19. Сайдашев Р.З. Влияние принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на состояние конкуренции на товарных рынках // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2 (26). С. 36–41, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-36-41>
20. Тюнин М.В., Набиев С.Р., Еремеева Н.В. Параллельный импорт как инструмент управления международными санкциями // ИС. Промышленная собственность. 2023. № 3. С 58–65.
21. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.06.2022 № 213-ФЗ.
22. Цемержинская А. В., Свистунова М. А., Вишняков И. А. Параллельный импорт в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12-2. С. 236–238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parallelnyy-import-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения 10.01.2024)
23. Parallel Imports / Gray Market // International Trademark Association. URL: <https://www.inta.org/topics/parallel-imports/> (дата обращения 10.01.2024)

Parallel imports in the Russian Federation
Goloviznin O.S., Moskalev Ya.E., Kudelya N.Yu.

Far Eastern Federal University

In the article the authors consider the concept of parallel imports, its differentiation from other economic terms and legal regulation of parallel imports in the Russian Federation, the effect of the international principle of exhaustion of intellectual rights. The second part of the article presents statistics, using which the authors draw a conclusion regarding the effectiveness of parallel imports in the short term under geopolitical conditions.

Keywords: parallel imports, principle of exhaustion of intellectual rights, shady importation of goods, legal regulation of parallel imports.

References

1. Aksyonov, I. A. Principles of Exhaustion of Intellectual Property Rights in Parallel Imports / I. A. Aksyonov // Russian Studies in Law and Politics. - 2023. - Vol. 7, No. 4-2. - P. 17-21 (date of access: 05.01.2025).
2. Babanov, A. B., Bokhan, P. A., Shetov, A. A. Prospects for Using Parallel Imports in the Russian Federation // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. No. 1. 2023. P. 54-60. (date of access: 06.01.2025).
3. Vlasova, O. V. Features of Regulation of Russia's Imports under Sanctions: Main Trends and Legal Basis / O. V. Vlasova, N. L. Shkileva // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. – 2023. – V. 12, No. 2(43). – P. 15–19. (date of access: 01/05/2025).
4. Civil Code of the Russian Federation: Part 4 of December 18, 2006 No. 230-FZ // Access from the ConsultantPlus SPS. (date of access: 01/02/2025).
5. Treaty on the Eurasian Economic Union. Signed in Astana on 05/29/2014 (as amended on 12/09/2022). // Access from the ConsultantPlus SPS. (date of access: 01/05/2024).
6. Kocherygin, V. A. Problems of legal regulation of parallel imports in the Russian Federation / V. A. Kocherygin // Budgetary system of the state in the context of the development of the digital economy: legal and economic aspects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 29-30, 2019. - Moscow: Russian State University of Justice, 2020. - Pp. 416-419. - EDN ELJJFO.
7. Mikhailov S. V., Shpak A. V. Parallel imports in foreign trade activities // Jurist - Pravoved. No. 4 (103). 2022. Pp. 136-140.
8. Definition of the Supreme Court of September 27, 2022 No. 307-ES22-18224 in case No. A52-5048/2021
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 13, 2018 No. 8-P // Access from the ConsultantPlus SPS.

10. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 29, 2022 No. 506 (as amended on June 28, 2023) "On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods, and means of individualization with which such goods are marked, may not be applied." 11. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated 25.08.2022 No. 07AP-6704/22 in case No. A27-7053/2022
11. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated 22.09.2022 No. 05AP-4634/22 in case No. A51-4027/2022
12. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated 22.09.2022 No. 05AP-4880/22 in case No. A51-4937/2022
13. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated 26.07.2022 No. 02AP-5391/22 in case No. A17-8645/2021. 15. Resolution of the IP Court dated 19.10.2022 No. C01-1299/2022 in case No. A40-222245/2021
14. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated 21.07.2023 No. 2701 "On approval of the list of goods (groups of goods) to which the provisions of Articles 1252, 1254, paragraph 5 of Article 1286.1, Articles 1301, 1311, 1406.1, subparagraph 1 of Article 1446, Articles 1472, 1515 and 1537 of the Civil Code of the Russian Federation do not apply, subject to the introduction of the specified goods (groups of goods) into circulation outside the territory of the Russian Federation by copyright holders (patent holders), as well as with their consent"
15. Romanova A.A. On parallel import of Japanese goods in the context of anti-Russian sanctions // DOI: 10.48647/ICCA.2022.89.68.004
16. Sklyarova Ya. Prospects for legalizing parallel import in Russia // Law. 2014. N 7. P. 17.
17. Saidashev R.Z. The influence of the principle of exhaustion of the exclusive right to a trademark on the state of competition in commodity markets // Russian Competition Law and Economics. 2021. No. 2 (26). P. 36-41, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-36-41>
18. Tyunin M.V., Nabiev S.R., Ereemeeva N.V. Parallel import as a tool for managing international sanctions // IS. Industrial property. 2023. No. 3. P. 58-65.
19. Federal Law "On Amendments to Article 18 of the Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated June 28, 2022 No. 213-FZ.
20. Tsemmerzinskaya A. V., Svistunova M. A., Vishnyakov I. A. Parallel imports in modern conditions // Economy and business: theory and practice. 2022. No. 12-2. P. 236-238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parallelnyy-import-v-sovremennyh-usloviyah> (date of access 01/10/2024)
23. Parallel Imports / Gray Market // International Trademark Association. URL: <https://www.inta.org/topics/parallel-imports/> (accessed 10.01.2024)

Использование блокчейн технологий в российском правовом поле

Джапаридзе Виталий Георгиевич

аспирант, кафедра гражданского права и процесса, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
vd@apis.legal

В статье рассматривается использование блокчейн технологий в российском правовом поле. Целью исследования является анализ правовых аспектов внедрения блокчейн технологий в различные сферы экономики и управления, а также о его влиянии на существующие юридические нормы. Методология включает в себя сравнительный анализ существующего законодательства, а также исследование практических примеров применения блокчейн решений в России. Результаты показывают, что блокчейн технологии могут значительно повысить уровень прозрачности и безопасности в правовых отношениях, однако их внедрение требует адаптации действующей правовой базы. В заключении предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в данной области.

Ключевые слова: Блокчейн, право, цифровые технологии, правовое регулирование, Россия, безопасность, прозрачность.

Введение

В последние годы технологии блокчейн приобрели значительную популярность и начали активно внедряться в различные сферы жизни общества. В частности, они вызывают интерес у юристов и законодателей благодаря своей способности обеспечивать прозрачность и безопасность транзакций. Однако использование блокчейн технологий в российском правовом поле сталкивается с рядом вызовов и вопросов, требующих внимательного анализа.

С развитием цифровых технологий и их внедрением в различные сферы жизни общества, блокчейн технологии становятся все более актуальными для правового регулирования. Блокчейн представляет собой распределенный реестр, который обеспечивает защиту данных и прозрачность транзакций. В условиях стремительного роста цифровой экономики в России возникает необходимость в исследовании правовых аспектов применения блокчейн технологий.

Литературный обзор

В последние годы блокчейн технологии привлекают внимание ученых и практиков. В работах [1] и [2] рассматриваются основные принципы работы блокчейна и его потенциал для улучшения правовых процессов. Исследования [3] и [4] акцентируют внимание на проблемах правового регулирования блокчейн технологий в России, подчеркивая необходимость адаптации законодательства к новым реалиям. Однако, несмотря на растущий интерес, до сих пор отсутствует комплексный анализ правовых последствий внедрения блокчейн технологий в российское правовое поле.

Также анализ существующей литературы показывает, что блокчейн рассматривается как инструмент для повышения эффективности правоприменения и защиты прав граждан. В работах [5] и [6] отмечается, что блокчейн может стать основой для создания новых форм контрактов и улучшения системы регистрации прав на недвижимость. Однако другие авторы [7] подчеркивают необходимость разработки специального законодательства для регулирования новых технологий.

Материалы и методы

Для достижения поставленных целей в исследовании были использованы методы сравнительного анализа, системного подхода и контент-анализа. Исследование охватывает как теоретические аспекты, так и практические примеры внедрения блокчейн технологий в России и за рубежом.

Результаты

Анализ применения блокчейн технологий в России показал, что они могут быть эффективно ис-

пользованы в различных сферах, включая финансовый сектор, управление недвижимостью, а также в сфере государственного управления. Примеры успешного внедрения блокчейн решений в России, такие как проекты по цифровизации земельного кадастра и электронных голосований, подтверждают их потенциал.

1. Правовые аспекты использования блокчейна: Блокчейн может быть использован для создания смарт-контрактов, которые позволяют автоматизировать выполнение обязательств сторон. Однако в настоящее время в российском законодательстве отсутствуют четкие нормы, регулирующие такие контракты.

2. Регистрация прав на недвижимость: Внедрение блокчейн технологий в систему регистрации прав на недвижимость может повысить уровень защиты прав собственности и сократить время на оформление сделок.

3. Проблемы и барьеры: Основными препятствиями для внедрения блокчейна являются отсутствие четкого регулирования со стороны государства и недостаточная осведомленность участников рынка о возможностях технологии.

Обсуждение

Несмотря на положительные результаты применения блокчейн технологий, существует ряд правовых и технических проблем, которые необходимо решить. К ним относятся вопросы защиты персональных данных, правового статуса смарт-контрактов и необходимость создания специального регулирования для блокчейн платформ. Важно также учитывать международный опыт и адаптировать его к российским реалиям.

Необходимость адаптации российского законодательства к новым технологиям является ключевым вопросом для успешного применения блокчейна в правовой сфере. Законодатели должны учитывать международный опыт и разрабатывать новые нормы, которые будут способствовать интеграции блокчейн технологий в юридическую практику.

Влияние блокчейн технологий и криптовалют на правовое регулирование и юридические услуги

В ноябре 2017 года Международная ассоциация юристов (International Bar Association) представила отчет, исследующий правовые аспекты блокчейна и криптовалют, а также их воздействие на юридическую практику и услуги. Основные выводы отчета можно резюмировать следующим образом.

Определения и правовое регулирование блокчейна

Ключевые термины:

- **Биткоин (Bitcoin)** – это цифровая валюта, аналогичная золоту или традиционным валютам, таким как доллар США или фунт стерлингов.
- **Блокчейн (Blockchain)** – это технология, на которой основан биткоин. Она представляет собой защищенную от изменений последовательность записей, доступную для участников сети.

- **Криптовалюта (Cryptocurrency)** – это форма обмена, защищенная криптографически, не имеющая эмитента и основанная на децентрализованных принципах.

- **Децентрализованная автономная организация (Decentralized Autonomous Organization, DAO)** – это система, в которой участники взаимодействуют на основе заранее заданных правил, установленных протоколом.

- **Распределенный реестр (Distributed Ledger, DL)** – это база данных, доступная всем пользователям, синхронизирующаяся в сети и хранящая записи обо всех транзакциях.

- **Финансовые технологии (Fintech)** – это новые технологии, которые призваны заменить традиционные финансовые услуги.

- **Мульти-подпись (Multi-signature)** – это метод, при котором для подтверждения транзакции требуется несколько цифровых подписей.

- **Пиринговая сеть (Peer-to-peer, P2P)** – это способ передачи данных напрямую между участниками без посредников.

- **Смарт-контракт (Smart Contract)** – это протокол, который автоматически выполняет условия соглашения, не требуя участия третьих лиц.

Понимание этих терминов важно, так как в практике наблюдаются случаи их неправильного толкования, что может привести к усложнению правового регулирования. Например, важно различать «цифровую валюту», «криптовалюту» и «виртуальную валюту». Виртуальная валюта, как деньги в онлайн-играх, не имеет реальной стоимости, в отличие от биткоина, который можно конвертировать в традиционные деньги.

Блокчейн и биткоин

Блокчейн представляет собой защищенный реестр, который хранит данные о транзакциях в хронологическом порядке, создавая неизменяемые записи. Каждая транзакция заверяется криптографическими подписями и добавляется в реестр как новый блок. Хотя транзакции не являются полностью анонимными, они обеспечивают прозрачность, сохраняя при этом конфиденциальность личных данных. Из-за децентрализованного характера блокчейна, контроль над реестром не может принадлежать одному участнику, что снижает риск мошенничества.

Биткоин, как форма цифровой валюты, передается через пиринговую сеть и хранится в биткоин-кошельках, содержащих приватные и публичные ключи. Приватный ключ позволяет владельцу управлять своими биткоинами, тогда как публичный ключ используется для получения средств. Потеря приватного ключа ведет к утрате доступа к кошельку.

Майнинг – это процесс создания блоков, осуществляемый майнерами, за который они получают вознаграждение в виде биткоинов. Общее количество биткоинов ограничено 21 миллионом, что способствует поддержанию их стоимости.

Правовое регулирование биткоина

На данный момент далеко не все государства признали биткоин законным платежным средством. Правовое регулирование варьируется от страны к стране. Некоторые государства подтвердили легальность использования биткоинов, в то время как другие выпустили предупреждения о рисках, связанных с их использованием.

На данный момент несколько стран признали биткойн и другие криптовалюты законным платежным средством или имеют определенные правовые рамки для их использования. Вот некоторые из них:

1. Сальвадор: В 2021 году Сальвадор стал первой страной в мире, которая приняла биткойн в качестве законного платежного средства. Закон позволяет использовать биткойн для оплаты товаров и услуг наряду с долларом США.

2. Центральноафриканская Республика: В 2022 году Центральноафриканская Республика также признала биткойн законным платежным средством, что сделало её одной из немногих стран, сделавших этот шаг.

3. Мальта: Хотя Мальта не признает биткойн как законное средство платежа в традиционном смысле, она создала благоприятную правовую среду для криптовалют и блокчейн-технологий.

4. Таджикистан и Киргизия: Эти страны также начали разрабатывать законодательство, касающееся криптовалют, хотя не все аспекты использования биткойна четко регламентированы.

5. Япония: Япония признала биткойн и другие криптовалюты как законные средства платежа, однако они регулируются как финансовые инструменты.

Важно отметить, что в большинстве стран биткойн не является законным платежным средством в том же смысле, что и фиатные валюты, но может использоваться для транзакций и инвестиций. Правовой статус криптовалюты продолжает развиваться, и многие страны изучают возможность ее регулирования.

Государства применяют различные подходы к регулированию биткоина, включая:

- Изменение существующих норм для учета криптовалют.
- Принятие новых законов, специфичных для криптовалют.
- Рассмотрение биткоина как единицы стоимости, игнорируя технологические аспекты.
- Отсутствие официальных позиций по регулированию.

В Европе также наблюдаются разные подходы. Европейский Центральный Банк и другие финансовые учреждения подчеркивают необходимость осторожного подхода к регулированию криптовалют, с акцентом на защиту прав потребителей и предотвращение отмывания денег.

Правовой статус биткойна и других криптовалют в России на данный момент остается неоднозначным и постоянно меняется. Вот основные моменты, касающиеся правового статуса криптовалют в России:

1. Законодательство: В 2020 году в России был принят закон "О цифровых финансовых активах", который определяет правовой статус цифровых валют. Согласно этому закону, криптовалюты не признаются законным платежным средством, но их использование в качестве инвестиционных инструментов и для других целей допускается.

2. Запрет на использование: Несмотря на то, что криптовалюты могут использоваться для некоторых операций, закон запрещает их использование в качестве средства платежа за товары и услуги. Это означает, что расплачиваться биткойном или другой криптовалютой в магазинах или за услуги нельзя.

3. Регулирование: Центральный банк России и другие регулирующие органы продолжают разрабатывать правила и рекомендации по обращению с криптовалютами. В частности, Центральный банк высказывал опасения по поводу рисков, связанных с использованием криптовалют, таких как отмывание денег и финансирование терроризма.

4. Налогообложение: Криптовалюты подлежат налогообложению. Граждане обязаны декларировать доходы от операций с криптовалютами, и на них может налагаться налог на прибыль.

5. Проекты по цифровому рублю: Центральный банк России также работает над проектом цифрового рубля, который будет являться официальной цифровой валютой страны. Это может повлиять на дальнейшее развитие правового статуса криптовалют в России.

Влияние блокчейна на различные сектора

Финансовый сектор: Блокчейн может служить основой для расчетов и упрощения финансовых операций, устраняя необходимость в посредниках.

Криптовалюты: Если центральные банки начнут выпускать свои криптовалюты, это изменит финансовую систему и контроль над транзакциями.

Ценные бумаги: Блокчейн может упростить процесс торговли ценными бумагами, позволяя автоматизировать многие аспекты, включая выплаты дивидендов и регистрацию акций.

Страхование: Блокчейн может изменить формат страховых услуг, автоматизируя процессы и улучшая идентификацию клиентов.

Торговое финансирование: Блокчейн может упростить финансирование торговых сделок, снижая риски мошенничества.

Юридические услуги: Блокчейн и смарт-контракты могут изменить юридическую практику, требуя от юристов новых навыков и адаптации к новым технологиям. Это может привести к уменьшению необходимости в юридическом сопровождении сделок, но также создаст спрос на специалистов, способных разъяснить правовые аспекты новых технологий.

Заключение

Внедрение блокчейн технологий в российское правовое поле представляет собой значительный шаг к повышению прозрачности и безопасности правовых отношений. Для успешной интеграции данных технологий необходимо провести комплексное

исследование и адаптацию действующего законодательства.

Блокчейн и криптовалюты имеют потенциал для значительных изменений в правовом регулировании и юридических услугах. Необходимость адаптации законодательства к новым технологиям и защиты прав потребителей станет важной задачей для государств и юридических сообществ. В будущем можно ожидать, что блокчейн будет оказывать влияние на все сферы экономики, требуя от юридических специалистов новых знаний и навыков

Рекомендуется разработать специальные правовые нормы, регулирующие использование блокчейн технологий, что позволит создать более устойчивую правовую среду для их применения и повысить уровень осведомленности о преимуществах блокчейна среди юристов и предпринимателей.

Литература

1. Алексеев, С. С. Право в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы. — М.: Юрайт, 2020.
2. Баранов, И. В. Защита прав пользователей в цифровой среде: международный опыт и российская практика. — СПб.: Питер, 2021.
3. Громова, Н. А. Авторское право в цифровую эпоху: вызовы и решения. — Казань: Казанский университет, 2019.
4. Захарова, Е. И. Правовые аспекты защиты персональных данных в интернете. — Екатеринбург: УрФУ, 2022.
5. Петров П.П. Блокчейн и его применение в праве // Журнал права. 2020. № 5. С. 45-60.
6. Сидорова А.А. Смарт-контракты: новые горизонты // Право и технологии. 2021. № 3. С. 15-25.
7. Иванова Е.В. Правовые проблемы блокчейна // Российский юридический журнал. 2022. № 8. С. 10-20.

The use of blockchain technologies in the Russian legal field

Japaridze V.G.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article discusses the use of blockchain technologies in the Russian legal field. The purpose of the study is to analyze the legal aspects of the introduction of blockchain technologies in various fields of economics and management, as well as its impact on existing legal norms. The methodology includes a comparative analysis of existing legislation, as well as a study of practical examples of the use of blockchain solutions in Russia. The results show that blockchain technologies can significantly increase the level of transparency and security in legal relations, but their implementation requires adaptation of the current legal framework. In conclusion, recommendations are made to improve legislation in this area.

Keywords: Blockchain, law, digital technologies, legal regulation, Russia, security, transparency.

References

1. Alekseev, S. S. Law in the Digital Economy: Problems and Prospects. - M.: Yurait, 2020.
2. Baranov, I. V. Protecting Users' Rights in the Digital Environment: International Experience and Russian Practice. - St. Petersburg: Piter, 2021.
3. Gromova, N. A. Copyright in the Digital Age: Challenges and Solutions. - Kazan: Kazan University, 2019.
4. Zakharova, E. I. Legal Aspects of Personal Data Protection on the Internet. - Yekaterinburg: UrFU, 2022.
5. Petrov P. P. Blockchain and its Application in Law // Law Journal. 2020. No. 5. P. 45-60.
6. Sidorova A. A. Smart Contracts: New Horizons // Law and Technology. 2021. No. 3. P. 15-25.
7. Ivanova E.V. Legal issues of blockchain // Russian Law Journal. 2022. No. 8. P. 10-20.

Защита авторских прав в видеоиграх

Донских Андрей Александрович

аспирант Высшей школы права Балтийского федерального университета им. И. Канта, donskih.1999@bk.ru

Статья посвящена правовому регулированию видеоигр как важной части современной культуры и индустрии развлечений. Особое внимание уделяется проблемам российской правовой системы, где видеоигры не имеют четкого правового статуса, что затрудняет защиту прав разработчиков и пользователей. Проанализированы ключевые судебные прецеденты в игровой индустрии, связанные с нарушением авторских прав, пиратством, созданием нелегальных серверов и модов. Подчеркивается необходимость совершенствования законодательства, включая определение правового положения видеоигр и круга авторов.

Ключевые слова: видеоигры, авторское право, интеллектуальная собственность, правовое регулирование, игровая индустрия

На сегодняшний день видеоигры стали неотъемлемой частью современной культуры и индустрии развлечений, привлекая миллионы игроков по всему миру. Однако с ростом их популярности и влияния на общество возникает необходимость в правовом регулировании этой области. Вопросы авторских прав, возрастных ограничений, защиты потребителей и регулирования контента становятся ключевыми в разработке законодательных норм.

Одним из главных аспектов правового регулирования видеоигр является защита интеллектуальной собственности. Разработчики игр защищают свои произведения с помощью авторского права, патентов и товарных знаков. Это позволяет предотвратить незаконное копирование, пиратство и использование их продукции без разрешения. Однако в данной области возникают вопросы, связанные с модификациями (модами) игр, стримингом и созданием фанатского контента, что требует дополнительной проработки законодательства.

Следует отметить, что в разных странах существуют различия в правовом подходе к видеоиграм. Например, в США видеоигры классифицируются как аудиовизуальные произведения, а в Европе — как программное обеспечение, что влияет на объем предоставляемой защиты.

В российском законодательстве правовой режим видеоигры как объекта гражданских прав не определен, что порождает сложности как в науке, так и на практике. Существует несколько подходов к определению правового режима видеоигр, а именно квалификация видеоигр как программы для ЭВМ или базы данных¹⁷.

При буквальном толковании ст. 1261 Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод о том, что видеоигра является программой для ЭВМ. ГК РФ содержит следующую дефиницию: программой для ЭВМ являются представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

В российской системе права понятие программы для ЭВМ появилось в Законе РФ от 23.09.1992 № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных». В соответствии со ст. 1 программа для ЭВМ — это «объективная форма представления совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования

¹⁷ Рощенко С.В. Видеоигра как объект авторских прав в эпоху развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №4 (92). С.8-12.

электронных вычислительных машин (ЭВМ) и других компьютерных устройств с целью получения определенного результата».

Для ее создания требуется выполнение целого комплекса творческих этапов, начиная от постановки задачи, разработки решения, кодирования программы, сначала на языке, понятном человеку, а затем переведенном в машинный код. На конечном этапе создается набор письменных инструкций и диаграмм, позволяющих пользователям программы применять ее в работе. В этом творческом процессе следует выделить два аспекта: разработчику программы принадлежат исключительные права на нее, которые подлежат охране, а часть программного обеспечения считается открытым и может использоваться третьими лицами. Программы для ЭВМ, независимо от их материального носителя, назначения и достоинства, подлежат правовой охране при условии их выполнения в объективной форме.

Из вышесказанного выделим:

1) программа для ЭВМ подлежит правовой охране только если представлена в объективной форме;

2) программа – совокупность данных и команд, но не разъяснено что конкретно под этим понимается.

Общаясь к анализу правовой доктрины, можно отметить наличие иной точки зрения. Так, ряд авторов¹⁸ отмечают комплексный характер видеоигр, что позволяет определить их как сложный объект авторского права, который объединяет:

- графику и дизайн — изображения, текстуры, анимации, созданные художниками и дизайнерами;
- сценарий и диалоги — текстовые элементы, включающие сюжет, диалоги персонажей и описания;

- музыкальное сопровождение — оригинальные музыкальные произведения и звуковые эффекты;

- программный код — алгоритмы и механики, управляющие игровым процессом;

- аудиовизуальные элементы — сцены и катсцены, схожие с фильмами.

Каждый из этих компонентов является самостоятельным объектом авторского права, что требует учета их взаимодействия при защите видеоигры в целом.

Отсутствие закрепленного правового режима видеоигры в Российской Федерации служит причиной возникновения различных проблем, в их числе неопределенность правового режима, отсутствие круга авторов, сложность в защите прав авторов и правообладателей видеоигр.

Судебные разбирательства в игровой индустрии играют важную роль в формировании правоприменительной практики. Рассмотрим ряд примеров из российской правоприменительной практики:

1. World of Tanks против создателей ботов (2016 год).

Компания Wargaming, разработчик игры World of Tanks, подала иск против создателей программ-ботов, которые автоматически выполняли игровые действия. Эти программы нарушали правила использования игры, так как предоставляли несправедливое преимущество пользователям, что наносило ущерб экосистеме игры и ее репутации. Суд признал действия создателей ботов нарушением авторских прав на программное обеспечение World of Tanks и обязал их прекратить распространение этих программ. Это дело стало важным примером защиты авторских прав на программный код и правил использования игр, продвигая борьбу с нечестной игрой и программами, нарушающими пользовательское соглашение.

2. Сталкер против создателей модов (2017 год).

Правообладатели серии S.T.A.L.K.E.R. подали иск против создателей нелегальных модификаций, которые использовали элементы оригинальных игр без разрешения. Некоторые моды встраивали оригинальные текстуры, музыку и сценарии без согласия правообладателей. В результате судебного разбирательства часть модификаций была запрещена, так как они нарушали авторские права. В то же время, правообладатели разрешили использование некоторых элементов игры, чтобы сохранить интерес сообщества к проекту. Это дело показало сложность взаимодействия между правообладателями и игровым сообществом, а также необходимость четкого определения, какие аспекты пользовательского контента нарушают права, а какие способствуют популяризации игры.

3. Игры «Танчики» и спор о правах на название (2019 год).

Две компании претендовали на использование названия «Танчики» в своих мобильных играх, каждая из которых напоминала классическую аркадную игру Battle City. Конфликт возник из-за схожести названий и дизайна, что, по мнению одной из сторон, вводило пользователей в заблуждение. Суд признал название «Танчики» общим термином, который не подлежит исключительному праву. Однако элементы дизайна игры (например, графика и уровни) были признаны объектами авторского права и защищены. Этот случай подчеркнул важность защиты уникальных элементов игры, таких как графика, механики и интерфейс, в отличие от названий, которые могут быть общими.

4. Mail.ru против сторонних серверов «Аллоды Онлайн» (2020 год).

Mail.ru Group, владелец прав на MMORPG Аллоды Онлайн, подала иск против владельцев нелегальных серверов, которые использовали исходный код и ресурсы игры для создания собственных версий. Суд признал действия владельцев серверов нарушением авторских прав и обязал их закрыть эти серверы. Кроме того, Mail.ru получила компенсацию за убытки. Дело стало знаковым для борьбы с пиратскими серверами и демонстра-

¹⁸ Гринь Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2020. – С.79.

цией того, что компании могут эффективно защищать свои права даже в сложных онлайн-сообществах.

5. Блицкриг против разработчиков модов (2015 год).

Компания Nival Interactive, разработчик стратегической игры Блицкриг, подала иск против команды разработчиков модов, которая использовала оригинальные модели техники и другие ресурсы игры для создания отдельного проекта. Суд признал использование оригинальных моделей и ресурсов нарушением авторских прав. При этом команда разработчиков модов была вынуждена либо удалить материалы, либо договориться с правообладателем о лицензионном соглашении. Этот прецедент подтвердил, что даже фанатский контент должен создаваться с соблюдением авторских прав, если он использует оригинальные материалы игры.

Таким образом, российская судебная практика в области защиты авторских прав в видеоиграх продолжает развиваться. Главные проблемы связаны с пиратством, несанкционированным использованием ресурсов игры, созданием нелегальных серверов и модов. Эти дела подчеркивают важность юридической грамотности как для правообладателей, так и для игроков, создающих пользовательский контент.

Судебные дела в сфере видеоигр демонстрируют, что защита авторских прав в этой области охватывает множество аспектов: от программного кода до художественного и маркетингового контента. Защита авторских прав в видеоиграх является одной из ключевых задач современной индустрии развлечений. Применение международных стандартов, эффективное использование технологий и развитие правоприменительной практики позволяют минимизировать риски для разработчиков и обеспечить справедливую компенсацию их труда. Однако с учетом динамики игровой индустрии и технологий, требуется постоянное совершенствование правового регулирования и методов защиты. По нашему мнению, на сегодняшний день основными направлениями совершенствования защиты автор-

ского права на видеоигры в российском законодательстве должно стать определение правового положения видеоигр в ГК РФ, а также круга лиц, обладающих авторским правом в отношении них. Это позволит осуществлять эффективную защиту авторских прав, что стимулирует инновации и развитие игровой индустрии. Создатели игр смогут быть уверены, что их труд будет вознагражден, а доходы от реализации продуктов направлены на разработку новых проектов.

Литература

1. Гринь Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2020. – С.79.
2. Рощенко С.В. Видеоигра как объект авторских прав в эпоху развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №4 (92). С.8-12.

Copyright protection in video games

Donskikh A.A.

Postgraduate student of the Higher School of Law of the Immanuel Kant Baltic Federal University

The article is devoted to the legal regulation of video games as an important part of modern culture and the entertainment industry. Particular attention is paid to the problems of the Russian legal system, where video games do not have a clear legal status, which makes it difficult to protect the rights of developers and users. The key judicial precedents in the gaming industry related to copyright infringement, piracy, creation of unlicensed servers and mods are analyzed. The need to improve legislation, including the definition of the legal status of video games and the circle of authors, is emphasized.

Keywords: video games, copyright, intellectual property, legal regulation, game industry

References

1. Grin E. S. Copyright for a multimedia product: monograph. Moscow: Prospect, 2020. – P.79.
2. Roshchenko S. V. Video game as an object of copyright in the era of digital technology development // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2022. No. 4 (92). P.8-12.

Проблемные аспекты защиты «слабой» стороны в соглашениях, заключаемых в цифровой среде, и пути их решения

Миленина Юлия Юрьевна

магистрант, Департамент правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, mileninaj@mail.ru

В публикации затронута проблематика заключения договоров в цифровой среде. Рассмотрены особенности и сложности заключения в ее рамках кредитных соглашений, смарт-контрактов, лицензионных соглашений.

Обращено внимание на отсутствие возможности у «слабой» стороны договора влиять на содержание условий соглашения, возможности взаимодействия с представителями его «сильной» стороны для обсуждения условий договора. Рассмотрена судебная практика по оспариванию содержания таких соглашений, в том числе содержащих «несправедливые» условия. В итоге сделан вывод о несовершенстве действующего законодательства, которое состоит в том, что оно не отвечает современным реалиям, когда значительная часть договоров заключается в цифровой среде, в том числе на онлайн-площадках, маркетплейсах, с применением цифровых платформ и прочего. В нем не предусмотрены особенности заключения контрактов в цифровой среде и гарантии защиты прав «слабой» стороны. Внесены предложения, направленные на устранение существующих проблем.

Ключевые слова: «слабая» сторона договора, «сильная» сторона договора, несправедливые условия, цифровая среда

Современные условия рынка связывают участников делового оборота необходимостью заключения различных договоров в рамках своей деятельности. Согласно действующему законодательству, признается равенство сторон договора. Оно предполагает наличие у них как равных преддоговорных возможностей, так и равенство, соразмерность прав и обязанностей.

Однако изучение правоприменительной практики позволяет отметить, что нередко возникают ситуации, когда в соглашение включаются условия, которые носят характер несправедливых. При этом они могут встречаться как в соглашениях поименованных, так и непоименованных ГК РФ.

Важно обратить внимание на то, что наиболее уязвимы в этом плане потребители. Однако в рисковую категорию могут входить и иные лица, не относящиеся к категории потребителей.

Особо следует отметить уязвимость «слабой» стороны договора (той стороны, которая не может влиять на содержание условий договора) при его заключении в цифровой среде. Ее наличие обусловлено не только тем, что договор заключается по стандартной форме, разработанной «сильной» стороной (той стороны, которая в одностороннем порядке устанавливает условия договора), но и тем, что фактически отсутствует контакт между ними для организации преддоговорной работы, что обусловлено самой средой, где заключается контракт.

Действующее законодательство предусматривает соответствующие нормы, направленные на защиту прав таких лиц. Однако данные нормы были приняты достаточно давно и ими не учитывается тот факт, что многие и договоров теперь заключаются в цифровой среде. Вместе с тем данный аспект имеет важное значение, поскольку отсутствие контакта между сторонами значительно повышает риски для «слабой» стороны договора.

Изучение научной литературы показало, что одним из таких договоров может быть лицензионное соглашение. А.Д. Корецким обращено внимание на наличие проблемы, связанной с включением в лицензионные соглашения несправедливых условий. Автор пишет, что в научной среде данному вопросу не уделяется значительного внимания. Тем не менее, проблема существует и, на наш взгляд, является актуальной, поскольку большинство лицензионных соглашений заключается при установке программного обеспечения на какое-либо устройство. Сам процесс принятия соглашения занимает совсем немного времени, поскольку требует лишь нажатия кнопки «принять». У пользователя в таком

случае есть только два варианта поведения – принять условия соглашения либо отказаться от использования программного обеспечения. В последнем случае у потребителя, как правило, отсутствует альтернативный вариант действий, который позволяет согласовать условия лицензионного соглашения с ним индивидуально. Отказ от его заключения влечет за собой невозможность использования программного обеспечения.

Очевидно, что в такой ситуации достаточно легко навязать пользователю несправедливые условия, поскольку если ему нужно данное программное обеспечение, то он вынужден принимать условия соглашения. Исследователь обоснованно обращает внимание на наличие проблемы, связанной с тем, что, во-первых, многие пользователи, стремясь быстрее воспользоваться программой, не читают условия лицензионных соглашений. Во-вторых, зачастую в таких соглашениях используются бланкетные нормы, отсылающие к актам компании-производителя, которые сложно найти в свободном доступе.

В итоге указанные факты приводят к тому, что пользователь принимает условия, содержание которых ему неизвестно. Как указывает А.Д. Корецкий, самым распространенным несправедливым условием выступает возможность правообладателя в одностороннем порядке без согласования, уведомлений изменить условия. Чаще всего это проявляется в обновлении программного обеспечения. Само данное действие не имеет негативной составляющей, однако отказ от обновлений приводит, в основном, к тому, что не обновлённая версия программного продукта будет работать непродолжительный срок или не будет работать совсем. В указанной части следует признать наличие нарушения в отношении пользователей.

Также автором отмечено, что нередко для таких соглашений характерным является установление условий, ограничивающих процессуальные права пользователя. Они состоят в том, что лицензионными соглашениями по умолчанию устанавливается подсудность, которая выбрана разработчиком.

Существует и еще один нюанс. В соглашении может использоваться оговорка «как есть». При ее наличии покупатель принимает товар, в текущем состоянии и «со всеми недостатками». В части ее возможного применения, традиционно считается, что применение такой оговорки позволяет значительно снизить стоимость программных продуктов за счет экономии на его тестировании. С другой стороны, у пользователей возникают риски того, что такая продукция не будет функционировать полноценно, что может привести к негативным последствиям. А.Д. Корецкий, оценивая приведенные позиции, отмечает, что в данном случае следует учитывать специфику программного обеспечения [8, с. 142-148].

Анализируя мнение, высказанное А.Д. Корецким, следует согласиться с ним. Действительно, в настоящее время лицензионные соглашения у программных продуктов существуют в электронном формате, а решение вопроса об их принятии производится на этапе их установки. В указанном случае отсутствует

реальная возможность обсуждения с правообладателем условий такого соглашения. Такое положение ограничивает права пользователей в части обсуждения его условий. На наш взгляд, если речь идет об отечественном программном обеспечении, то имеется возможность оспаривания таких условий в судебном порядке. Если же оспариванию подлежат условия лицензионного соглашения, осложненного иностранным элементом, то возникает вопрос о фактическом исполнении решения суда в случае удовлетворения исковых требований в части признания недействительными условий соглашения.

Развитие современных компьютерных технологий позволило заключать соглашения с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без личного контакта с другим участником соглашения. С одной стороны, использование таких технологий позволяет экономить время, достаточно быстро решать вопросы по покупке товаров и услуг. С другой стороны, такие договоры заключаются по стандартной форме, подготовленной «сильной» стороной. Ими определяются условия соглашения. У второй стороны договора в таком случае отсутствует возможность участвовать в переговорном процессе, обсуждать отдельные условия будущей сделки.

Такая ситуация характерна, например, для заключения договоров оптовой и розничной купли-продажи продовольственных товаров, бытовой техники, средств связи, компьютерной техники и т.д. Распространено и заключение договоров банковскими организациями в цифровом формате. Чаще всего таким образом заключаются договоры банковского вклада, кредитные договоры, производится открытие расчетных счетов. В основном для их заключения требуется лишь установление специального приложения на смартфон. В приложении сформированы тематические разделы, где размещены соответствующие банковские продукты. Для того чтобы воспользоваться ими, достаточно зайти в необходимый раздел, найти интересующий продукт и осуществить нажатие нескольких кнопок. При этом в приложениях в обязательном порядке производится обязательное ознакомление с подробными условиями заключения договоров, например, общими условиями кредитования, разработанными банком. В заявке на заключение кредитного договора приводится ссылка на такой документ, а само подписание заявки, согласно ее тексту, выражает согласие с такими условиями, даже если потребитель не ознакомился с их содержанием. Следует отметить, что такие условия размещаются на странице банка в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», для их поиска требуется определенное количество времени. Также следует отметить, что такие условия постоянно меняются, соответственно потребитель должен самостоятельно найти соответствующую редакцию условий, которая действует на момент подписания кредитной заявки.

Как итог, с учетом изложенных фактических обстоятельств весьма распространены ситуации, когда потребители в судебном порядке оспаривают

отдельные условия кредитных договоров, заключенных посредством цифровых платформ. Чаще всего, речь идет о несогласованности условия о возможности взыскания долга на основании исполнительной надписи нотариуса. Суды в таких случаях, как правило, встают на сторону «слабой» стороны, указывая на то, что условия соглашения должны быть согласованы сторонами. В качестве примера можно привести Определение первого кассационного суда общей юрисдикции [1]. В нем истцом среди прочего поставлен вопрос о признании несогласованным условия договора о взыскании задолженности по кредитному договору на основании исполнительной надписи в связи с тем, что данное условие не было согласовано индивидуально с заемщиком, а содержалось в общих условиях кредитования, которые являлись частью кредитного договора.

Судом при рассмотрении жалобы было указано, что данное условие подлежало согласованию с заемщиком на основании ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП). В указанной связи решение суда первой инстанции было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что заключение договоров в цифровой среде несет в себе определенные риски. Они связаны с невозможностью оказать влияние на содержание условий соглашения, а также с тем, что потребители далеко не всегда знакомятся со всеми условиями соглашения, тем более в тех случаях, когда они содержатся в рамках иных документов, которые являются неотъемлемой частью договора (например, общие условия кредитования).

По справедливому замечанию Е.С. Слукса, действующее гражданское законодательство находится лишь в начале пути, направленном на модернизацию гражданского законодательства, связанном с необходимостью его адаптации к существованию цифровой среды и перехода заключения части сделок именно в цифровом пространстве [12, с. 144-149]. Для решения указанной проблемы, на наш взгляд, следует сформировать отдельный нормативный акт, в котором следует урегулировать особенность заключения соглашений в цифровой среде, включая установление повышенных мер защиты «слабой» стороны соглашения.

Еще одним аспектом использования компьютерных технологий в рамках гражданских правоотношений является заключение смарт-контрактов. Вместе с тем сложность состоит в том, что в настоящее время они, по сути, находятся вне правового регулирования. Это проявляется в том, что, во-первых, действующее законодательство не устанавливает легальной дефиниции приведенного понятия, а также специальных механизмов защиты его участников.

На указанную проблему обращает внимание А.В. Чирков [14, с. 180-189]. Он отмечает, что значительные риски в указанных условиях имеются у граждан, которые выступают в роли потребителей. Это объясняется тем, что, в большинстве своем, они не обладают необходимыми глубокими познаниями в

сфере компьютерных технологий и компьютерной информации.

Автор отмечает, что традиционно как в рамках доктрины российского права, так и зарубежного права смарт-контракт, в основном, расценивают двойко – как программный код и как правоотношение. Для целей публикации им процитировано научное определение понятия «смарт-контракта». При употреблении последнего значения, исследователем отмечается, что анализируемое понятие представляет собой договор, который зафиксирован в виде компьютерных кодов. Оно начинает свое исполнение при наступлении определенных в таком соглашении условий без выполнения каких-либо дополнительных действий его сторонами [9, с. 9].

С учетом приведенного определения можно сделать вывод о наличии достаточно большого количества рисков для потребителя. Их наличие основывается на том, что последний не имеет возможности ознакомиться с указанными условиями, которые фактически могут оказаться несправедливыми.

По мнению А.В. Чиркова, данные риски, могут быть минимизированы в случае ограничения потенциальных потерь по сделке (ограничения максимальной цены сделки) для потребителя и введения правового регулирования, которое имеет целью сократить до минимума рассмотренные в настоящем исследовании риски [14, с. 180-189]. Полагаем необходимым согласиться с приведенным мнением, поскольку очевиден факт отсутствия необходимого правового регулирования в РФ. В такой ситуации потребитель остается в ситуации правовой незащищенности.

Также следует отдельно остановиться и на проблемах заключения инвестиционных сделок в цифровой среде. В научной литературе они именуется как краудфандинг. Такие отношения для РФ являются относительно новыми, поскольку зародились они в начале 2000-х гг. в РФ. С 2018 г. стала формироваться судебная практика по взысканию задолженностей по займам, полученным в результате совершения краудфандинговых сделок. Так, в марте 2018 г. издательство «Коммерсант» [6] сообщило, что 22.03.2018 г. Арбитражный суд г. Москвы впервые в России взыскал с лица, привлекающего инвестиции, сумму долга, которая образовалась в результате неисполнения обязанностей по соглашению, заключаемого с помощью краудфандинговой платформы «Поток». На тот момент данное решение было расценено как доказательство того, что права инвесторов находятся под защитой норм российского права.

Данное решение стало отправной точкой для подачи аналогичных исковых заявлений о взыскании задолженности, сформированной подобным образом. Анализ данных, приводимых Верховным Судом РФ, позволяет отметить, что с момента принятия Закона об инвестициях и до настоящего времени арбитражными судами РФ было вынесено более 50 решений по данной категории дел [16]. При этом следует отметить, что арбитражными судами не ведется учет вынесенных решений именно по данной категории дел [7, с. 76-86].

Анализ имеющихся решений показывает, что суды квалифицируют отношения, возникающие в рамках инвестиционной деятельности на краудфандинговых платформах, как заем [2]. Примечательно, что истцами по данной категории дел выступают как инвесторы, так и операторы инвестиционных платформ [5]. По большинству исковых требований суды выносят решения об удовлетворении исковых требований. При этом следует отметить, что в данном случае речь идет о краудфандинговых договорах, которые предусматривают возврат средств, начисление процентов за пользование ими.

Многими экспертами в области инвестиций, в частности Т.С. Яценко, отмечается наличие недостатков в правовом регулировании краудфандинга. Основной проблемой является обеспечение охраны прав инвесторов в силу наличия высоких финансовых рисков в рамках краудфандинга. Полагаем, что данное замечание является обоснованным. Дело в том, что инвестиционная деятельность является рискованной. В указанной связи инвесторам необходимы надежные меры защиты их прав. Их наличие, на наш взгляд, может увеличить инвестиционную привлекательность краудфандинга.

Кроме того, отмечается повышение финансовых рисков в связи с применением для целей краудфандинга интернет-платформ, так как это связано с повышением вероятности совершения мошенничества в отношении инвесторов. Российское законодательство данный факт не учитывает. Вместе с тем правовое регулирование должно обеспечивать баланс интересов между удовлетворением потребностей лиц, привлекающих инвестиции, и охраной прав инвесторов [15, с. 62-71]. Такой баланс, на наш взгляд, должен обеспечиваться, в том числе и путем установления гарантий для инвесторов, как «слабой» стороны соглашения. Они могут заключаться в предоставлении возможности оспаривания ими условий договоров, который были заключены в цифровой среде, исключающих возможность влиять на условия заключаемого соглашения.

Некоторыми авторами, например А.А. Кирилловых, обоснованно отмечается, что законодателем при принятии Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не было учтено, что, в основном, краудфандинг осуществляется в рамках сети Интернет. Соответственно, участники сделки могут территориально находиться в любой точке мира, равно как и совершать сделку, находясь за пределами территории РФ. Такая возможность существует благодаря использованию токенов, которые позволяют отчуждать цифровые права. Таким образом, существующего правового регулирования для сделок, связанных с краудфандингом, осложненных иностранным элементом, явно недостаточно [10, с. 33-42].

Полагаем, что следует согласиться с указанным мнением. Дело в том, что российское законодательство позиционирует краудфандинг как деятельность, которая реализуется на базе электронных

платформ. Это изначально предполагает использование сети «Интернет», а, соответственно, отсутствие территориальных ограничений. Соответственно, остаются нерешенными вопросы о возможном правовом регулировании краудфандинга с учетом трансграничного характера рассматриваемых правоотношений.

В исследуемом ФЗ, как отмечает Г.Г. Нерсисян, существует правовая неопределенность в вопросе о возможности приобретения цифровых прав у иностранных лиц. Так, законодательно установлено, что лицом, имеющим право привлекать инвестиции, может быть российское юридическое лицо или индивидуальный предприниматель [11, с. 183-185].

Вместе с тем Т.В. Сойфер [13, с. 11-15] проанализирована судебная практика [3], связанная с краудфандингом. На основе ее анализа исследователь указывает, что суды квалифицируют договоры, заключаемые посредством онлайн-площадок, исходя из их содержания как договоры займа (в отношении краудлендинга). При этом судами признается наличие особенностей порядка согласования условий, заключения и исполнения таких договоров [13].

Соглашаясь с приведенной позицией в части квалификации соответствующих договоров судами, отметим, что в рамках судебной практики существуют решения такого рода. Например, одним из них является Постановление Арбитражного суда Московского округа [4], вынесенное в 2022 г. Судом рассмотрен иск о взыскании задолженности, сформировавшейся в рамках осуществления инвестиционной деятельности. Суд в данном случае констатировал заключение сторонами договора займа, а также нарушение условий указанного договора, что привело к формированию соответствующей задолженности.

Указанное решение также имеет значение в рамках настоящего исследования в том смысле, что им квалифицированы и отношения с оператором инвестиционной платформы. Анализ приведенного решения позволяет отметить, что здесь присутствуют элементы договора номинального счета (в части получения денежных средств инвестора), лицензионного договора в части получения вознаграждения оператором.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать сложности, связанные с защитой «слабой» стороны инвестиционных договоров. Они связаны не только с отсутствием возможности у нее влиять на условия соглашения, но и с тем, что российское законодательство не позволяет однозначно квалифицировать заключаемый договор. Он, как показала российская судебная практика, содержит в себе элементы нескольких различных договоров. Такое положение, безусловно, осложняет возможность защиты прав инвесторов, как физических, так и юридических лиц.

На наш взгляд, для решения обозначенных проблем, связанных с защитой «слабой» стороны в рамках договоров, заключаемых в цифровой среде, необходимо внесение изменений в действующее законодательство. Главным образом, они должны быть внесены в гражданское законодательство, так

как именно его нормами устанавливаются основы правового регулирования в рассматриваемой сфере. Следует в первой части Гражданского кодекса в главе, посвященной общим положениям о договорах ввести отдельную статью, устанавливающую дополнительные гарантии защиты такой стороны при заключении соглашений в виртуальной среде. Они должны быть связаны с предоставлением возможности расторжения договора по отдельным основаниям, например, в связи с невозможностью участвовать в установлении условий соглашения. Кроме того, в рамках заключения инвестиционных договоров на уровне имеющегося законодательства необходимо установить возможности для расторжения договора в одностороннем порядке для «слабой» стороны, если условия являются для нее обременительными. Полагаем, что внесенные предложения смогут минимизировать финансовые риски для «слабой» стороны при заключении договоров именно в цифровой среде. Кроме того, установление дополнительных гарантий позволит расширить возможности судебной защиты прав такой стороны.

Литература

1. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2021 № 88-14623/2021 по делу № 2-585/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Арбитражного Суда Ульяновской области от 28.02.2024 по делу № А72-13648/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.12.2023 по делу № А40-182940/23-7-1497 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2019 г. № 09АП-47066/2019 по делу № А40-108289/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.08.2019 г. по делу № А40-108281/19-47-962 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.02.2022 № Ф05-35016/2021 по делу № А40-121642/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
5. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2024 по делу № А40-226475/23-47-179 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.03.2024 по делу № А40-5355/24-98-45 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Взыскание поставили на «Поток». Электронный ресурс. «Коммерсант» <https://www.kommersant.ru/doc/3584906> (дата обращения: 11.09.2024).
7. Абдрасулова, Г.Э. Специфика краудфандинга и перспективы его правового регулирования в республике Казахстан / Г.Э. Абдрасулова // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. №6. С. 76-86.
8. Корецкий А. Д. Несправедливые условия в доктрине и их проявление в лицензионных соглашениях // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С. 142–148.

9. Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex russica. – 2020. – № 4. – С. 9.

10. Кирилловых, А.А. Краудфандинг как альтернативный способ привлечения инвестиций в предпринимательскую деятельность / А.А. Кирилловых // Право и экономика. – 2020. – № 9. С. – 33-42.

11. Нерсисян, Г.Г. Правовое регулирование краудфандинга в Российской Федерации / Г.Г. Нерсисян // Сборник материалов I Всероссийской и VII Международной научно-практической конференций «Трансформация правовых институтов: история и современность. тенденции развития частного права». – Москва, Издательство: Блок-Принт. 2021. – С. 183-185.

12. Слука, Е.С. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с использованием сети интернет / Е.С. Слука // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – vol. 11-4 (62). – С. 144-149.

13. Сойфер, Т.В. Гражданско-правовое регулирование краудфандинга в России: состояние и перспективы / Т.В. Сойфер // Гражданское право. – 2020. – № 1. – С. 11 - 15.

14. Чирков А. В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11. – С. 180–189.

15. Яценко, Т.С. Проблема охраны прав инвесторов в краудфандинге: риски инвестирования и пути их преодоления / Т.С. Яценко // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 62 - 71.

16. Картотека дел. Электронное правосудие. Электронный ресурс. <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).

Problematic aspects of protecting the «weak» side in agreements concluded in the digital environment and ways to solve them

Milenina Yu.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The publication touches upon the issues of concluding contracts in the digital environment. The features and difficulties of concluding credit agreements, smart contracts, and licensing agreements within its framework are considered.

Attention is drawn to the inability of the "weak" party to the agreement to influence the content of the terms of the agreement, the possibility of interaction with representatives of its "strong" side to discuss the terms of the agreement. The judicial practice on challenging the content of such agreements, including those containing «unfair» terms, is considered. As a result, it was concluded that the current legislation is imperfect, which consists in the fact that it does not meet modern realities, when a significant part of contracts are concluded in the digital environment, including on online platforms, marketplaces, using digital platforms, etc. It does not provide for the specifics of concluding contracts in the digital environment and guarantees for the protection of the rights of the "weak" side. Proposals have been made to eliminate existing problems.

The publication touches upon the issues of concluding contracts in the digital environment. The features and difficulties of concluding credit agreements, smart

contracts, and licensing agreements within its framework are considered.

Keywords: the «weak» side of the contract, the «strong» side of the contract, unfair conditions, digital environment.

References

1. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 16.06.2021 No. 88-14623/2021 in case No. 2-585/2020 // SPS "ConsultantPlus".
2. Decision of the Arbitration Court of the Ulyanovsk Region dated 28.02.2024 in case No. A72-13648/2023 // SPS "ConsultantPlus"; Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 14.12.2023 in case No. A40-182940/23-7-1497 // SPS "ConsultantPlus".
3. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated September 30, 2019 No. 09AP-47066/2019 in case No. A40-108289/2019 // SPS "Consultant Plus"; Decision of the Arbitration Court of Moscow dated August 30, 2019 in case No. A40-108281/19-47-962 // SPS "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 22, 2022 No. F05-35016/2021 in case No. A40-121642/2021 // SPS "ConsultantPlus".
5. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 05.03.2024 in case No. A40-226475 / 23-47-179 // SPS "ConsultantPlus"; Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 12.03.2024 in case No. A40-5355 / 24-98-45 // SPS "ConsultantPlus".
6. Collection was placed on "Potok". Electronic resource. "Kommersant" <https://www.kommersant.ru/doc/3584906> (date of access: 11.09.2024).
7. Abdrasulova, G.E. Specifics of crowdfunding and prospects for its legal regulation in the Republic of Kazakhstan / G.E. Abdrasulova // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2022. No. 6. P. 76-86.
8. Koretsky A. D. Unfair conditions in the doctrine and their manifestation in license agreements // North Caucasian Legal Bulletin. – 2022. – No. 1. – P. 142–148.
9. Zasemkova O. F. On methods of resolving disputes arising from smart contracts // Lex russica. – 2020. – No. 4. – P. 9.
10. Kirillovykh, A. A. Crowdfunding as an alternative way to attract investment in entrepreneurial activity / A. A. Kirillovykh // Law and Economics. - 2020. - No. 9. P. - 33-42.
11. Nersesyan, G. G. Legal regulation of crowdfunding in the Russian Federation / G.G. Nersesyan // Collection of materials of the I All-Russian and VII International scientific and practical conferences "Transformation of legal institutions: history and modernity. trends in the development of private law." - Moscow, Publisher: Blok-Print. 2021. - P. 183-185.
12. Sluka, E.S. Civil law protection of transactions concluded using the Internet / E.S. Sluka // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – vol. 11-4 (62). – P. 144-149.
13. Soyfer, T.V. Civil law regulation of crowdfunding in Russia: state and prospects / T.V. Soyfer // Civil law. – 2020. – No. 1. – P. 11 - 15.
14. Chirkov AV Regulation of consumer risks when concluding and executing a smart contract // Actual problems of Russian law. – 2020. – Vol. 15. – No. 11. – P. 180–189.
15. Yatsenko, TS The problem of protecting investors' rights in crowdfunding: investment risks and ways to overcome them / TS Yatsenko // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 8. – P. 62 - 71.
16. Card index of cases. Electronic justice. Electronic resource. <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 14.03.2024).

Теоретические вопросы и практические проблемы определения пределов защиты гражданских прав

Милосердов Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Королёвского филиала "Международный юридический институт", a.miloserdov2010@yandex.ru

Статья посвящена исследованию пределов защиты гражданских прав, связанных с необходимостью поддерживать равновесие интересов участников гражданского оборота. Актуальность темы подтверждается увеличением числа споров, в которых возникают злоупотребления процедурами охраны права. Новизна работы основана на попытке охарактеризовать правоприменительную практику, затрагивающую свободу договора, самозащиту, добросовестность, пропорциональность мер и прочие факторы, определяющие границы судебных и внесудебных способов восстановления нарушенных интересов.

Работа ставит целью предложить системный взгляд на механизмы защиты и рассмотреть факторы, ограничивающие их произвольное использование. Для решения указанных задач задействованы сравнительный метод, анализ судебных актов и формально-логическое толкование норм гражданского права.

В заключении формулируются итоги о возможности совершенствования действующих подходов к восстановлению нарушенных прав. Статья будет полезна правоведам, практикующим юристам и всем, кто интересуется тематикой гражданско-правовой защиты.

Ключевые слова: гражданские права, добросовестность, самозащита, злоупотребление правом, свобода договора, судебная практика, пропорциональность, недобросовестность, дискреция суда, пределы защиты.

Введение

Современный гражданский оборот нередко сопровождается ситуациями, в которых правообладатели стремятся защитить свои интересы, но при этом возникает риск злоупотребления предоставленными законами механизмами. Увеличение числа подобных случаев обуславливает поиск и уточнение критериев допустимой охраны права, что свидетельствует о высокой практической значимости заявленной темы.

Цель данной работы — проанализировать теоретические предпосылки и практические проблемы определения пределов защиты гражданских прав.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1) охарактеризовать зависимость мер защиты от добросовестности поведения участников спора и выявить признаки злоупотребления процессуальными и материальными средствами;

2) выяснить, как специфика субъекта права (например, ребенок, потребитель) влияет на выбор защитных инструментов и их результаты;

3) показать, каким образом свобода договора сочетается с публичными установками о равноправии сторон и не приводит к неправомерным преимуществам.

Новизна исследования связана с тем, что работа объединяет сведения из источников, освещающих вопросы и судебной, и внесудебной защиты, в том числе самозащитные меры, а также затрагивает сложившуюся судебную практику и проблемы, возникающие при рассмотрении конфликтов разного масштаба — от личных нематериальных прав до имущественных споров.

Материалы и методы

Для подготовки работы проанализирован массив исследований, охватывающих разные проявления защиты гражданских прав. Л.В. Борисова [1] рассмотрела пределы правоспособности физических лиц и предложила учитывать особые механизмы охраны интересов ребенка в конфликтах имущественного и неимущественного характера. А.С. Ворожевич [2] обозначила факторы, влияющие на реализацию исключительных прав и обосновала критерии отказа в иске при фиксации злоупотребления правом. Д.М. Гончар [3, 4], в двух работах, сформировал представление о конкретных способах защиты, включая административные и судебные, что дало возможность охарактеризовать различные границы для пресечения нарушений. И.А. Казарцев [5] описал специфику пределов гражданских прав с опорой на принципы разумности и добросовестности, вводя модели предотвращения злоупотребле-

ний. А.С. Литвинова [6] систематизировала основания для отказа в удовлетворении требований, связанных с попытками недобросовестной защиты, и охарактеризовала инструменты анализа исковой давности. Ю.В. Ловчикова [7] уделила внимание свободе договора и способам ограничения чрезмерной автономии сторон, выявив области, где соглашения требуют корректировки ради соблюдения интересов слабой стороны. А.А. Масалимова [8] предложила подход к определению доступных мер самозащиты, указав на ситуации, при которых вмешательство суда становится затруднительным. Е.О. Плотникова [9] осветила особенности защиты детей и акцентировала разницу в выборе защитных мер в семейно-правовых отношениях. К.Р. Султангулова [10] исследовала неюрисдикционную форму защиты, указывая на саморегулируемые механизмы и самооборону как способы, требующие четкого правового разграничения.

При написании работы применялся сравнительный метод, позволивший сопоставить теоретические выводы разных авторов и определить общие закономерности. Использовался системно-структурный анализ публикаций для выявления единых критериев определения пределов защиты и уточнения признаков злоупотребления правом. Обобщались нормативные акты и судебные решения, отражающие применение материальных и процессуальных норм, задействовался метод формально-логического толкования для интерпретации норм гражданского права и выявления взаимосвязи принципов добросовестности и разумности.

Результаты

Правозащитные механизмы в сфере гражданских отношений развиваются по пути расширения перечня условий, при которых субъекты вправе притязать на судебное вмешательство, и по пути укрепления пределов защиты права, предохраняющих участников оборота от злоупотреблений [8]. Указанная тенденция прослеживается при рассмотрении процессуальных норм о допустимости самообороны (ст. 14 ГК РФ), характера мер оперативного воздействия на нарушителя, а также при установлении обстоятельств, позволяющих суду отказать в иске при противоречии заявленного требования общим установкам добросовестности [2].

Исследования демонстрируют, что определенные черты защиты гражданских прав зависят от специфики правовых режимов, в которых возникает конфликт интересов. Установлено, что в договорной сфере пределы защиты связаны с балансом интересов сторон, принципами свободы договора и регламентацией поведения при существенном нарушении условий [5, 7]. В свою очередь, при оспаривании личных прав физического лица, в том числе нематериальные блага, защита подчиняется презумпции приоритета интересов гражданина. При таких спорах меры судебной власти часто направлены не только на восстановление нарушенного блага, но и на пресечение дальнейших посягательств. При конфликтах вокруг прав ребенка добавляется тре-

бование учета специфической уязвимости несовершеннолетнего, это делает пределы защиты более жесткими и направленными на предотвращение ущемлений интересов ребенка [9].

Синтез норм, регулирующих установление и реализацию гражданских прав, позволил выявить, что при самозащите часто возникает проблема чрезмерного расширения объема дозволенного воздействия на потенциального правонарушителя [1]. Некоторые авторы настаивают на необходимости более четкого определения критериев правомерной самообороны. Позиция исследователей [10] указывает, что подобный формат неюрисдикционной защиты способен осложнить ситуацию для третьих лиц, не участвующих в конфликте. Исходя из этого, часть специалистов предлагает детально дифференцировать меры самообороны, чтобы удерживать их в границах, позволяющих избежать непропорционального воздействия.

Систематическое изучение судебной практики подтверждает наличие постоянных коллизий при квалификации злоупотребления правом, ведущих к отказу в защите. Указанные коллизии усиливаются в вопросах возмещения убытков и компенсации морального вреда, где суды оценивают, действительно ли имелось недобросовестное поведение и входила ли предъявленная претензия в установленную законом рамку [5]. Авторы [3, 6] указывают, что судебные органы при оценке злоупотребления руководствуются сочетанием законодательных и доктринальных оснований. При этом практика вырабатывает уточняющие признаки: искажение цели использования субъективного права, искусственное создание повода для подачи иска, умышленный характер действий, приводящих к необоснованной выгоде. Все перечисленное помогает суду отличить добросовестное требование о защите права от спекулятивной стратегии.

Вопрос времени часто проявляется при охране прав, закрепленных гражданским законодательством, через механизм исковой давности. Давность рассматривается как фактор, ограничивающий возможность бесконечного отстаивания права и влияющий на стабильность гражданского оборота. Ряд авторов выделяет нужду в уточнении начала течения срока давности при длительном нарушении, особенно если нарушение приняло длящийся характер [4]. То есть выделяется роль единого подхода в судебной практике к моменту осознания истцом факта нарушения.

Осмысление развивающихся подходов к судебному усмотрению показывает, что пределы защиты нередко связаны со степенью доказанности обременительности нарушения для конкретного субъекта. Правоприменитель уделяет внимание не только формальной стороне, но и ущербу или угрозе для субъективного права, ведь это помогает охарактеризовать масштаб посягательства и подобрать оптимальные правовые инструменты. При этом важна аргументация истца, который обязан обосновать, каким образом нарушение затрагивает его интерес. Уточнения, приводимые в судебных актах, демон-

стрируют постепенное совершенствование критерия пропорциональности применяемых мер защиты.

Авторы [3] рассматривают свободу усмотрения сторон при заключении договора как фактор, расширяющий зону действия соглашений, однако обозначают сдерживающий механизм через императивные требования и запрет на обход закона в ущерб третьим лицам. При наличии разногласий относительно содержания соглашения суды ориентируются на принципы добросовестности и разумности, что подтверждено материалами дел о признании отдельных условий притворными или недействующими [5]. Подобные решения становятся заметным стимулом к дополнительному уточнению правовых рамок. Далее, анализ [8] свидетельствует о частых попытках сторон выходить за дозволенные границы реализации права при имущественных спорах, что проявляется в злоупотреблении правом.

Рассмотрение требований о признании условий договора незаконными показывает, что суды стремятся выработать единообразный подход к определению несоразмерности условий, когда одна сторона несет чрезмерные обязанности, а вторая получает неоправданные привилегии. Подобные дела инициируют внедрение дополнительных судебных разъяснений относительно критериев выяснения баланса интересов. Основания для вмешательства судебной власти в свободу договора выглядят доказанными, если доказана явная диспропорция выгод и обязанностей, свидетельствующая о нарушении базовых принципов равноправия.

Самозащита, меры оперативного воздействия, посредничество или обращение в третейские суды — все это расширяет вариативность защиты. Предполагается, что при правильном использовании таких методов уменьшается нагрузка на судебную систему, а добросовестные участники оборота быстрее восстанавливают нарушенные права. В то же время отсутствие четкого регулирования отдельных вариантов самозащиты побуждает авторов [10] настаивать на дополнениях в законодательство для разграничения пределов самостоятельных действий заинтересованной стороны.

Сопоставление литературных данных и судебных актов обобщает вывод о том, что разнообразие конфигураций злоупотребления правом задает сложные подходы к определению пределов защиты. Методы противодействия подобным злоупотреблениям лежат в сфере развивающейся судебной практики, где выявляются обобщающие критерии: доказанность умысла, прямое несоответствие действия сущности гражданского права, получение выгоды в ущерб другим участникам или вопреки назначению права [8, 2]. Повышение единообразия в оценках судов формирует более четкое правовое пространство, где применяются гибкие инструменты защиты, подстроенные под специфические характеристики отношений. Положительный эффект предполагается при уточнении правовых норм, закрепляющих оптимальное соотношение свободы и ограничений в механизмах охраны гражданских прав.

Обсуждение

Вопрос о том, в каких границах гражданин вправе использовать судебную или внесудебную защиту, связан с соотношением добросовестности и процедурных средств, которые доступны инициатору. Предыдущие научные обзоры указывают на распространение ситуаций, когда обращение за охраной права совпадает с преследованием выгоды, далёкой от изначальной цели восстановления нарушенного интереса. Выявленная в ходе анализа закономерность сводится к тому, что при выборе способа защиты часто важна фактическая готовность правообладателя документально обосновать нарушение и подтвердить пропорциональность желаемых мер воздействия.

Наблюдения, согласуются с тем, что корректная защита опирается на совокупность норм и их расширительное толкование, ориентированное на принципы добросовестности и разумности. А при формировании временных и ведомственных пределов защиты закреплён единый подход: инициатор должен обосновать наличие объективных условий (срок, полномочия конкретного органа) и подтвердить, что обращение не направлено на достижение неправомерной выгоды либо злоупотребление процессуальными средствами. Значение такого подхода усиливается при рассмотрении дел с участием слабой стороны, например ребёнка или лица, не обладающего достаточными ресурсами для полноценной защиты.

Признаки недобросовестного обращения иногда включают попытку заявить требования, не подкреплённые реальной угрозой права. Сравнение полученных в ходе исследования выводов с предыдущими результатами раскрывает схожую тенденцию: принципы добросовестности и пропорциональности укрепляются в качестве регуляторов процесса защиты, позволяя по-новому расценивать единство материальных и процессуальных механизмов. В этом ракурсе возникла потребность в более гибких схемах проверки злоупотребления правом и инструментов самозащиты через поиск вариантов оперативного реагирования без избыточного формализма.

Наблюдения, отражённые в статье, вносят вклад в понимание системных связей между необходимостью защищать гражданские права и пределами, очерченными законодателем. Собранные материалы мотивируют продолжение исследований, нацеленных на разработку критериев выявления недобросовестного применения процедур, привлечение правовых обычаев, а также формирование дополнительных гарантий для владельцев права, испытывающих затруднения в доказывании. Появляется перспектива углублённой оценки роли судебного усмотрения при рассмотрении споров, связанных с выходом за границы разумной защиты. Многие указывают на то, что последующее исследование позволит выработать более детализированные рекомендации для правоприменителей в условиях расширяющихся форм гражданского оборота и растущего числа конфликтов, требующих точного баланса интересов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что защита гражданских прав зависит от точности соблюдения критериев добросовестности и пропорциональности. Первая поставленная задача, связанная с анализом злоупотребления правом, продемонстрировала, что суды акцентируют внимание на реальности нарушения и избегают удовлетворения претензий, нацеленных на извлечение дополнительной выгоды. Вторая задача, рассмотренная в работе, заключалась в выявлении особенностей защиты, когда право принадлежит слабому субъекту — например, несовершеннолетнему или гражданину с ограниченными возможностями. Выяснилось, что в таких ситуациях требуется специальный подход, основанный на приоритете охраняемого интереса. Третья задача, сфокусированная на взаимодействии свободы договора и принципов равенства, показала, что при наличии неоправданно обременительных условий договор нередко признают недействующим в части несоразмерных требований.

Так, можно констатировать, что грамотное определение пределов защиты гражданских прав способствует сдерживанию недобросовестных действий и укреплению правовой стабильности. Обобщенные в работе материалы создают основу для научных дискуссий и совершенствования правоприменения, позволяя развивать надежный механизм охраны прав и одновременно не допускать злоупотреблений со стороны участников гражданского оборота.

Литература

1. Борисова Л. В. О пределах гражданской правоспособности физических лиц и защите прав и законных интересов ребенка // Журнал прикладных исследований. — 2022. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-grazhdanskoy-pravospobnosti-fizicheskikh-lits-i-zaschite-prav-i-zakonnyh-interesov-rebenka> (дата обращения: 19.01.2025).
2. Ворожевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. — Москва, 2021.
3. Гончар Д. М. Механизмы защиты гражданских прав // Молодой ученый. — 2022. — № 48 (443). — С. 227–229. — URL: <https://moluch.ru/archive/443/97060/> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Гончар Д. М. Формы защиты субъективных гражданских прав // Молодой ученый. — 2022. — № 48 (443). — С. 225–227. — URL: <https://moluch.ru/archive/443/97059/> (дата обращения: 21.01.2025).
5. Казарцев И. А. Принципы и пределы осуществления гражданских прав // Форум молодых ученых. — 2020. — № 1 (41). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-predely-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 19.01.2025).
6. Литвинова А. С. Системный анализ пределов защиты гражданских прав // Экономика и социум. — 2022. — № 1-2 (92). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-analiz-predelov-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Ловчикова Ю. В. Принцип свободы договора в гражданском праве: особенности и пределы // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-v-grazhdanskom-prave-osobennosti-i-predely> (дата обращения: 19.01.2025).
8. Масалимова А. А. Пределы осуществления требований защиты гражданских прав в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 9-2 (96). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-osuschestvleniya-trebovaniy-zaschity-grazhdanskih-prav-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.01.2025).
9. Плотникова Е. О. Представительство прав и интересов ребёнка по семейному законодательству Российской Федерации // Теория и практика современной юриспруденции : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 янв. 2020 г. — Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. — С. 61–64. — EDN MGKQAX.
10. Султангулова К. Р. Неюрисдикционные формы защиты гражданских прав // Вестник науки. — 2022. — № 10 (55). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyurisdiktsionnye-formy-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 20.01.2025).

Theoretical issues and practical problems of determining the limits of protection of civil rights

Miloserdov A.S.

International Law Institute

The article is devoted to the study of the limits of protection of civil rights associated with the need to maintain a balance of interests of participants in civil turnover. The relevance of the topic is confirmed by the increase in the number of disputes in which abuses of legal protection procedures arise. The novelty of the work is based on an attempt to characterize law enforcement practice affecting freedom of contract, self-defense, good faith, proportionality of measures and other factors that determine the boundaries of judicial and extrajudicial methods of restoring violated interests.

The work aims to offer a systemic view of the mechanisms of protection and consider the factors limiting their arbitrary use. To solve these problems, the comparative method, analysis of judicial acts and formal-logical interpretation of civil law norms are used.

In conclusion, the results are formulated on the possibility of improving the current approaches to the restoration of violated rights. The article will be useful to legal scholars, practicing lawyers and anyone interested in the topic of civil law protection.

Keywords: civil rights, good faith, self-defense, abuse of rights, freedom of contract, judicial practice, proportionality, bad faith, discretion of the court, limits of protection.

References

1. Borisova L. V. On the Limits of Civil Legal Capacity of Individuals and the Protection of the Rights and Legitimate Interests of a Child // Journal of Applied Research. - 2022. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-grazhdanskoy-pravospobnosti-fizicheskikh-lits-i-zaschite-prav-i-zakonnyh-interesov-rebenka> (accessed: 19.01.2025).
2. Vorozhevich A. S. Boundaries of Exclusive Rights, the Limits of Their Exercise and Protection: diss. ... Doctor of Law: 12.00.03 / Lomonosov Moscow State University. - Moscow, 2021.
3. Gonchar D. M. Mechanisms for the Protection of Civil Rights // Young Scientist. - 2022. - No. 48 (443). — P. 227–229. — URL: <https://moluch.ru/archive/443/97060/> (date of access: 20.01.2025).
4. Gonchar D. M. Forms of protection of subjective civil rights // Young scientist. — 2022. — No. 48 (443). — P. 225–227. — URL: <https://moluch.ru/archive/443/97059/> (date of access: 21.01.2025).
5. Kazartsev I. A. Principles and limits of the exercise of civil rights // Forum of young scientists. — 2020. — No. 1 (41). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-i-predely-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav> (date of access: 19.01.2025).
6. Litvinova A. S. Systems analysis of the limits of protection of civil rights // Economy and society. - 2022. - No. 1-2 (92). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-analiz-predelov-zaschity-grazhdanskih-prav> (date of access: 20.01.2025).
7. Lovchikova Yu. V. The principle of freedom of contract in civil law: features and limits // Electronic supplement to the Russian Law Journal. - 2021. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiip-svobody-dogovora-v-grazhdanskom-prave-osobnosti-i-predely> (date of access: 19.01.2025).
8. Masalimova A. A. Limits of the implementation of requirements for the protection of civil rights in the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2024. - No. 9-2 (96). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-osuschestvleniya-trebovaniy-zaschity-grazhdanskih-prav-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 18.01.2025).
9. Plotnikova E. O. Representation of the rights and interests of the child under the family legislation of the Russian Federation // Theory and practice of modern jurisprudence: collection of articles. III Int. scientific and practical conf., Penza, January 15, 2020 - Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. - Pp. 61-64. - EDN MGKQAX.
10. Sultangulova K. R. Non-jurisdictional forms of protection of civil rights // Bulletin of Science. - 2022. - No. 10 (55). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyurisdiktsionnye-formy-zaschity-grazhdanskih-prav> (date of access: 20.01.2025).

Особенности привлечения к ответственности контролирующих должника лиц

Кивленок Татьяна Валентиновна

доцент кафедры гражданского права и процесса, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, magi16-kiw@yandex.ru

Момотова Алина Александровна

магистрант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, alinapolyan@gmail.com

На практике часто встречаются ситуации, при которых обязательства исполняются ненадлежащим образом, что приводит к ущемлению законных прав. Ущемление законных прав, возникновение которого связано с неправомерными действиями (бездействием) КДЛ, приводит к возникновению охранительных правоотношений, из которых вытекает право требования возмещения причиненного ущерба, а также корреспондирующая обязанность КДЛ возместить ущерб в случае недостаточности имущества должника.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, кредиторы, должники.

Привлечение к субсидиарной ответственности — сложный и неоднозначный процесс, на истца возлагается бремя доказывания не только экономических показателей, которые привели к невозможности исполнения обязательств перед иными лицами, но и поиск доказательств того, что именно из-за действий контролирующих лиц должника возникла такая невозможность вследствие личной выгоды в ущерб интересам организации. Взаимоотношения, связанные с куплей-продажей, несут в себе риски для гражданина, не способного погасить задолженность, и, как следствие, сильное экономическое и социальное потрясение для тех, кто оказался в подобной ситуации, ставят под угрозу стабильность функционирования системы купли-продажи в целом.

Правоотношения, возникающие при несостоятельности (банкротстве) должника, являются отношениями экономическими, имущественными, тесно связаны с тем, что один из субъектов не имеет возможности по определенным обстоятельствам рассчитаться с контрагентами по своим долгам, что в дальнейшем вызывает у последних право требования исполнения обязательств.

За последние годы количество банкротных дел возросло. Если сравнить 2020 и 2021 гг., то количество банкротств физических граждан выросло: 2020 г. — 99 300 чел., 2021 г. — 192 833 чел. Количество поданных исков: 2021 год — 6835 и 2022 — 7259 [4].

Контролирующее должнфзка лицо — это субъект гражданских правоотношений (физическое лицо), который несет ответственность по обязательствам основного должника своим личным имуществом и имущественными правами при невозможности удовлетворения требований кредиторов в полном объеме. В данной ситуации контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности. Взяв на себя определенные обязательства, должник рассчитывает получить компенсацию согласно условиям, указанным в соглашении, заключенном с контрагентом. Последний рассчитывает и предполагает, что его право не будет нарушено, но должник претерпевает неблагоприятные последствия (либо намеренно преследует такую цель, либо в силу финансовых проблем), и, как следствие, наступают неотвратимые последствия в виде обязательного элемента, такого как юридическая ответственность.

Важным фактором для займодателя является возможность наказания должника, что, в свою очередь, имеет большое значение в достижении справедливого баланса интересов между субъектами та-

ких правоотношений. Авторы рассматривают субсидиарную ответственность, выступающую в качестве дополнения к ответственности, которую несет основной правонарушитель перед потерпевшим лицом. Субсидиарная ответственность выполняет своего рода компенсаторную функцию, что определяет ее специфику. Она направлена на восполнение ущерба, нанесенного главным виновником, в соответствии с размером обязательств, которые не были выполнены первым лицом, либо вреда, причиненного им потерпевшему. Включение положений о дополнительной ответственности в действующее законодательство требует доработки. Положения о дополнительной ответственности, прописанные в нормативных документах о юридических лицах, остаются бессистемными и оставляют много вопросов теоретического, практического свойства. Первостепенное значение для любых отношений, безусловно, имеет Конституция РФ [1] как акт высшей юридической силы любой системы права.

Помимо этого, изучены нормы Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5, с.128], важнейшие нормы корпоративного законодательства. Ввиду того, что нормы права не детализированы, истцу крайне сложно доказать виновность ответчика. Поэтому практика в отношении каждой конкретной ситуации является весьма неоднозначной. И часто у истца есть только косвенные доказательства. Из-за этого, необходимо более детальное правовое регулирование данного вопроса, так как на практике встречается немало вопросов относительно его отдельных положений.

Одним из важных показателей виновности контролирующего лица является действия в ущерб интересам организации. К таким действиям можно отнести: «обезличивание» финансовых активов со счета организации; заключение договоров без цели исполнения обязательств; неподача прошения о признании организации банкротом; самоликвидация без уведомления заимодавцев; создание «аффилированных» организаций. Так, на практике довольно часто встречаются случаи, когда создаются несколько взаимосвязанных организаций для «отмыкания» денег.

Приведем пример из решений суда. Истец подал иск в суд с целью взыскания с контролирующих лиц субсидиарной ответственности. Истец считает, что поскольку руководитель ООО «ТИТАН», как представитель указанного юридического лица, отвечающий за ведение бухучета и сдачу отчетности, не мог не знать о непредставлении необходимых документов в налоговые органы.

Таким образом, ответчиком Ивановым С.В. «выводились активы» Должника на аффилированную «зеркальную» компанию – ООО «Титан» в целях дальнейшей невозможности оплаты добросовестным контрагентам. Между двумя Обществами с одним и тем же названием «Титан» имелись не только определенные деловые отношения, но и согласованные действия по выводу финансов в целях дальнейшей неспособности выполнить обязательства. Директором ООО «Титан» — Ивановым Станисла-

вом Вячеславовичем — должником, знающим о подтвержденной задолженности Общества перед ООО «КаргоТраст», средства на погашение долгов истцу не направлял, на протяжении всего периода функционирования Общества выводились активы должника в целях дальнейшей невозможности погашения долга.

Ответчик, продолжая фактически руководить Обществом, умышленно в целях ухода от погашения задолженности не сдавал отчетность, зная о подтвержденном долге ООО «КаргоТраст», действуя в сговоре с аффилированными лицами, принимал противоправные меры по выводу денежных средств в обход исполнительного документа, то есть действовал недобросовестно и неразумно.

Иванов Станислав Вячеславович объективно знал и предполагал, что обязательства ООО «Титан» перед ООО «КаргоТраст» не будут исполнены. Заявление общества частично было удовлетворено (Решение Арбитражного суда г. Москвы (согласно определению Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-118813/21-189-918 от 03.03.2022 года [2, с.2]).

Как мы видим, процедура взыскания субсидиарной ответственности происходит через поиск косвенных доказательств, которые в совокупности могут повлиять на исход дела, поэтому судам необходимо учитывать отсутствие прямых доказательств аффилированности организаций. Важнейшим свойством судебного решения является исполнимость. Под ней подразумевается возможность принудительного исполнения подтвержденного судом требования (притязания).

В целом несение ответственности связанными лицами за свои противоправные действия также можно отнести к негативным последствиям аффилированности [3, с.132].

Суть привлечения к субсидиарной ответственности состоит в непосредственном фактическом удовлетворении требований кредитора, а не формальное получение решения суда. Кредитору выдается исполнительный лист, который он передает в Федеральную службу для исполнения решения суда.

Законодательство нуждается в более детальной разработке, потому что основной целью кредитора является не формальное решение суда, а его непосредственное исполнение. Практика показывает, что взыскание с должников присужденных сумм является крайне сложным процессом. Большая часть кредиторов так и не получает положенное, хотя формально имеется вердикт суда. А еще не стоит забывать о сложности самой процедуры привлечения к субсидиарной ответственности.

В ситуации субсидиарной ответственности требуется каждый раз устанавливать факт противоправности конкретных действий причинителя, что может выражаться, к примеру, в нарушении конкретной должностной обязанности, несоблюдении корпоративного законодательства о согласовании сделок.

Особое внимание необходимо обратить на непосредственное исполнение судебного постановления в рамках исполнительного производства, так как

трудности возникают как на стадии рассмотрения заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, так и после принятия положительного решения.

Трудности привлечения к субсидиарной ответственности кроются в абстрактном характере правовых норм, отсутствии единого законодательства, распространением в последние года банкротства организаций. На самом деле очень просто понять, что ты — человек. Это очень хорошо. Потому что осознание себя как личности, а не как животного, дает нам возможность быть лучше, чем мы есть, и развивать в себе качества, которые отличают нас от братьев наших меньших.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-118813/21-189-918 от 03.03.2022 года // СПС «КонсультантПлюс».
3. Петрова А. Э. Типология правовых последствий аффилированности лиц // Вестник науки. 2021. №6-1 (39). С. 129-134.
4. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2022 // Официальный сайт Федресурса. [Электронный ресурс].
5. Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета». 2002. № 209-210.

Features of bringing responsibility to persons controlling the debtor

Kivlenok T.V., Momotova A..

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

In practice, there are often situations in which obligations are not fulfilled properly, which leads to the infringement of legal rights. Infringement of legal rights, the occurrence of which is associated with illegal actions (inaction) of the CDL, leads to the emergence of protective legal relations, from which follows the right to demand compensation for damage caused, as well as the corresponding obligation of the CDL to compensate for damage in the event of insufficiency of the debtor's property.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, creditors, debtors.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.
2. Determination of the Arbitration Court of Moscow in case No. A40-118813 / 21-189-918 dated 03.03.2022 // SPS "ConsultantPlus".
3. Petrova A.E. Typology of legal consequences of affiliation of persons // Bulletin of Science. 2021. No. 6-1 (39). P. 129-134.
4. Statistical Bulletin of Fedresurs on Bankruptcy 2022 // Official website of Fedresurs. [Electronic resource].
5. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" // "Rossiyskaya Gazeta". 2002. No. 209-210.

Этические и правовые аспекты использования синтетических данных в обучении искусственного интеллекта

Чумаченко Василий Андреевич

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
chumach1999@mail.ru

В статье рассматриваются особенности регулирования искусственного интеллекта (ИИ) и его обучения на синтетических данных. Анализируются существующие правовые акты, в том числе российские и европейские нормы, и выявляется недостаточность правового регулирования в области синтетических данных. Особое внимание уделяется рискам, связанным с дискриминацией и предвзятостью алгоритмов ИИ, возникающим в процессе автоматизированного принятия решений. Рассматриваются примеры некорректного использования ИИ, включая дискриминационные практики в сфере трудоустройства. Авторы подчеркивают необходимость создания комплексной нормативно-правовой базы, включающей четкое определение синтетических данных, требования к прозрачности алгоритмов, меры по предотвращению дискриминации и механизмы ответственности разработчиков. Предлагаемые меры направлены на достижение баланса между развитием технологий и защитой прав человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, синтетические данные, машинное обучение, правовое регулирование, дискриминация.

Зарубежные законодатели определяют искусственный интеллект в первую очередь через методы машинного и глубокого обучения. Эти подходы рассматриваются как ключевые для разработки программного обеспечения, способного генерировать контент, прогнозы, рекомендации или решения, адаптированные к поставленным целям и влияющие на окружающую среду [3]. В настоящее время регулирование технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) является одной из самых острых тем.

Это обусловлено тем, что за последние годы во всем мире внедрено множество инициатив в этой области, и Россия активно участвует в этом процессе. В стране действует Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой ИИ определен как одна из ключевых «сквозных цифровых технологий», а также принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В настоящее время реализуются новые инициативы и обновляется законодательная база, однако вне зависимости от этого государство не успевает участвовать в регулировании всех сфер. Не исключением является и регулирование обучения ИИ, в процессе которого используются различные набор данных, как специально собранных, так и сгенерированных искусственно.

Синтетические данные представляют собой искусственные данные, имитирующие наблюдения реального мира и используемые для подготовки моделей машинного обучения, в том числе обучения искусственного интеллекта [2]. Создаются такие данные при помощи алгоритмов вычислений и моделирования, основанных на технологиях генеративного искусственного интеллекта.

При этом, несмотря на то, что такие данные уже активно используются в научно-техническом развитии, их нормативно-правовое регулирование является поверхностным, в частности, базовый закон, регламентирующий создание и использование информации (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]) не выделяет какой-либо специфики синтетических данных и не устанавливает в отношении них особый правовой режим. Также в законе отсутствует понятие «синтетическая информация», либо любые другие понятия, из которых можно вывести понятие синтетических данных. Исходя из текущего регулирования, оборот таких данных подпадает под общие правила

создания и использования информационных продуктов. Стоит отметить, что также и в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) нет разделения на синтетические и иные базы данных. В соответствии со статьей 1260 ГК РФ базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ), и никакого дополнительного упоминания синтетических данных в законе не приводится [1].

Таким образом, вне специального правового регулирования остаются важнейшие особенности использования синтетической информации, в том числе те, которые являются основными для синтетических данных, а именно вопросы обучения искусственного интеллекта, который приобретает все большее значение в социально-экономических процессах.

Например, Э.В. Талапина отмечает, что «с распространением автоматизированной обработки данных, в особенности на базе технологий больших данных, возникла проблема дискриминации людей со стороны искусственного интеллекта. Вторгаясь в существующее правовое поле, искусственный интеллект затрагивает целый спектр имеющихся норм (защита данных, транспарентность, информационное самоопределение), а также создает новые риски принятия ошибочных решений в отношении конкретных лиц, в основе которых часто лежит дискриминация» [5]. Это также подтверждает Э. Фаллетти своими доводами по части существующих предубеждений и дискриминации в алгоритмах систем автоматизированного принятия решений [6].

Одним из примеров дискриминации приводят Ю.С. Харитонов и В.С. Савина: «в 2018 году нашумевшим делом в отношении нарушения трудовых прав и дискриминации женщин стала история с Amazon. Специалисты по машинному обучению компании Amazon.com Inc обнаружили серьезную проблему: их новый механизм рекрутинга «не любил» женщин. Самообучаемая система Amazon проанализировала введенные данные о принятых ранее на различные позиции кандидатах и «научилась» тому, что кандидаты-мужчины предпочтительнее. Amazon была вынуждена отменить применение алгоритмов искусственного интеллекта для подбора персонала, который продемонстрировал предвзятое отношение к женщинам. В то же время этот критерий отбора не был намеренно встроен в систему; он стал результатом машинного обучения. Такое видение программы возникло именно в результате статистики по найму мужчин и женщин, которой компания располагала на момент обучения» [7].

Иными словами, получается следующая модель: в компании изначально количество работников мужского пола превышало количество работников женского пола, что было обусловлено не тем, что работ-

ники-мужчины «лучше», а тем, что функции большинства работников более присущи именно работникам-мужчинам. Можно усилить данный пример и представить в качестве организации-объекта промышленное производственное предприятие, где в основном необходим тяжелый физический труд. Однако, в отношении определенной части рабочих мест пол кандидата не имеет значения. Вместе с тем, из анализа кадровой структуры искусственный интеллект делает ошибочный, дискриминационный вывод о том, что работники-мужчины априори предпочтительнее женщин. При этом содержание синтетических данных, которые использовались при изучении искусственного интеллекта, непрозрачны, иные лица, кроме субъекта, который осуществлял обучение, не осведомлены о том, какие именно синтетические данные были использованы, «знал» ли искусственный интеллект, что критерии, которые применяются при выборе кандидата на тяжелую физическую работу, не совпадают с критериями отбора «белых воротничков».

Следовательно, не только алгоритмы принятия решений, но и алгоритмы обучения искусственного интеллекта неочевидны, и во многом зависят от того, кто именно осуществляет его обучение, зачастую искусственный интеллект использует в качестве своего рода «эталона» изначально ошибочные или неверно воспринятые сведения. На текущий момент, этот «эталон» может полностью зависеть от создателей определенного искусственного интеллекта, соответственно и синтетические данные будут сгенерированы по изначально предвзятому образцу, что лишь усугубляет и без того острую проблему дискриминации данных при обучении искусственного интеллекта.

Аналогичные проблемы могут возникнуть и при внедрении искусственного интеллекта в различных сферах жизни, в том числе и в правоприменительной деятельности, например, для оценки достоверности показаний участников судопроизводства. На сегодняшний день не существует гарантии, что у искусственного интеллекта на основании математического анализа (например, основываясь на данных, что большинство подсудимых, отрицающих свою вину, говорит «неправду») не выработается пресловутый «обвинительный уклон» при вынесении решений.

Стоит отметить, что в 2021 представителями бизнеса в рамках Альянса в сфере искусственного интеллекта в РФ был разработан и принят «Кодекс этики в сфере общественного интеллекта» (далее – Кодекс), однако участие является добровольным, хоть и на текущий момент у Кодекса более 800 подписантов, а также есть специальная Комиссия и наблюдатели [8]. В Кодексе отражены основные принципы, которые стоило бы учитывать при разработке нормативного регулирования ИИ в РФ, в том числе принципы, которые были бы актуальными и для синтетических данных, а именно соответствия закону, недискриминации, а также основные принципы ответственности при создании и использовании ИИ.

По пути частичного законодательного урегулирования пошел Европейский союз. В апреле 2021 года

Европейская комиссия, обладая исключительным правом на законодательные инициативы в Европейском Союзе, предложила новый проект регламента ЕС, цель которого — установление общих норм для сферы искусственного интеллекта [9]. Данный регламент (также известен как Закон об искусственном интеллекте или Закон об ИИ) является законодательным актом Европейского союза, регулирующим использование искусственного интеллекта. Европейским парламентом он был утвержден 13 марта 2024 года, а Советом ЕС — 21 мая этого же года. В соответствии с текстом данного Закона об ИИ, поставщики моделей ИИ общего назначения должны предоставлять техническую документацию, инструкции по использованию, соблюдать Директиву об авторских правах и публиковать резюме о содержании данных, которые использовались для обучения. При этом, в тексте Закона об ИИ также довольно мало внимания уделяется вопросам регулирования процессов обучения и сбора данных.

Подводя итог, стоит отметить, проблема регулирования синтетических данных приобретает стратегическое значение в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Недостаток специальных правовых норм создает риски, связанные как с дискриминацией и предвзятостью в алгоритмах, так и с непрозрачностью использования данных для обучения искусственного интеллекта.

В целях минимизации подобных рисков необходимо разработать комплексное правовое регулирование, которое учитывало бы следующие аспекты:

- Четкое определение синтетических данных и установление их правового статуса;
- Требования к прозрачности алгоритмов и данных, используемых для обучения искусственного интеллекта;
- Меры по недопущению дискриминационных практик, включая аудит синтетических данных и алгоритмов;
- Введение механизма ответственности разработчиков и операторов за последствия использования синтетических данных в процессе обучения.

Разработка такой нормативно-правовой базы позволит обеспечить баланс между инновационным развитием и защитой прав и свобод человека, создавая условия для более справедливого и безопасного применения технологий искусственного интеллекта.

Литература

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.08.2024) // СПС «Консультант Плюс».
3. Архипов В.В., Грачёва А.В., Наумов В.Б., Полякова Т.А., Минбалаев А.В. Определение искусственного интеллекта в контексте российской правовой системы: критический подход // Государство и Право. - 2022. - №1. - С. 168-178. 1

4. Пчелинцев С.В. Метод создания синтетических наборов данных для обучения нейросетевых моделей распознаванию объектов // Информационно-управляющие системы. – 2022. - № 4. – С. 144-148.

5. Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. - № 6. – С. 229.

6. Фаллети Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // Journal of digital technologies and law. 2023. №2. С. 387-420.

7. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. - № 5. – С. 38-44.

8. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // СПС «Консультант Плюс».

9. EU Artificial Intelligence Act URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 11.11.2024).

Ethical and Legal Aspects of Using Synthetic Data in Artificial Intelligence Training

Chumachenko V.A.

St. Petersburg State University
The article examines the specifics of regulating artificial intelligence (AI) and its training on synthetic data. The existing legal acts, including Russian and European standards, are analyzed, and the inadequacy of legal regulation in the field of synthetic data is revealed. Particular attention is paid to the risks associated with discrimination and bias in AI algorithms that arise in the process of automated decision-making. Examples of incorrect use of AI are considered, including discriminatory practices in the field of employment. The authors emphasize the need to create a comprehensive regulatory framework that includes a clear definition of synthetic data, requirements for the transparency of algorithms, measures to prevent discrimination, and mechanisms for the responsibility of developers. The proposed measures are aimed at achieving a balance between the development of technology and the protection of human rights.

Keywords: artificial intelligence, synthetic data, machine learning, legal regulation, discrimination.

References

1. "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 22.07.2024) // SPS "Consultant Plus".
2. Federal Law dated 27.07.2006 N 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on 08.08.2024) // SPS "Consultant Plus".
3. Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B., Polyakova T.A., Minbalaev A.V. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // State and Law. - 2022. - No. 1. - P. 168-178. 1
4. Pchelintsev S.V. Method for creating synthetic datasets for training neural network models to recognize objects // Information control systems. - 2022. - No. 4. - P. 144-148.
5. Talapina E.V. Data processing using artificial intelligence and the risks of discrimination // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2022. - No. 6. - P. 229.
6. Falleti E. Algorithmic discrimination and protection of privacy // Journal of digital technologies and law. 2023. No. 2. P. 387-420.

7. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Bias in artificial intelligence algorithms: issues of ethics and law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2021. - No. 5. - P. 38-44.
8. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence // SPS "Consultant Plus". 9. EU Artificial Intelligence Act URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (date of access: 11.11.2024).

Методологические подходы установления сходства и однородности при определении смешения товарных знаков

Яхаева Анна Петровна

аспирант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, vetlawyer@mail.ru

В работе исследуются нормативно-правовые основы, доктринальные подходы и складывающаяся практика правоприменения в отношении вопроса об установлении смешения товарных знаков в условиях отмены ранее действовавших методических подходов в данной сфере правоотношений. В процессе исследования делается вывод о том, что на сегодняшний день система отношений в сфере интеллектуальной собственности обременена некоторыми сложностями, вызванными отсутствием однозначных и унифицированных методологических подходов, которые бы позволили установить общие принципы установления тождества или сходства товарных знаков, порядок и основания выявления взаимосвязи между признаками спорных знаков, а также иные обстоятельства, которые так или иначе могут влиять на их фактическое смешение.

Вследствие этого практика правоприменения сталкивается с формированием новых судебных подходов, которые зачастую нарушают реальные права и интересы лиц, которые намериваются зарегистрировать товарный знак, а также позволяют неправомерно злоупотреблять монополистическим положением для тех субъектов гражданского оборота, которые уже зарегистрировали товарные знаки с общеупотребительными словесными, визуальными или иными элементами.

Помимо необходимости разработки новых методологических подходов автором акцентируется внимание на возможность и перспективность интеграции в действующее гражданское законодательство возможности заключения между сторонами соглашения о взаимном правообладании товарным знаком в целом или отдельных его частей (долей), что в конечном итоге позволит минимизировать случаи отказа в регистрации товарных знаков, которые схожи или вовсе почти однородны с уже действующими.

Ключевые слова: сходство, однородность, смешение, степень смешения, товарный знак, методология, интеллектуальные права.

Введение

В современной парадигме регулирования гражданско-правовых отношений на стыке интеллектуальных прав и интересов правообладателей, крайне актуальным вопросом остаётся правоприменение правовых конструкций по типу «тождественность», «однородность» или же «сходность до степени смешения» применительно к товарным знакам. Действующее гражданское законодательство и правовые основы регулирования исключительных, а также иных интеллектуальных прав, к сожалению, не позволяют однозначно содержательно наполнить отмеченные понятия.

В конечном итоге на практике это выражается в расширительном толковании и правоприменении, нарушая не только права лица, которому отказывают в регистрации товарного знака, но и порой создавая легальные основания для злоупотреблений со стороны некоторых участников оборота, использующих уже зарегистрированные товарные знаки с некоторой степенью их смешения.

Данное исследование призвано исследовать существующие правовые, в том числе методологические подходы к установлению сходства и однородности товарных знаков регистрационными органами, а также такими судебными органами в рамках судебных разбирательств.

Материалы и методы исследований

Основа исследования представлена материалами судебной и иной практики гражданского оборота, в том числе такими данными о процедурах регистрации товарных знаков, в которых прослеживается проблематика однозначного определения факта смешения товарных знаков. Методология исследования представлена следующей совокупностью методов: обобщение; конкретизация; сравнение; контент-анализа; системного анализа эмпирических данных; сравнительно-правовой; догматический; формальный; юридической герменевтики; анализ; синтез и другие.

Результаты исследования и обсуждения

На сегодняшний день рассмотрение вопроса о регламентации правовых основ, которые бы однозначно установили правовые основания, механизм или хотя бы принципы для определения тождественности или однородности товарных знаков до степени их смешения, является как никогда актуальным в связи с уходом немалого количества зарубежных компаний с российского рынка.

Пользуясь соответствующим обстоятельством, российские хозяйствующие субъекты стали активно

регистрировать товарные знаки, крайне похожие на ушедшие из России бренды. К примеру, после ухода с российского рынка компании «McDonalds» стали появляться товарные знаки со схожей стилистикой, шрифтом, узнаваемой цветовой палитрой. Это также коснулось и других товарных знаков включая компанию «Ikea», в отношении которого в аналогичной стилистике стали разрабатываться знаки по типу «Idea» или «Чижикея» [12].

Как отмечают правоведы-эксперты в области интеллектуального законодательства, на сегодняшний день эта проблема усугубляется не только ослаблением процессуальной ориентированности регистрационных и судебных органов на защиту зарубежных компаний в связи с особой геополитической обстановкой в России, но и также отсутствием унифицированной методики для определения недобросовестной конкуренции в виде использования чужих товарных знаков, которые либо смежны по своему виду и стилистике, либо очень схожи, тем самым вызывая у потребителей некие ассоциации к первоначальному товарному знаку и бренду его владельца. Как показывает практика, для решения данного вопроса суд может использовать экспертизу, в ходе которой провести опрос среди потребителей для выявления у них ассоциативных связей между спорными товарными знаками [11].

Так что же говорит закон по рассматриваемому вопросу? Из ч.2 и ч.4 ст. 1483 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) следует, что в России не допускается регистрация новых товарных знаков, которые по своему внешнему виду сходны до степени смешения с другими товарными знаками, а равно с теми объектами, которые согласно законодательству (ч.4 ст. 1483 и ст. 1231.1 ГК РФ) не могут быть взяты за основу для создания частного товарного знака.

В последнем случае речь идёт о создании товарного знака, которые сочетает в себе все или некоторые элементы государственной символики, названия, символы и знаки международно-публичных учреждений и образований, а также отличительные особенности, свойственные официальным наградам, печатей и клейм [1].

Таким образом, запрет на смешение товарных знаков может быть абсолютным (ст. 1231.1 ГК РФ) и относительным (ст. 1483 ГК РФ), где в первом случае абсолютный запрет вызван необходимостью обеспечения защиты публично-правовых интересов, а также основан на соответствующей длительности и перманентности защиты государственной и международной символики, а во втором случае относительный запрет вызван действием правами и интересами первичных правообладателей товарного знака, на основе которого разрабатывается другой, который по отношению к нему внешне смежен [7, с. 11].

В связи с этим встаёт первый вопрос о том, что надлежит понимать под «смешением товарного знака»? Ведь ни ГК РФ, ни иными действующими правовыми основами содержание указанной правовой категории не определено, в связи с чем пред-

ставляется необходимым обратиться к доктринальным подходам. Так, исследователь И.П. Ларионов рассматривает данное понятие через призму ситуации, в которой в отношении товарного знака есть весомые обстоятельства полагать, что потребители могут вводиться в заблуждение путём принятия такого спорного знака за изначально оригинальный и в отношении которого уже ведётся административно-правовая защита [9, с. 83].

Говоря иными словами – ситуация, в которой имеются реальные или потенциальные основания полагать, что вторичный или вновь регистрируемый товарный знак будет схож с уже действующим брендом на рынке товаров, работ или услуг.

Достаточно смежный теоретический подход отражён в исследовании авторов Е.О. Световой и Т.Н. Халбаевой, отмечающих: «Сходным до степени смешения изображение считается в том случае, когда оно ассоциируется с другим, несмотря даже на их отдельные отличия. Главным критерием при этом является способность такого сходства ввести в заблуждение потребителей» [14, с. 136].

При этом практикующий юрист Д. Волков справедливо замечает, что следует чётко разграничивать сходство до степени смешения и тождественность товарного знака, ведь если в первом случае сходством предполагает использование смежных, но порой видоизменённых элементов первичного товарного знака во вторичном, в связи с чем хоть они и схожи, но всё же не идентичны, то во втором случае тождественность предполагает совпадение всех или большей части таких элементов во вторичном товарном знаке [8].

В этой связи формируется второй вопрос касательно того, какие критерии необходимо учитывать при определении смешения товарных знаков? Обычно, в экспертной среде выделяют следующие аспекты, которые позволяют подтвердить смешение товарного знака с другим:

- наличие общих словесных конструкций или отдельных словесных элементов;
- общий смысл или концепция, заложенные в товарный знак;
- схожая визуальная составляющая (цветовое сочетание; формы и шрифты; размеры визуальных элементов; роли отдельных элементов в пространстве товарного знака и т.п.);
- аналогичная или схожая фонетическая составляющая знака (вхождение одного звука в целое звуковое обозначение; близость звуков; совпадающие звуки; совпадающие ударения, а также число звукосочетаний, которые совпадают между собой и т.п.) [10].

Однако необходимо понимать, что в каждом конкретном случае определение критериев и основания для установления смешения товарных знаков – вопрос, который разрешается в рамках экспертизы и правоприменительного усмотрения судьи по каждому индивидуально рассматриваемому делу, в связи с чем на практике нередко возникают сложности к определению методологических подходов установления сходства и однородности.

Указанная проблематика усложняется также и тем, что ранее официально принятые Роспатентом и действовавшие методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство от 2009 [3] и 2018 [2] годов были упразднены, а на сегодняшний день новые подходы разработаны и приняты не были, из-за чего складывается ситуация в которой ранее выработанные судебные подходы, основанные на методических рекомендациях Роспатента от 2009 и 2018 годов, на современном этапе попросту не применимы, а ссылка на такие рекомендации – противоречит процессуальным правилам судебного разбирательства.

Из-за этого в фактически новом складываемом судебном подходе допускается чрезмерное правоприменительное усмотрение при определении смешения товарных знаков. К примеру, по делу №СИП-187/2018 прослеживается признание судом законности отказа в регистрации товарного знака с наименованием «Русская здравница» поскольку на момент подачи регистрационного заявления уже был зарегистрирован знак «Русская водка» [6]. В таком случае критерием для определения смешения фактически выступило одно слово «Русская» даже несмотря на то, что другие элементы товарных знаков не соотносятся между собой, и, более того, отменённый в регистрации товарный знак намеривался применяться в иной сфере, не связанной с производством алкогольной продукции.

Подобный подход прослеживается и в другом деле, где на основе лишь сходства слова «Русский» отказано в регистрации товарного знака с наименованием «Многогранность русской души» [5]. Аналогичная практика встречается и по делам о смешении товарных знаков, в которых используется слово «Тульский». Так, лицу было отказано в регистрации товарного знака с наименованием «Тульская ягода» в связи с тем, что уже был зарегистрирован знак якобы со схожим названием «Тульский пряник» [4].

Существующая проблема необоснованного и столь широкого толкования при определении факта смешения товарных знаков как регистрационными органами, так и судебными инстанциями, имеет двойственную природу. Как и было отмечено прежде, во-первых, это отсутствие единого методологического подхода Роспатента для установления сходства и однородности, в связи с чем каждый субъект правоприменения применяет собственные подходы и принципы, порой противоречащие здравому смыслу.

Во-вторых, это отсутствие в действующем гражданском законодательстве возможности заключения между субъектами гражданского оборота соглашения о взаимном использовании товарного знака или отдельными его частями. К примеру, в большинстве стран Западной Европы практика активно применяется, что позволяет минимизировать случаи отказа в регистрации товарных знаков, которые схожи или вовсе почти однородны с уже действующими [13].

Выводы

Подводя итоги проведённому исследованию следует резюмировать, что на сегодняшний день система отношений в сфере интеллектуальной собственности обременена некоторыми сложностями, вызванными отсутствием однозначных и унифицированных методологических подходов, которые бы позволили установить общие принципы установления тождества или сходства товарных знаков, порядок и основания выявления взаимосвязи между признаками спорных знаков, а также иные обстоятельства, которые так или иначе могут влиять на их фактическое смешение.

Вследствие этого практика правоприменения сталкивается с формированием новых судебных подходов, которые зачастую нарушают реальные права и интересы лиц, которые намериваются зарегистрировать товарный знак, а также позволяют неправомерно злоупотреблять монополистическим положением для тех субъектов гражданского оборота, которые уже зарегистрировали товарные знаки с общеупотребительными словесными, визуальными или иными элементами.

Дальнейшее решение проблемы, как нам кажется, видится в комплексной разработке новых методических рекомендаций Роспатентом, и, более того, в интеграции в действующее гражданское законодательство возможности заключения между сторонами соглашения о взаимном правообладании и использовании товарного знака в целом или отдельных его частей (долей).

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. – 22.12.2006. – №289.
2. Приказ Роспатента от 24.07.2018 №128 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304256/a75c554c55dc20bdb39659e92b69b8e307a017af/ (дата обращения: 28.01.2025).
3. Приказ Роспатента от 31.12.2009 №197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» (утратил силу) // Консорциум Кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902292200?section=text> (дата обращения: 28.01.2025).
4. Решение Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2021 по делу № СИП714/2020 // КАД арбитра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3G6UG9> (дата обращения: 29.01.2025).
5. Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.10.2019 по делу №СИП359/2019 // КАД арбитра

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3G6TzC> (дата обращения: 29.01.2025).

6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2019 по делу №СИП187/2018 // КАД арбитр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3G6Tpu> (дата обращения: 29.01.2025).

7. Бутенко С.В. Введение потребителя в заблуждение как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку: дисс. канд. юр. наук: 12.00.03 / С.В. Бутенко; [Рос. гос. акад. интеллект. собственности]. – Москва, 2013. – 212 с.

8. Волков Д. Сходство до степени смешения: что это значит и как проверить свой товарный знак / Д. Волков // Гардиум. – 2023. – №7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/gardium/guide/shozhest-do-stepeni-smesheniya-chto-eto/> (дата обращения: 28.01.2025).

9. Ларионов И.П. Особенности определения степени смешения товарных знаков / И. П. Ларионов // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 2А. – С. 81–86.

10. Ларионов, И.П. К вопросу о средней степени смешения товарных знаков / И.П. Ларионов // Юридическая наука. – 2022. – №1. – С. 56–58.

11. «Не подкупает, но смешно». «Чижик» запустил в Челябинске бренд с похожим на «Икею» названием, что продают под ним // СМИ «MGORSK» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgorsk.ru/text/business/2025/01/30/75041972/> (дата обращения: 27.01.2025).

12. Позиция Роспатента касательно рассмотрения заявок на обозначения сходные до степени смешения с товарными знаками иностранных заявителей // Сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/poziciya-gospatenta-01042022> (дата обращения: 27.01.2025).

13. «Размытие» товарного знака, творческий вклад и другие проблемы «интеллектуалки» // Право.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/237990/> (дата обращения: 30.01.2025).

14. Световая, Е. О. Сходство до степени смешения товарных знаков / Е.О. Световая, Т.Н. Халбаева // Молодёжная наука: сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 30 декабря 2020 года. Том 2. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 135–138.

Methodological approaches for establishing similarity and uniformity in the definition of trademark confusion

Yakhaeva A.P.

Kutafin Moscow state law university

The paper examines the regulatory framework, doctrinal approaches and the emerging practice of law enforcement in relation to the issue of establishing trademark confusion in the context of the abolition of previously existing methodological approaches in this area of legal relations. In the course of the research, it is concluded that today the system of relations in the field of intellectual property is

burdened with some difficulties caused by the lack of unambiguous and unified methodological approaches that would allow us to establish general principles for establishing the identity or similarity of trademarks, the procedure and grounds for identifying the relationship between the signs of disputed marks, as well as other circumstances that or else they may affect their actual mixing.

As a result, the practice of law enforcement is faced with the formation of new judicial approaches, which often violate the real rights and interests of persons who intend to register a trademark, and also allow the unlawful abuse of a monopolistic position for those subjects of civil turnover who have already registered trademarks with commonly used verbal, visual or other elements.

In addition to the need to develop new methodological approaches, the author focuses on the possibility and prospects of integrating into the current civil legislation the possibility of concluding an agreement between the parties on mutual ownership of a trademark as a whole or its individual parts (shares), which ultimately will minimize cases of refusal to register trademarks that are similar or even almost homogeneous with existing ones.

Keywords: similarity, uniformity, mixing, degree of mixing, trademark, methodology, intellectual property rights.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ (as amended on 07/22/2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 22.12.2006. – №289.
2. Rospatent Order No. 128 dated July 24, 2018 "On Approval of the Guidelines for the Implementation of Administrative Procedures and Actions within the framework of the Provision of Public Services for the State Registration of a Trademark, Service Mark, Collective Mark and the Issuance of Certificates for a Trademark, Service Mark, Collective Mark, and their Duplicates" (expired) // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304256/a75c554c55dc20bdb39659e92b69b8e307a017af/ (date of access: 28.01.2025).
3. Rospatent Order No. 197 dated 12/31/2009 "On approval of Methodological recommendations for checking declared designations for identity and similarity" (expired) // Consortium Codex [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/902292200?section=text> (date of appeal: 01/28/2025).
4. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 10/21/2021 in case no. CIP714/2020 // KAD Arbitr [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3G6UG9> (date of request: 29.01.2025).
5. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 02.10.2019 in case no. CIP359/2019 // KAD Arbitr [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3G6TzC> (date of appeal: 01/29/2025).
6. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 01/18/2019 in case no. CIP187/2018 // KAD Arbitr [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3G6Tpu> (date of request: 29.01.2025).
7. Butenko, S.V. Misleading the consumer as an absolute ground for refusing to grant legal protection to a trademark: dissertation of the Candidate of Law: 12.00.03 / S.V. Butenko; [Russian State Academy of Sciences. intelligence. ownership]. – Moscow, 2013. 212 p.
8. Volkov D. Confusingly similar: what it means and how to verify your trademark / D. Volkov // Guardian. – 2023. – No. 7. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/gardium/guide/shozhest-do-stepeni-smesheniya-chto-eto/> (date of access: 28.01.2025).

9. Larionov I.P. Peculiarities of determining the degree of trademark confusion / I. P. Larionov // Issues of Russian and international law. – 2022. – Vol. 12, No. 2A. – pp. 81-86.
10. Larionov, I.P. On the issue of the average degree of mixing of trademarks / I.P. Larionov // Legal Science. – 2022. – No. 1. – pp. 56-58.
11. "Not captivating, but funny." Chizhik launched a brand in Chelyabinsk with a name similar to Ikea, which is sold under it // Mass media "MGORSK" [Electronic resource]. – Access mode: <https://mgorsk.ru/text/business/2025/01/30/75041972> / (date of access: 01/27/2025).
12. Rospatent's position regarding the consideration of applications for designations confusingly similar to the trademarks of foreign applicants // Website of the Federal Service for Intellectual Property [Electronic resource]. – Access mode: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/poziciya-rospatenta-01042022> (date of reference: 01/27/2025).
13. "Blurring" of the trademark, creative contribution and other problems of the "intellectual" // Pravo.<url> [Electronic resource]. – Access mode: <https://pravo.ru/story/237990/> / (date of access: 30.01.2025).
14. Svetovaya, E.O. Similarity to the degree of confusion of trademarks / E.O. Svetovaya, T.N. Khalbaeva // Youth science: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference: at 2 a.m., Penza, December 30, 2020. Volume 2. Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.), 2020, pp. 135-138.

К вопросу о классификации противоправной информации

Азаров Михаил Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Azarov.MS@rea.ru

Настоящая статья является продолжением авторской статьи «Основания классификации противоправной информации, опубликованной в журнале «Закон и власть» № 6 2024 года. В статье рассматриваются основания разграничения противоправной информации, являющиеся дискуссионными, в частности, речь идет о разделении противоправной информации на причиняющую вред публичным интересам и ориентированную на нанесение вреда отдельным субъектам; на предполагающую обязательное нанесение ей вреда, то есть объективно вредоносную, и ту, вред от использования которой может в ряде случаев не последовать, то есть потенциально вредоносную; в зависимости от типа объекта, который в первую очередь подвергается или может подвергнуться разрушительному воздействию негативной информации. Также автором рассматривается классификация распространяемой противоправной информации в зависимости от характера аудитории, в отношении которой она распространяется, что может представлять некоторый интерес для правоприменителя.

В качестве своеобразного промежуточного итога рассмотрения заявленной темы, автором предлагается собственная классификация противоправной информации в зависимости от компонентов индивидуального здоровья личности, на которые воздействует противоправная информация различных видов. Указанный критерий и соответствующее разделение вредоносной в своей основе информации могут представлять определенную ценность для теории публичного права, поскольку они предполагают опору на медицинские и психологические исследования (полученные знания в этой сфере), а значит в полной мере ориентированы на решаемую задачу охраны высших конституционных ценностей — жизни и здоровья человека.

Ключевые слова: противоправная информация; классификация противоправной информации; вред публичным интересам; распространение информации; вредоносная информация; информационные угрозы; массовая информация; компоненты здоровья личности.

Учитывая, что настоящая статья является продолжением авторской статьи, опубликованной в конце 2024 года [1], продолжим рассматривать основания классификации противоправной информации.

Заметим, что далеко не все на первый взгляд уместные классификации так называемой противоправной информации, в действительности являются таковыми. Приведем примеры.

В частности, это происходит в том случае, когда в качестве основания для разграничения видов противоправной информации используется **объективный критерий**. А именно, когда пытаются разделить противоправную информацию, циркулирующую оффлайн и в сети Интернет, на **причиняющую вред публичным интересам и ориентированную на нанесение некоторого вреда отдельным субъектам**.

Зададимся следующим вопросом. Является ли распространение детской и подростковой порнографии (ст. 242.1 УК РФ; ст. 6.20 КоАП РФ) нанесением вреда публичным интересам или же интересам отдельного, по итогу пострадавшего субъекта?

Для того, чтобы распространить такие порнографические материалы, их, очевидно, необходимо изготовить. В процессе их изготовления также, очевидно, совершается преступление, в ходе реализации которого нарушаются права несовершеннолетних (ст. 242.2 УК РФ; наносится «удар» по здоровью ребенка, его половой неприкосновенности; подрывается неприкосновенность частной жизни ребенка; нарушается конфиденциальность его персональных данных и прочее) и их родителей (подрывается их психическое, а, как следствие, и физическое здоровье). В этой связи, акт распространения порнографических материалов представляет собой не просто демонстрацию самой по себе противоправной информации (поскольку это материалы откровенно сексуального характера с участием несовершеннолетних, нередко сопряженные со сценами насилия), но и пропаганду преступного пути, публичную демонстрацию того факта, что информация подобного содержания оказалась в сети Интернет, что существует тот, кто стоит за генерацией подобного контента и на данный момент времени он неуязвим. Поэтому существование такого рода информации в публичном поле — вредит непосредственно публичным интересам, интересам всех членов общества.

То, что эта информация может быть доступна только в Даркнете, не делает ее непубличной. Качества публичности этой информации придает не среда ее распространения (общедоступный или «скрытый» Интернет), а то, на какой круг потребителей она рассчитана. Если она распространяется среди двух и более лиц (пусть доступ к ней и осуществляется с помощью специальных программ),

если она может быть загружена двумя и более лицами (с какого-то портала), значит она носит публичный характер и наносит вред публичным интересам.

С другой стороны, в ходе распространения указанной информации, может быть нанесен непоправимый вред и отдельным субъектам. Даже в том случае, когда субъекты, выступающие акторами в непристойном видео, добровольно давали свое «согласие» на размещение соответствующего контента в сети Интернет, могут быть нарушены права несовершеннолетних граждан Российской Федерации, которым, в условиях распространения современных технологий, не составит большой сложности получить доступ к фривольному контенту.

Резюмируем, что существуют значительные массивы противоправной информации, которая одновременно затрагивает и публичные интересы, и права отдельных граждан, а, значит, объективный критерий и его ценность для науки и практики целесообразно поставить под сомнение.

В ряде случаев, предлагается **разделять противоправную информацию в зависимости от результата ее воздействия**. По этому критерию, информация делится на **предполагающую обязательное нанесение ею вреда («объективно вредоносную»)** и **ту, вред от использования которой в ряде случаев может не наступить («потенциально вредоносную»)**.

Проанализируем это основание деления.

Рассмотрим такие формы экстремизма в сфере идеологии, как их определил С.М. Кочои [2], как публичное оправдание терроризма и возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

К какому типу противоправной информации, в зависимости от результата ее воздействия, относятся перечисленные формы?

Что касается публичного оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ), то опасность этого вида информации состоит не только в том, что некий человек, на которого воздействует эта информация, впоследствии решится совершить террористический акт. Такая информация начинает разрушительно воздействовать на психику и сознание любого человека уже в тот момент, когда он согласится с допущением, что терроризм возможно рассматривать как один из вполне приемлемых способов достижения каких-либо целей, в случае если другие не сработали. В этом плане, акт публичного оправдания терроризма нацелен на своего рода переформатирование психики человека, на расшатывание основ этой психики, поскольку это лишь завуалированно выглядит как санкционирование радикализма в отношении какой-то группы населения (о чем в свое время говорил премьер-министр Российской Федерации В.В. Путин, [3]), в действительности же это прямой призыв лишить кого-то жизни, здоровья, его будущего ради достижения каких-то преступных целей. То есть речь идет о попрании прав граждан на жизнь и здоровье, которые согласно статье 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью [4]. Поэтому, исходя из вышесказанного, публичное оправдание терроризма — на первый

взгляд, объективно вредоносная информация, поскольку, соприкоснувшись с ней, человек вынужден будет как-то реагировать. Нормальный человек не сможет не отреагировать на информацию такого плана в русле строгого непринятия подобных практик. В силу своей радикальности, однозначности, экстремистской направленности эта деструктивная информация всегда нуждается в моментальной реакции со стороны сознания и психики любого человека, чтобы впоследствии не оставить на них следы.

Что касается возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ; ст. 282 УК РФ), то здесь все зависит от среды распространения того или иного материала. Если среда распространения такого контента предполагает ознакомление с ним множества лиц, тогда информация может подпадать под категорию объективно вредоносной. Но, вероятнее, что эта информация, являясь противоправной и запрещенной к распространению с точки зрения закона, при ее кратковременном воздействии на субъект, не причинит ему существенного вреда (что вовсе не меняет и не отменяет ее вредоносной сути).

Однако же, нельзя не отметить, что эффект от такой информации может, в ряде случаев, вызывать довольно тяжелые и долгосрочные общественно-политические девиации (с точки зрения психического благополучия того или иного общества и его членов по отдельности), когда, например, она транслируется регулярно с использованием традиционных СМИ. Пример — переформатированное сознание граждан некоторых сопредельных с Российской Федерацией государств, поколения которых возвращены в ненависти к России и всему русскому (речь идет о символах, которые могут быть ассоциированы с Россией).

Мы видим, что разделять противоправную информацию в зависимости от результата ее воздействия (наступит он или не наступит), не всегда оправдано.

Некоторые исследователи предпочитают опираться на **критерий в зависимости от объекта, который в первую очередь подвергается (может подвергнуться) негативному (разрушительному) воздействию негативной информации**. Речь идет об общественных и индивидуальных ценностях, в отношении которых подобная информация может оказывать наиболее вредное воздействие и которые наиболее уязвимы к нему.

Так, например, К.М. Богатырев [5] **классифицирует угрозы медиабезопасности в зависимости от смысловой направленности информационных продуктов, в которых находят выражение соответствующие угрозы:**

- угрозы экстремистского характера (например, радикальные религиозные течения и оскорбление чувств верующих);
- угрозы оккультного характера (например, тоталитарные секты);
- угрозы антивиталистского характера (например, скулшутинг/колумбайн или суицид, в том числе посредством групп смерти);

- угрозы личной безопасности (например, унижение чести и достоинства (диффамация), травля (буллинг) или кибергруминг);

- угрозы российской исторической памяти (например, фальсификация истории);

- угрозы аморального характера (например, анти-семейные ценности или ЛГБТ* [6]).

Со своей стороны заметим, что смысловая направленность редко когда бывает узкопредметной. К тому же следует разделять смыслы различных типов. Например, смысл, который вкладывают производители той или иной информационной продукции может существенно отличаться от того смысла, который будет воспринят потребителями этой продукции. Нет и гарантий того, что потребитель информационной продукции правильно воспримет даже, казалось бы, лежащий на поверхности смысл. Все будет упираться в образовательный и культурный уровень потребителя информации.

И раз уж речь зашла об информационных угрозах, скажем, что их, как правило, нельзя окрашивать каким-то одним цветом, ибо постоянно придется делать разнообразные оговорки. Например, медиапродукция радикальных и организованных религиозных течений (деятельность которых зачастую запрещена на территории Российской Федерации) может включать в себя элементы фальсификации российской истории или истории другой страны. Травля (буллинг) несовершеннолетнего в сети Интернет может быть нацелена на доведение этого несовершеннолетнего до суицида: в случае если такой суицид произойдет, чем это будет отличаться от желаемого результата деятельности организаторов групп смерти? Унижение чести и достоинства (диффамация) вполне может являться инструментом кибергруминга, осуществляемого в отношении лица, не достигшего совершеннолетия. Причем, акторами кибергруминга чаще всего являются лица, продвигающие антисемейную повестку и нередко наделенные сознанием сектанта. Цифровыми следами будущих скулшутеров могут быть оскорбления чувств верующих, оставленные ими в сети Интернет или же манифестация собственного превосходства над остальными, доведенная до всеобщего сведения (как, например, в деле казанского стрелка Ильназа Галявиева [7]).

Видно, что информационные угрозы (выраженные в противоправной информации) — категория достаточно ликвидная, не имеющая четких очертаний. Скорее мы можем говорить о наборе различных информационных угроз, которые актуализируются материалом, содержащим противоправную информацию, правда, далеко не всегда запрещенную к распространению с точки зрения действующего законодательства.

Более интересной и перспективной для правоприменителя, с нашей точки зрения, является **классификация распространяемой противоправной информации в зависимости от характера аудитории, на которую она распространяется.**

Здесь имеет смысл выделять, к примеру, **массовую противоправную информацию публичного распространения.** Это та информация, которая

производится непосредственно в местах массового скопления граждан (например, на митинге) и та, которая распространяется в сети Интернет и доступна всем. Не так важно, какое количество лиц потенциально может ознакомиться с подобной информацией, главное состоит в том, что она находится в открытом доступе и любой может ее скачать, открыть, послушать, посмотреть. Так же это может быть информация, распространяемая традиционными СМИ, но в силу усиленного контроля за их деятельностью со стороны государства, не так часто в традиционных СМИ распространяется однозначный вредоносный противоправный контент.

Другая разновидность противоправной информации в рамках рассматриваемого основания деления — **массовая противоправная информация непубличного распространения, рассчитанная на нишевую (ограниченную) аудиторию.** Она также может быть в своей сущности массовой (поскольку изначально предназначается многим ее подписантам), но не является в полном смысле этого слова публичной, поскольку доступна только подписчикам определенных групп, лицам, состоящим в различных комьюнити, или же направляется интересантам платно, посредством личного кабинета на портале, доступ в который осуществляется по паролю. Также эта информация может размещаться в Даркнете, на тайных форумах, и быть доступна только для «посвященных», которые знают, как зайти на соответствующие ресурсы. Внутри таких форумов, организованных по признаку специфического интереса его участников, может осуществляться экстремистская и террористическая вербовка, готовиться совершение каких-то преступлений, в том числе в отношении детей: кураторы преступных Интернет-сообществ пользуются людскими пороками.

И, наконец, существует **массовая противоправная информация непубличного распространения, рассчитанная на большую аудиторию** (например, спам, фишинговые ссылки и так далее).

Другой классификацией противоправной информации (являющейся авторской), которая может заслуживать интереса исследователей в области публичного права, является **классификация в зависимости от компонентов индивидуального здоровья личности, на которые может воздействовать противоправная информация различных видов.** Разумеется, здесь потребуются опора на медицинские и психологические научные знания (хотя бы в части выделения видов здоровья личности и их компонентов), тем не менее, в первом приближении можно обозначить такие **виды здоровья как психическое, физическое, духовное (нравственное) и социальное.**

Кратко рассмотрим каждый из видов в контексте воздействия на него противоправной информации.

Информация, оказывающая вредоносное воздействие на психическое здоровье человека.

Прежде чем классифицировать противоправную информацию по этому критерию, придется определить содержание понятий «психическое здоровье»,

«реакция на стресс», «психическая деятельность человека». Психические реакции человека на происходящие с ним события всегда индивидуальны, а, значит, индивидуальной будет и психическая реакция человека на конкретную противоправную информацию. Заметим, что в ряде случаев, неадекватная (нестандартная) психическая реакция может сопровождать знакомство человека с вполне безобидной и, в сущности, не противоправной информацией. С другой стороны, специфика воздействия входящей информации на психическое здоровье человека достаточно хорошо изучена с точки зрения науки, а потому опора на медицинские критерии и исследования (включая психологические) едва ли может быть признана некорректной при выстраивании перечня противоправной информации, могущего иметь правовое значение.

В принципе, противоправной информацией, посягающей на психическое здоровье человека, может являться та, которая разрушает «нормальное» течение его психической жизни (предназначенная порождать панические атаки, мысли о самоубийстве, нанесении себе повреждений и тому подобное).

Информация, использование которой оказывает вредоносное воздействие на физическое здоровье человека.

Приведем несколько примеров. Допустим, это может быть информация, нацеливающая гражданина на достижение «удовольствий», а в реальности приобщающая его к вредным привычкам, таким как употребление алкоголя и потребление никотина (ст. 14.3.1 КоАП РФ). Кроме того, сеть Интернет содержит гигантские массивы информации по самолечению (не основанному на официальной медицинской науке), которое никак не соотносится с физическим состоянием каждого конкретного гражданина, который сталкивается с подобной информацией и не учитывает возможные негативные медицинские реакции, которые могут сопровождать самолечение гражданина в случае, если он последует сетевым советам. Отказ от лекарств, лечение нетрадиционными средствами в реальности могут привести человека к опасному состоянию, угрожающему его жизни.

Рекламировать различные пищевые добавки, стимуляторы мозговой деятельности, энергетики, которые придают силы — означает рекламировать «кота в мешке». К приобретению предлагается продукция, отложенный эффект негативного воздействия на организм от приема которой в действительности имеет место, хотя о нем часто умалчивают. Причем эти «препараты», не являющиеся лекарственными средствами, почти всегда рекламируются чуть ли не как замена последним. Не это ли пример вредоносной информации?

Информация, оказывающая вредоносное воздействие на духовное (нравственное) здоровье человека.

Этот компонент здоровья человека может пострадать от соприкосновения с противоправной информацией, влияющей на идеалы, установки,

устремления (не противоречащие морали), нравственные основы личности. Так, например, информация, нацеливающая человека на экстремистские модели поведения (ст. 280 УК РФ; ст. 20.29 КоАП РФ; ст. 20.3 КоАП РФ), непосредственно бьет по его духовному (нравственному) здоровью.

Проявления расизма и сексизма, создание этого весьма сомнительного контента, его распространение и потребление — также во многом следствие вредоносного информационного воздействия на внутренний мир человека, его духовную жизнь. Такие установки, когда им следует конкретный человек, рождаются не на пустом месте. Они рождаются постепенно, обусловлены приспособленчеством: когда человек не руководствуется критическим мышлением и просто соглашается (поскольку ему так удобно) с определенными высказанными тезисами или совершенными поступками, с которыми он сталкивается в своей семье, на учебе, работе, знакомясь с продукцией традиционных СМИ, фильмами, ТВ-шоу и тому подобное.

Исповедуя порочные убеждения и концепции, человек фактически становится в оппозицию к государству и большинству общества и, в лучшем случае (пока он не перешел грань закона), его пока еще правомерное поведение можно описать как нигилистическое. Такие люди имеют немалый шанс стать преступниками.

Информация, оказывающая вредоносное воздействие на социальное здоровье человека.

Речь идет о любой информации, которая подводит человека к тому, чтобы он вступил в прямой открытый конфликт с государством и обществом, частью которого он по случаю является. Действующий закон является той «красной линией», которая в свое время была прочерчена в интересах всего общества, за которую заходить нельзя. А те, кто заходят — сталкиваются с так называемой репрессивной силой государства, которая применяется к правонарушителю в целях восстановления социальной справедливости.

Информация, подталкивающая человека к тому, чтобы он начал действовать не в правовом поле, нарушил закон, нарушил чьи-то права — может и должна быть признана вредоносной, а, следовательно, противоправной.

Ограничения на распространение вредоносной информации такого плана следует вводить очень аккуратно и постепенно, поскольку их необходимо тщательно соотносить со свободой мысли и слова, утвержденными конституционно. Не должна быть, например, объявляема вредоносной и запрещаемая информация, которая изобличает проблемы, существующие в государстве: в частности, когда такая информация генерируется многочисленными институтами гражданского общества и их представителями. Тоже самое касается и мнений, высказанных публично, отличных от принятого государством курса, если, конечно, их содержание и (или) форма не противоречат действующему законодательству (уголовному, административному). Все это можно

считать проявлением свободы слова, объем которой не должен умаляться.

К информации, оказывающей вредоносное воздействие на социальное здоровье человека, относятся различные фейки (ст. 207, 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ); информация, запущенная с целью манипулирования общественным мнением; проявления информационной войны; призывы к незаконным акциям и неповиновению законным распоряжениям сотрудников правоохранительных структур и тому подобное.

Литература

1. Азаров, М.С. Основания классификации противоправной информации / М.С. Азаров // Закон и власть. – 2024. – № 6. – С. 115-121.
2. Кочои С.М. Уголовно-правовое противодействие идеологическому экстремизму // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 117 - 132.
3. <https://www.vesti.ru/article/2055107>
4. Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. Богатырев К.М. Угрозы медиабезопасности в цифровой среде: систематизация и анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 136 - 142.
6. Международное общественное движение «ЛГБТ» признано в РФ экстремистским и запрещено*.
7. <https://www.kazan.kp.ru/daily/27275/4411034/>

On the classification of illegal information

Azarov M.S.

Plekhanov Russian University of Economics

This article is a continuation of the author's article "Grounds for the classification of illegal information", published in the journal "Law and Power" No. 6, 2024. The article examines the grounds for distinguishing illegal information, which are debatable, in particular, we are talking about dividing illegal information into that which causes harm to public interests and that which is aimed at causing harm to individual entities; into that which necessarily implies harm, that is, objectively harmful, and that which, in some cases, may not cause harm from its use, that is, potentially harmful; depending on the type of object that is primarily exposed or may be exposed to the destructive effects of negative information. The author also considers the classification of disseminated illegal information depending on the nature of the audience towards which it is disseminated, which may be of some interest to the law enforcement officer.

As a kind of intermediate result of the consideration of the stated topic, the author proposes his own classification of illegal information depending on the components of individual health of the person, which are affected by illegal information of various types. The specified criterion and the corresponding division of information that is harmful in its essence may be of certain value for the theory of public law, since they imply reliance on medical and psychological research (knowledge gained in this area), and therefore are fully focused on the task of protecting the highest constitutional values — human life and health.

Keywords: illegal information; classification of illegal information; harm to public interests; dissemination of information; harmful information; information threats; mass information; components of individual health.

References

1. Azarov, M.S. Grounds for classification of illegal information / M.S. Azarov // Law and power. - 2024. - No. 6. - P. 115-121.
2. Kochoi S.M. Criminal-legal counteraction to ideological extremism // Journal of Russian Law. 2021. No. 11. P. 117 - 132.
3. <https://www.vesti.ru/article/2055107>
4. The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 03/14/2020 was published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020.
5. Bogatyrev K.M. Threats to media security in the digital environment: systematization and analysis // Actual problems of Russian law. 2022. No. 7. P. 136 - 142.
6. The international public movement "LGBT" is recognized in the Russian Federation as extremist and banned*.
7. <https://www.kazan.kp.ru/daily/27275/4411034/>

Роль органов прокуратуры в достижении целей уголовного преследования при совершении преступлений в сфере экономики и финансов

Елисеев Никита Романович

Аспирант Кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ

Лапина Марина Афанасьевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ

В статье исследуется роль органов прокуратуры Российской Федерации в контексте достижения целей уголовного преследования при совершении преступлений в сфере экономики и финансов. Анализируются теоретические основы уголовного преследования, правовой статус и полномочия прокуратуры, особенности расследования экономических преступлений, а также практика применения прокурорских полномочий. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в деятельности прокуратуры, и перспективам ее совершенствования. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении роли прокуратуры в современных экономических условиях и предложении рекомендаций по повышению эффективности ее деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, публичная роль прокуратуры, финансовые преступления, финансовая безопасность, финансовое право.

Борьба с экономическими и финансовыми преступлениями является одной из приоритетных задач современного государства, поскольку такие преступления наносят значительный ущерб экономической безопасности страны, подрывают доверие граждан к государственным институтам и негативно влияют на инвестиционный климат. В условиях глобализации и цифровизации экономики преступные схемы становятся все более изощренными, что требует от правоохранительных органов, и, в частности, от прокуратуры, повышения профессионализма и внедрения новых методов работы.

Целью настоящего исследования является анализ роли органов прокуратуры в достижении целей уголовного преследования при совершении преступлений в сфере экономики и финансов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: изучение теоретических основ уголовного преследования в экономической сфере; анализ правового статуса и полномочий прокуратуры; выявление особенностей расследования экономических преступлений; выявление проблем и разработка рекомендаций по совершенствованию деятельности прокуратуры.

Методологической основой исследования являются общенаучные и специальные методы познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой метод, системный подход, а также анализ нормативно-правовых актов, судебной практики и статистических данных.

Экономические и финансовые преступления представляют собой общественно опасные деяния, посягающие на экономические отношения, финансовую систему и экономическую безопасность государства. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, к таким преступлениям относятся деяния, предусмотренные главами 21–23, включая преступления против собственности, в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях [1].

Цели уголовного преследования в данной сфере отражают общие задачи уголовного права и процесса. Во-первых, это восстановление социальной справедливости посредством наказания виновных лиц. Во-вторых, предупреждение новых преступлений как на уровне общества (общая превенция), так и в отношении конкретного лица (специальная превенция). В-третьих, возмещение ущерба пострадавшим и государству, что особенно актуально в условиях значительного материального вреда, наносимого экономическими преступлениями [2].

Эффективное уголовное преследование экономических преступлений способствует укреплению

законности и правопорядка, защите экономических интересов государства и граждан, а также повышению доверия к институтам государственной власти.

Органы прокуратуры Российской Федерации действуют на основании Конституции Российской Федерации [3], Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4], а также иных нормативно – правовых актов. Согласно статье 129 Конституции РФ, прокуратура является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов на территории Российской Федерации. Особое значение в деятельности прокуратуры имеют ведомственные акты в форме приказов, методических рекомендаций и межведомственные соглашения. Так одним из межведомственных соглашений является соглашение Генеральной прокуратуры РФ с Федеральной налоговой службой заключенное 4 февраля 2014 года № СД-1-14 [5].

Прокуратура независима от законодательной, исполнительной и судебной власти, что обеспечивает объективность и беспристрастность в ее деятельности. Основными задачами прокуратуры являются надзор за исполнением законов органами публичной власти, местного самоуправления, должностными лицами и организациями; координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; участие в рассмотрении дел судами [6].

В контексте борьбы с экономическими и финансовыми преступлениями прокуратура наделена широкими полномочиями. Она осуществляет надзор за соблюдением законов в финансовой сфере, участвует в расследовании преступлений, поддерживает государственное обвинение в суде, защищая публичные интересы Российской Федерации [7], координирует правоохранительные органы, а также взаимодействует с иностранными правоохранительными органами в рамках международного сотрудничества [8].

Экономические и финансовые преступления характеризуются высокой степенью латентности и сложностью их выявления и расследования [9]. Преступники используют сложные финансовые схемы, офшорные компании, электронные платежи и криптовалюты, что затрудняет отслеживание денежных потоков и установление виновных лиц [10]. Кроме того, отсутствие прямых потерпевших в некоторых случаях снижает вероятность оперативного обращения в правоохранительные органы.

В ответ на эти вызовы при Генеральной прокуратуре создаются структурные подразделения по предметно – зональному принципу – Управление по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики, включающее в себя различные отделы [11]. Это специализированное подразделение, ответственное за организацию и осуществление надзорной деятельности в области экономических отношений. Так и на уровне субъектов, как в городе Москве действуют отдел по надзору за расследованием преступлений в сфере экономики и отдел по надзору за исполнением законодательства в сфере

экономики. Специализация прокуроров позволяет глубже понимать специфические механизмы преступлений, повышая эффективность расследования. Координация действий различных подразделений и региональных органов прокуратуры способствует выявлению крупных межрегиональных и транснациональных преступных схем.

Эффективность деятельности прокуратуры в сфере борьбы с экономическими и финансовыми преступлениями подтверждается статистическими данными. Согласно отчетам Генеральной прокуратуры РФ, за последние годы снижается рост числа выявленных экономических нарушений [12]. В 2022 году было выявлено 967 471 нарушений в сфере экономики, и возбуждено около 6,5 тыс., что на 13% меньше по сравнению с предыдущим годом. А количество исков, направленных в суд, увеличилось на 4,2%.

Резонансные уголовные дела, такие как дело «Оборонсервиса» [13], хищения в банке «Югра» [14] и мошенничество в сфере долевого строительства [15], демонстрируют эффективность работы прокуратуры в сложных экономических делах. В этих случаях прокуратура успешно выявляла и пресекала преступные схемы, привлекала к ответственности виновных лиц и способствовала возмещению ущерба пострадавшим.

Несмотря на достигнутые результаты, в деятельности прокуратуры существуют определенные проблемы. Во-первых, это недостаточное материально-техническое обеспечение, особенно в части современных технологий и специализированного программного обеспечения для анализа больших объемов данных. Во-вторых, нехватка квалифицированных кадров с экономическим и финансовым образованием ограничивает возможности прокуратуры в эффективном расследовании сложных дел, что требует повышения эффективности использования высших учебных заведений, имеющих возможность подготовки «двойных» специалистов, таких как юристы с экономическими знаниями, например на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В-третьих, правовые пробелы и несовершенство законодательной базы затрудняют квалификацию деяний и привлечение виновных к ответственности.

Для повышения эффективности деятельности прокуратуры предлагается реализовать следующие меры: повышение квалификации сотрудников посредством организации специализированных курсов и тренингов по экономике и финансам; внедрение современных технологий и методов расследования, включая использование аналитических программ и развитие цифровых компетенций сотрудников; усиление международного сотрудничества с зарубежными правоохранительными органами и участие в международных организациях по борьбе с экономическими преступлениями; совершенствование законодательной базы с учетом современных форм экономических преступлений.

В результате проведенного исследования установлено, что органы прокуратуры играют ключевую

роль в достижении целей уголовного преследования при совершении преступлений в сфере экономики и финансов. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законов, участвует в расследовании преступлений, поддерживает государственное обвинение в суде и активно взаимодействует на международном уровне.

Стоит дополнительно отметить, что создание особых структурных подразделений в системе органов прокуратуры, расширение финансового права в сторону формирования некой «мегаотрасли» права [16], увеличение разнообразия общественно опасных деяний в сфере финансов и экономики, в том числе с применением новых технологий (искусственный интеллект, крипто технологии и т.д.), возможно в скором приведут к обсуждению вопросу о создании новой специализированной прокуратуры – финансовой прокуратуры.

Однако для повышения эффективности ее деятельности необходимо решить ряд проблем, связанных с материально-техническим обеспечением, кадровым потенциалом и законодательной базой. Реализация предложенных рекомендаций позволит усилить эффективность уголовного преследования в сфере экономики и финансов, повысить уровень экономической безопасности и укрепить доверие граждан к системе правоохранительных органов.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. – Москва: Издательство Юрайт. – 2024. – 414 с.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 237.

4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп. по состоянию на 30 сентября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

5. Соглашение ФНС России N ММВ-23-11/2, Генпрокуратуры России № СД-1-14 от 14.02.2014 «О взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной налоговой службы в области противодействия коррупции». – 2014.

6. Андриянов В. Н. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 2. – 2009.

7. Елисеев Н.Р. Место прокуратуры Российской Федерации в системе финансовых правоотношений // **Современное право.** – 2024. – № 8. – С. 33-38.

8. Рохлин В. И., Рубан Н. В., Сальников А. В. Прокурорский надзор за соблюдением законности при исполнении налогового законодательства. – 1997.

9. Токарева Е. В., Тришкина Е. А. Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям экономической направленности // *Systems and Management.* – 2019. – Т. 1. – №. 3. – С. 159-174.

10. Родичев М. Л. и др. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов полученных от незаконного оборота наркотиков // Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021.

11. Положение о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2022.

12. Основные результаты прокурорской деятельности за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/of/fice/result>

13. Полянко А. Н. О некоторых проблемах уголовной ответственности за неправомерный оборот недвижимости Министерства обороны Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика.* – 2019. – №. 8 (176). – С. 102-103.

14. Давыдов Р. А. Способы совершения мошенничества в кредитно-финансовой сфере // *Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена.* – 2008. – №. 60. – С. 97-99.

15. Розин А. Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства: дис. – М. – 2009.

16. Ашмарина, Е. М. Некоторые тенденции актуальной юридической науки: экономическое право / Е. М. Ашмарина // *Вопросы экономики и права.* – 2024. – № 188. – С. 14-19.

The Role of the Prosecutor's Office in Achieving the Goals of Criminal Prosecution of Crimes in the Sphere of Economics and Finance

Eliseev N.R., Lapina M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the role of the prosecutor's office of the Russian Federation in the context of achieving the goals of criminal prosecution of crimes in the sphere of economics and finance. The theoretical foundations of criminal prosecution, the legal status and powers of the prosecutor's office, the specifics of investigating economic crimes, as well as the practice of applying prosecutorial powers are analyzed. Particular attention is paid to the problems arising in the activities of the prosecutor's office and the prospects for its improvement. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive consideration of the role of the prosecutor's office in modern economic conditions and the proposal of recommendations for increasing the effectiveness of its activities.

Keywords: prosecutor's office, public role of the prosecutor's office, financial crimes, financial security, financial law.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.
2. Tagantsev, N. S. Russian Criminal Law in 2 Parts. Part 1 / N. S. Tagantsev. - Moscow: Yurait Publishing House. - 2024. - 414 p.

3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 237.
4. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (as amended and supplemented as of September 30, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1992. – No. 8. – Art. 366.
5. Agreement of the Federal Tax Service of Russia No. MMV-23-11/2, the Prosecutor General's Office of Russia No. SD-1-14 dated February 14, 2014 "On the interaction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Federal Tax Service in the field of combating corruption." – 2014.
6. Andriyanov V. N. The Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of separation of powers // Bulletin of the Tyumen State University. Series: Law. – 2009. – No. 2. – 2009.
7. Eliseev N.R. The place of the prosecutor's office of the Russian Federation in the system of financial legal relations // Modern law. – 2024. – No. 8. – P. 33-38.
8. Rokhlin V.I., Ruban N.V., Salnikov A.V. Prosecutor's supervision of compliance with the law in the execution of tax legislation. – 1997.
9. Tokareva E.V., Trishkina E.A. Features of initiation of criminal cases for economic crimes // Systems and Management. – 2019. – V. 1. – No. 3. – P. 159-174.
10. Rodichev M.L. et al. Counteracting the legalization (laundering) of criminal proceeds from drug trafficking // St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2021.
11. Regulation on the Main Directorate for Supervision of Compliance with Federal Legislation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – 2022.
12. Main results of prosecutorial activities for January – December 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>
13. Polyanko A. N. On some problems of criminal liability for illegal turnover of real estate of the Ministry of Defense of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. – 2019. – No. 8 (176). – P. 102-103.
14. Davydov R. A. Methods of committing fraud in the credit and financial sphere // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2008. – No. 60. – P. 97-99.
15. Rozin A. N. Investigation of fraud in the field of housing construction: diss. – M. – 2009.
16. Ashmarina, E. M. Some trends in current legal science: economic law / E. M. Ashmarina // Issues of Economics and Law. – 2024. – No. 188. – P. 14-19.

Особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних и проблемы ювенальной юстиции

Елисеева Алена Александровна

студент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

В статье рассматриваются особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних в Российской Федерации и выявляются основные проблемы ювенальной юстиции. Проведен исторический анализ развития ювенальной юстиции с XIX века до современного состояния, подчеркивающий ее эволюцию и влияние международного опыта. Описаны современные проблемы, включая неравномерность реализации реформ, инфраструктурные и ресурсные недостатки, культурные и религиозные особенности регионов, а также законодательные пробелы. Проанализированы мнения различных исследователей о необходимости создания специализированных ювенальных судов и альтернативных мер наказания. Представлены примеры судебной практики, демонстрирующие текущие недостатки системы. В результате исследования выявлены ключевые препятствия на пути к эффективной ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей и предложены направления для дальнейшего совершенствования ювенальной юстиции в России, включая необходимость улучшения инфраструктуры, подготовки кадров и правовой базы.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, уголовное судопроизводство по делам о преступлениях несовершеннолетних, Российская Федерация, защита, подросток, реабилитация.

«Проблемы ювенальной юстиции разрабатываются отечественными и зарубежными учеными на протяжении нескольких последних десятилетий» [9, С. 77]. Ее современное состояние в Российской Федерации, являясь результатом длительного исторического развития и многочисленных законодательных преобразований, демонстрирует, с одной стороны, стремление государства к гуманизации и улучшению условий для ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей, а с другой стороны, выявляет существенные проблемы, которые, несмотря на усилия законодателей и правозащитных организаций, продолжают оставаться нерешенными, что, в свою очередь, вызывает необходимость комплексного анализа и разработки эффективных механизмов для их преодоления. Целью данной работы является комплексное исследование особенностей уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних в Российской Федерации и выявление основных проблем ювенальной юстиции.

Проблемы ювенальной юстиции и особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних изучались такими авторами исследований как Ю. Х. Давыдова, Л. М. Карнозова, А. В. Кудрявцев, Н. В. Валуйсков, М. А. Четын и Г. М. Цинченко. Анализ их работ показывает, что они единодушны в утверждении, что ювенальная юстиция играет ключевую роль в формировании благоприятной подростковой среды, а также в предотвращении правонарушений среди несовершеннолетних, что подразумевает участие различных государственных и общественных организаций, занимающихся профилактикой безнадзорности и преступности.

Тем не менее, существуют разногласия относительно конкретных механизмов реализации ювенальной юстиции: одни исследователи, такие как Л. М. Карнозова и А. В. Кудрявцев, настаивают на необходимости создания специализированных ювенальных судов, которые бы обеспечивали всестороннюю поддержку несовершеннолетним правонарушителям, включая психологическую и социальную помощь, что, по их мнению, способствует более эффективной ресоциализации подростков; другие же, такие как Н. В. Валуйсков и Ю. Х. Давыдова, выражая сомнения в целесообразности отделения ювенальной юстиции как самостоятельной системы, аргументируют это возможными организационными сложностями и значительными финансовыми затратами, что может негативно сказаться на общем уровне правосудия.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на единое понимание важности ювенальной юстиции, основные разногласия между авторами связаны с масштабом и формой ее внедрения, что требует дальнейших исследований и дискуссий в научных кругах, направленных на выработку оптимальных решений для совершенствования этой важной социальной институции.

Историческое развитие ювенальной юстиции в России начинается с XIX века, где предпосылки – это социальные, экономические и политические изменения внутри государства, а также влияние международного опыта, что, в свою очередь, привело к формированию специфических правовых и социологических концепций, направленных на защиту прав несовершеннолетних. В XIX веке, когда многие дети оказались в неблагоприятной среде из-за нищеты, ненадлежащих жилищных условий, плохого питания и других факторов, общество начало осознавать детство как особый период жизни, требующий специфической защиты. Именно тогда начали формироваться социологические концепции причин преступности и благотворительные организации, направленные на защиту детей от жестокого обращения и создание благоприятных условий для их воспитания и обучения (включая приюты и воспитательные колонии). Фундаментальный вклад в этом ключе внес выдающийся юрист и общественный деятель А.К. Кони, который в конце XIX века активно выступал за создание специализированных судов для несовершеннолетних, и его идеи были отражены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, который предусматривал особое рассмотрение дел, связанных с детьми и подростками, что в свою очередь свидетельствовало о прогрессивных взглядах на необходимость защиты прав несовершеннолетних и о признании важности специализированных институтов для их реабилитации и социальной адаптации.

Интересное стечение обстоятельств или спланированный политический ответ, именно такие вопросы возникают, когда речь идет об официальной дате создания ювенальной юстиции в Российской империи (2 июля 1899 года), которая совпадает с датой основания первого суда по делам несовершеннолетних в Чикаго, что стало важным этапом в мировой практике ювенального правосудия. Этот прецедент способствовал появлению аналогичных судов в других странах, включая Россию, где первый суд по делам несовершеннолетних был создан в 1910 году в Санкт-Петербурге. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных установило льготный режим уголовной ответственности для несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет (включая понятие «разумения» при совершении преступлений), что стало значительным шагом в развитии ювенальной юстиции, обеспечивая особые условия для правонарушителей младшего возраста.

Законом от 2 июня 1897 года «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости»

были введены важные положения, такие как обязательная защита несовершеннолетних, участие законных представителей, новые меры пресечения и особое производство дел о соучастии несовершеннолетних, что свидетельствовало о значительных усилиях законодателей в совершенствовании ювенального судопроизводства (например, введение обязательной изоляции несовершеннолетних правонарушителей от взрослых преступников). Эти нормы стали важным этапом в совершенствовании ювенального судопроизводства, обеспечивая правовую защиту несовершеннолетних и способствуя созданию более гуманного и справедливого правосудия для детей и подростков.

После Октябрьской революции 1917 года и принятия декрета «О суде» в 1918 году, были учреждены народные суды, включающие комиссии по делам несовершеннолетних, что стало важным элементом новой системы ювенальной юстиции, ориентированной на социализацию и реабилитацию правонарушителей младшего возраста. Декрет от 17 января 1918 года отменил тюремное заключение для несовершеннолетних и суды для них, передав рассмотрение дел комиссиям по делам несовершеннолетних (что стало значительным изменением в подходах к правосудию), однако декрет от 4 марта 1920 года допустил передачу дел несовершеннолетних в народные суды при определенных условиях, что свидетельствовало о возвращении к некоторым принципам дореволюционной ювенальной юстиции, хотя и с новыми акцентами на педагогический и реабилитационный аспекты.

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, несовершеннолетние могли подвергаться тем же видам наказаний, что и взрослые, вплоть до смертной казни (что вызвало значительные споры в юридических кругах), однако в 1926 году были введены смягчающие меры, запрещающие применение высшей меры наказания к несовершеннолетним и предусматривающие обязательное смягчение наказаний в зависимости от возраста. Эти изменения отражали эволюцию подходов к правосудию для несовершеннолетних, направленных на защиту их прав и гуманизацию наказаний, что стало важным шагом в развитии ювенальной юстиции в Советской России.

К сожалению, в 1935 году, с постановлением ЦИК и СНК СССР, возраст уголовной ответственности был снижен до 12 лет, что фактически разрушило систему ювенальной юстиции, превратив её в карательную и репрессивную структуру (что критиковалось многими современными учеными). Только в конце 1950-х годов начались изменения, направленные на восстановление системы ювенальной юстиции, которые продолжились с принятием Конституции 1993 года и ратификацией международных договоров, что открыло новый этап в истории ювенального правосудия в России, ориентированный на защиту прав и интересов детей и подростков.

Опираясь на все вышесказанное, можно заключить, что ювенальная юстиция в России прошла сложный путь от зарождения в XIX веке до современного состояния, при том, что за 3 последних века

сменилось 3 режима власти (Царская Россия, СССР, Российская Федерация) – что тормозило, на наш взгляд, развитие этой подотрасли права и, как результат, требует дальнейшего совершенствования для обеспечения эффективности и справедливости судебной системы в отношении несовершеннолетних граждан.

Ювенальную юстицию можно определить как специализированную систему правосудия, направленную на защиту прав несовершеннолетних, их реабилитацию и социальную интеграцию через гуманистические и восстановительные практики, учитывающую индивидуальные особенности, социальный контекст и психоэмоциональное состояние детей и подростков, с акцентом на профилактику правонарушений, восстановление социальной справедливости и участие семьи и образовательных учреждений в процессе ресоциализации.

Основные проблемы данной юстиции в настоящее время выражены в трудах Н.П. Исмаиловой и Ю.В. Чепросовой. Представим их тезисно:

1. В России наблюдается значительная неравномерность в реализации реформ ювенальной юстиции в различных регионах, что обусловлено множеством факторов, включая хронический дефицит необходимых ресурсов, активное сопротивление изменениям со стороны местных властей и сотрудников, а также повсеместные бюрократические неэффективности, которые зачастую препятствуют успешному внедрению новых инициатив и программ, направленных на улучшение ситуации.

2. Инфраструктурные и ресурсные недостатки проявляются в том, что многие учреждения для несовершеннолетних правонарушителей устарели и не соответствуют современным стандартам, что усугубляется хронической перенаселённостью этих учреждений и значительным дефицитом профессиональных кадров, специализирующихся на психологии и реабилитации, что, в свою очередь, препятствует внедрению эффективных реабилитационных программ и негативно сказывается на общем благополучии и будущих перспективах несовершеннолетних.

3. Финансовые ограничения существенно влияют на возможность равномерного и качественного применения политики ювенальной юстиции в различных регионах страны, так как недостаточное финансирование приводит к нехватке необходимых ресурсов для улучшения инфраструктуры, подготовки квалифицированных кадров и реализации программ реабилитации, что в конечном итоге снижает эффективность всей системы и создает значительные препятствия на пути к её модернизации.

4. Культурная и религиозная специфика таких регионов, как Северный Кавказ, значительно затрудняет внедрение единообразных реформ ювенальной юстиции, поскольку многообразие этнического состава, сильные культурные традиции и религиозные убеждения местного населения создают дополнительные сложности и требуют особого подхода, учитывающего все эти факторы для успешной реализации реформ и обеспечения справедливого

отношения к несовершеннолетним правонарушителям.

5. Психологическое благополучие несовершеннолетних правонарушителей часто остаётся вне поля зрения системы ювенальной юстиции, что требует внедрения комплексных программ психологической поддержки и реабилитации, которые должны включать регулярные психологические оценки, индивидуальные консультации и специализированные программы вмешательства, направленные на удовлетворение уникальных потребностей каждого несовершеннолетнего и способствующие их успешной реинтеграции в общество.

6. Законодательные пробелы и недостатки правовой базы ювенальной юстиции в России требуют постоянного обновления и совершенствования, поскольку существует необходимость в разработке всеобъемлющей правовой основы, которая бы учитывала современные международные стандарты и лучшие практики, поддерживала бы реформы и способствовала бы созданию справедливой и эффективной системы ювенальной юстиции, обеспечивающей права и интересы всех несовершеннолетних правонарушителей [4, 8].

Что же касается судебной практики последних лет, следует отметить, что статистика привлекаемых молодых людей (несовершеннолетних) к ответственности не радужна и продолжает расти. В 2022 г. было возбуждено 8573 уголовных дела, тогда как в 2023 г. их количество увеличилось до 8757, что свидетельствует о растущей тенденции преступной активности. Однако, большую обеспокоенность вызывает именно увеличение числа тяжких и особо тяжких преступлений в 2023 г. (на 1/3), совершаемых подростками, поскольку это явление отражает не только проблемы с криминалом, но и вопросы девиантного поведения, основанного на социальных и психологических проблемах, которые требуют своевременного и комплексного вмешательства [2].

Сами же судебные процессы имеют множество особенностей и некоторые проблемы, некоторые из которых, проанализировав судебную практику последних лет и исследования Е.Р. Захаровой и С.О. Лялиной, мы можем описать.

В правовой системе отсутствует ясность в отношении возраста обвиняемого на момент совершения преступления и на момент судебного разбирательства, что приводит к некорректности и осложняет судебное производство. В соответствии со статьей 420 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, требования данной главы применяются к лицам, которые были несовершеннолетними на момент совершения преступления, вне зависимости от их возраста на момент судебного разбирательства.

Существенную проблему представляет ограниченность альтернативных мер наказания, таких как условное осуждение, социальная реабилитация или воспитательные меры, что сужает возможности для реабилитации несовершеннолетних и их интеграции в общество. Статья 88 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит, что ограничения свободы могут быть наложены на несовершеннолетних

только в качестве основного наказания. Отсюда же недостаток эффективных и доступных программ реабилитации для несовершеннолетних правонарушителей препятствует их полноценной ресоциализации и снижению рецидивизма.

Участие адвокатов и законных представителей в защите прав и интересов детей не всегда гарантировано, а несовершеннолетние зачастую не имеют достаточного доступа к квалифицированным юридическим услугам.

Судебный процесс может затягиваться, что особенно проблематично для несовершеннолетних, ожидающих судебного разбирательства. Задержки часто связаны с медленным сбором доказательств и подготовкой дел правоохранительными органами, что требует оперативного реагирования для минимизации продолжительности судебных процессов.

Требуется специализированная подготовка судей и юридических профессионалов, работающих с делами несовершеннолетних, в области педагогики, социологии и психологии для обеспечения качественного рассмотрения таких дел, что предписывает собой постановление №1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года.

Существуют правовые и процедурные пробелы, связанные с недостаточной регламентацией и четкими определениями, необходимыми для установления полного профиля личности несовершеннолетнего, что критически важно для вынесения справедливого судебного решения. Статья 421 Уголовно-процессуального кодекса требует учета психического развития и иных личностных характеристик несовершеннолетних в судебных разбирательствах, что зачастую не реализуется на практике в полном объеме [3; 5].

Примеры судебных практик последних лет значительным образом подтверждают выявленные нами проблемы. В Волжском городском суде рассматривалось дело ФИО1, обвиняемого в покушении на грабеж, который признал свою вину и ходатайствовал о постановлении приговора без судебного разбирательства. Суд установил, что ФИО1, пытаясь украсть бутылку водки из магазина, был задержан администратором. Суд, принимая во внимание прошлое условное осуждение ФИО1, назначил ему наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, отменив условное осуждение [7]. Этот случай показывает проблему ограничения применения более мягких мер наказания, даже при признании вины и сотрудничестве правонарушителя с правосудием, где судебная система не предоставляет достаточных возможностей для реабилитации и социальной реадaptации правонарушителей через альтернативные методы наказания, такие как обязательные работы или воспитательные меры.

В другом деле Вологодского областного суда под председательством судьи Мищенко С.В. рассматривает уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя на приговор Череповецкого городского суда. В ходе рассмотрения дела было выявлено, что в приговоре суда первой инстанции не было указано, что преступления,

за которые осуждён Метриков К.В., были совершены в несовершеннолетнем возрасте. Это является нарушением части 4 статьи 304 УПК РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре». Данная судебная практика иллюстрирует проблему недостаточной правовой защиты несовершеннолетних в судебных процессах, где важная информация о совершении преступлений в несовершеннолетнем возрасте не была надлежащим образом учтена [1].

«Каждый знает, что защита детей – это одна из главных задач государства» [6, С.273]. Однако в настоящее время проблемы ювенальной юстиции в России, которые, с одной стороны, обусловлены историческими предпосылками и особенностями правового регулирования, с другой стороны, связаны с недостаточной разработанностью современных механизмов ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей, требуют глубокого и всестороннего анализа, что, в свою очередь, подразумевает необходимость реформирования существующих институтов и практик, более ответственного подхода в подготовке кадров, а также внедрения прогрессивных международных стандартов.

Литература

1. Апелляционное постановление по делу № 22-112/2024. Судебный акт от 25 января 2024 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ThpCqDeqDZHb/> (дата обращения: 24.07.2024).
2. В России растет число преступлений с участием подростков – Бастрыкин. РИА Новости Крым, 2024. URL: <https://crimea.ria.ru/20240416/v-rossii-rastet-chislo-prestupleniy-s-uchastiem-podrostkov--bastykin-1136580683.html> (дата обращения: 24.07.2024).
3. Захарова Е. Р., Костина М. Р. Особенности института ювенальной юстиции и перспективы его развития в российском уголовном процессе //Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики. – 2023. – С. 284-289.
4. Исмаилова Н. П., Курбанова З. С. Психолого-педагогические проблемы ювенальной юстиции в РФ //Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 354-356.
5. Лялина, С. О. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних в РФ / С. О. Лялина // Молодежь и XXI век - 2024 : Сборник научных статей 13-й Международной молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 15–16 февраля 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 96-99.
6. Меркушова Е. С. К вопросу о развитии ювенальной юстиции в Российской Федерации //Проблемы развития современного общества. – 2023. – С. 272-274.
7. Постановление по делу № 30-П23. Судебный акт от 31 января 2024 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ggZa7BWuPyYC/> (дата обращения: 24.07.2024).
8. Чепрасова Ю. В., Некрасов Д. Д. Реформа ювенальной юстиции в России: прогресс, проблемы,

перспективы //международный научно-практический журнал «эпоха науки». – 2024. – С. 66.

9. Шатурина, Н. А. Перспектива введения в Российской Федерации ювенальной юстиции / Н. А. Шатурина, А. А. Кеменова // В зеркале права - 2020 : сборник научных трудов. Том Выпуск 1. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 77-81.

Peculiarities of criminal proceedings in cases of juvenile offences and problems of juvenile justice

Eliseeva A.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy".

The article considers the peculiarities of criminal proceedings on juvenile offences in the Russian Federation and identifies the main problems of juvenile justice. A historical analysis of the development of juvenile justice from the 19th century to the current state is carried out, emphasising its evolution and the influence of international experience. Contemporary problems are described, including uneven implementation of reforms, infrastructural and resource deficiencies, cultural and religious peculiarities of regions, and legislative gaps. The views of various researchers on the need for specialised juvenile courts and alternative sanctions are analysed. Examples of court practice demonstrating the current shortcomings of the system are presented. The study identifies key obstacles to effective re-socialisation of juvenile offenders and suggests directions for further improvement of juvenile justice in Russia, including the need to improve infrastructure, training and legal framework.

Keywords: juvenile justice, criminal proceedings on juvenile offences, Russian Federation, protection, juvenile, rehabilitation.

References

1. Appeal ruling in case No. 22-112/2024. Judicial act of January 25, 2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ThpCqDeqDZHb/> (date of access: July 24, 2024).
2. The number of crimes involving teenagers is growing in Russia - Bastrykin. RIA Novosti Crimea, 2024. URL: <https://crimea.ria.ru/20240416/v-rossii-rastet-chislo-prestupleniy-s-uchastiem-podrostkov--bastrykin-1136580683.html> (date of access: July 24, 2024).
3. Zakharova E. R., Kostina M. R. Features of the juvenile justice institution and prospects for its development in the Russian criminal process // Current issues of sustainable development of modern society and economy. - 2023. - P. 284-289.
4. Ismailova N. P., Kurbanova Z. S. Psychological and pedagogical problems of juvenile justice in the Russian Federation // The world of science, culture, education. - 2024. - No. 1 (104). - P. 354-356.
5. Lyalina, S. O. Current problems of criminal proceedings involving minors in the Russian Federation / S. O. Lyalina // Youth and the XXI century - 2024: Collection of scientific articles of the 13th International Youth Scientific Conference. In 3 volumes, Kursk, February 15-16, 2024. – Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2024. – P. 96-99.
6. Merkushova E. S. On the development of juvenile justice in the Russian Federation // Problems of development of modern society. – 2023. – P. 272-274.
7. Resolution on case No. 30-P23. Judicial act of January 31, 2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ggZa7BWypYyC/> (date of access: 07/24/2024).
8. Cheprasova Yu. V., Nekrasov D. D. Juvenile justice reform in Russia: progress, problems, prospects // international scientific and practical journal "Epoch of Science". – 2024. – P. 66.
9. Shaturina, N. A. Prospects for the introduction of juvenile justice in the Russian Federation / N. A. Shaturina, A. A. Kemenova // In the Mirror of Law - 2020: collection of scientific papers. Volume Issue 1. – Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2020. – P. 77-81.

Понимание объекта преступления в доктрине уголовного права

Квасникова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, kvasnikova.tv@dvfu.ru

Костюк София Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), kostyuk.sa@students.dvfu.ru

Лубягин Олег Игоревич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), lubiyagin.oi@students.dvfu.ru

Настоящая статья отражает проблему неопределенности в понимании такого элемента преступления как объект. Имея различные позиции по поводу сущности объекта преступления, законодатель и правоприменитель не всегда единообразно делают выводы о тех или иных деяниях. Данная работа содержит в себе различные позиции доктрины уголовного права по поводу объекта преступления.

Ключевые слова: объект преступления, состав, доктрина уголовного права.

Объект преступления является одним из элементов преступления, частью состава общественно опасного деяния. Говоря о дефиниции объекта преступления необходимо понимать его сущностные характеристики.

В доктрине уголовного права существует четыре устоявшихся взгляда на сущность объекта преступления. Для более комфортного чтения каждой позиции присвоим порядковый номер.

1. Понимание объекта преступления как общественные отношения.

Б. С. Никифоров говорил о том, что общественные отношения представляют собой деятельность участников и определенное положение людей по отношению к друг другу или и то, и другое одновременно. Согласно данной позиции, понимая под объектом преступления общественные отношения, выстраивается конструкция, отвечающая формальной логике: всякое преступление, как общественно опасное деяние, является таковым, поскольку негативно воздействует и посягает на общественные отношения.

Признавая в качестве объекта преступления общественные отношения, отпадает необходимость обосновывать суть общественной опасности. А если отрицать представленный выше взгляд на объект преступления, то возникают следующие вопросы:

- Почему преступление является общественно опасным и в чем заключается общественная опасность?

- Есть ли необходимость применения к лицу уголовного наказания и, если да, то в чем она заключается?

Резюмируя, понимание объекта преступления как общественные отношения формулирует следующее правило (принцип): отсутствие посягательства на общественные отношения влечет отсутствие самого преступления и наоборот. Именно такая позиция была преобладающей в советской школе уголовного права.

2. Непосредственным объектом преступления является человек, т.е. тот, против кого направлено общественно опасное деяние.

Еще в 1863 году Вадим Данилович Спасович отмечал, что объект преступления – это лицо или множество лиц, которым преступление причиняет вред или создает угрозу его причинения. Вред причиняется либо непосредственным воздействием на само лицо, либо воздействием на вещи, которые принадлежат, находятся во владении такого лица и являются воплощением его личности.

Такая позиция имеет место быть, что подтверждается наличием сподвижников. Однако на наш взгляд у такого взгляда есть недостатки, которые

усматриваются в представленном подходе к объекту преступления.

Одним из них, в случае признания под объектом преступления человека, является создание ситуации невозможности разграничения преступлений между собой. Допуская, что объектом преступления являются люди, возникает ситуация, при которой мы смешиваем понятия людей и вещей, которые им принадлежат, тем самым нивелируя сущность и ценность различных по своему значению объектов, приравнивая общественную опасность деяний, порягающих как на людей, так и на объекты неживого мира.

3. Объектом преступления является определенное правовое благо.

Такой позиции придерживались Николай Дмитриевич Сергиевский и Сергей Викторович Познышев. Под правовым благом понимались такие категории и ценности как жизнь, здоровье, собственность и т.д.

Не можем поддержать всецело данную позицию, поскольку потребительские свойства блага в разных общественных отношениях имеют разную природу: они могут быть как социально полезными, так и общественно опасны. Например, лишение жизни потерпевшего в процессе умышленного нападения на него является преступлением, а лишение жизни нападающего в состоянии необходимой обороны рассматривается как правомерное поведение. Если обратим внимание, то в вышеприведенных ситуациях правовым благом в обоих случаях является жизнь человека, однако в разных общественных отношениях их правовая оценка различается.

Именно поэтому, на наш взгляд, рассматривая такое преступление как убийство человека, важно понимать, что объектом преступления является не жизнь человека как правовое благо, а установленные и санкционированные государством общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни.

4. Признание объектом преступления охраняемый законом интерес.

Такого взгляда придерживался Владимир Александрович Краснопеев.

Позиция подвергается критике, поскольку семантическое значения слова «интерес» представляет собой пользу или выгоду. Анализируя возможные составы преступлений, предусмотренные в Уголовном кодексе Российской Федерации, мы понимаем, что далеко не во всех составах присутствует данный элемент.

К тому же когда преступление предусматривает в своем составе определенный «интерес» (выгоду, пользу), то данный элемент указывает на мотив, а не объект преступления.

Если внимательно посмотреть на представленные позиции, можно обнаружить следующий интересный факт, вторая, третья и четвертая позиции являются элементами общественных отношений, т.е. первая позиция включает в себя все представленные после нее.

Дискуссия о структуре общественных отношений берет свое начало с середины 19 века. С этого периода до начала 20 века в социально-философской литературе в содержании классического общественного отношения выделяют:

- Участников общественных отношений (так называемые субъекты). М. Ш. Лейквешвили писал, что общественные отношения хотя и сложны по своей структуре, но они немислимы без их субъектов. С этим сложно поспорить, поскольку само название «общественные отношения» говорит нам о том, что это отношения между людьми. Под участниками общественных отношений понимают: отдельных людей, группы лиц, коллективы, объединения, классы, государство, общество и т.д.

У такого элемента общественных отношений есть и уголовно-правовое значение: из всей структуры это самый реальный элемент.

- Содержание общественных отношений представляет собой взаимодействие и взаимосвязь субъектов отношений, которые могут проявляться как в виде активной деятельности, так и в виде запрещаемом либо требуемом бездействии

- Объект общественных отношений (по-другому, предмет общественных отношений). Это то, по поводу чего вообще возникло и существует данное общественное отношение. Объектом могут быть как материальные предметы (вещи), так и нематериальные (духовные или социальные ценности).

Анализируя взгляды на объект преступления, важно отметить, что замена в понятии объекта преступления общественных отношений на его составные части является простой игрой слов. Вполне закономерно, что при нарушении общественных отношений нарушаются и составные части, элементы данного общественного отношения.

Среди сложившихся подходов, я полностью согласен с устоявшимся пониманием под объектом преступления охраняемых уголовным законом общественных отношений, которым противоправным деянием причиняется ущерб либо же создается угроза его причинения.

В настоящем УК РФ закреплена перечень общественных отношений, которые являются объектом преступления, в части 1 статьи 2 УК РФ. Всего насчитывается 18 групп общественных отношений.

Для того, чтобы общественные отношения стали объектом преступления, необходимо чтобы лицо воздействовало на общественные отношения, а именно – нарушило их. Способов воздействия на объект достаточно много:

- 1) Воздействие на субъектов (такое воздействие может быть как физическим, так и психологическим)
- 2) Воздействие на предмет (повреждение или хищение имущества и т.д.)
- 3) Воздействие на содержание общественного отношения, т.е. разрыв устоявшихся социальных связей (например, невыполнение возложенных законом обязанностей)

Нарушение может быть как «извне», когда вред причиняется лицом, которое не является субъектом нарушаемого общественного отношения (убийство),

так и «изнутри», когда посягательство осуществляется самим участником отношения, который не выполняет возложенных обязанностей.

Объект преступления имеет существенное уголовно-правовое значение. Прежде всего объект является элементом состава преступления, что подчеркивает его необходимость и важность, так как при его отсутствии общественно-опасное деяние не признается преступлением. Также объект позволяет определить правовую природу преступления, его характер; влияет на квалификацию преступления, а правильная квалификация определяет характер общественной опасности, отнесение к определенной группе преступлений и объем и содержание уголовной ответственности.

Объекты преступления могут быть классифицированы по различным основаниям. Основными являются деление объекта преступлений по вертикали и по горизонтали.

По вертикали, т.е. по степени общественной опасности, на основе соотношения категорий общего, особенного и единичного, выделяют:

1. Общий объект (представляет собой все общественные отношения) – это совокупность отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Такой объект служит инструментом для ограничения области действия уголовного закона и определения сферы преступного и не преступного поведения.

2. Родовой объект (однородные общественные отношения) – это определенная часть общего объекта, объединяющая в себе однородные отношения. Наблюдать однородные объекты мы можем, обратив внимание на деление Особенной части УК РФ на разделы (всего 6): преступления против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка и т.д. Каждый раздел состоит из однородных общественных отношений.

3. Видовой объект (специальные отношения) – определенная часть общего объекта, охватывающая близкие по характеру отношения. Наблюдаем специальные видовые отношения смотря на деление разделов Особенной части УК РФ на главы: отношения собственности и отношения правосудия.

Есть два случая совпадения родового и видового объекта, это преступления по осуществлению военной службы и по обеспечению мира и безопасности человечества.

4. Непосредственный объект (конкретные отношения) – определенная часть видового объекта, представляющая собой конкретные общественные отношения, которые нарушаются совершением определенного преступления

По горизонтали объект преступления подразделяется на основной и дополнительный. Однако в такой классификации выделяют и двуобъектные преступления, когда в составе присутствует как основной, так и дополнительный объект: состав разбоя – основным объектом является собственность, а дополнительным – здоровье.

Основной объект по-другому называют необходимым. Он связан с причинением или с угрозой причине-

ния объекту преступным посягательством определенного вреда. Это общественное отношение, против которого в первую очередь направлено посягательство и которое всегда состоит в плоскости и родового, и видового объектов, является основным и обязательным признаком состава преступления.

Дополнительным объект также называют факультативным, он может и не быть поставлен под угрозу причинения вреда, не является обязательным признаком состава на причинения ему вреда свидетельствует о повышенной степени общественной опасности. Такой объект не обязательно находится в плоскости родового или видового объектов и является дополнительным и обязательным признаком состава, учитывается при квалификации деяния.

Таким образом, представленный анализ такого элемента объективной стороны преступления как объекта преступления еще раз подчеркивает его важность и необходимость

Литература

1. Винокуров В.Н. Объект преступления: способы конкретизации, установления и закрепления в законе: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. С. 54.

2. Иногамова-Хегай Л.В. Актуальные проблемы уголовного права / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. - М.: Проспект, 2019. – 232 с.

3. Кудрявцев В.Н. О соотношении объекта и предмета преступления // Сов. гос-во право. 1951. № 8

4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. - 6-е изд. - М.: Проспект, 2020. - 784 с.

5. Никифоров Б.С. Избранное / Составитель канд. юрид. наук А.А. Гравина — М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010.— 224 с

Understanding the object of a crime in the doctrine of criminal law

Kvasnikova T.V., Kostyuk S.A., Lubyagin O.I.
Far Eastern Federal University

This article reflects the problem of uncertainty in understanding such an element of a crime as an object. Having different positions on the essence of the object of the crime, the legislator and the law enforcement officer do not always uniformly draw conclusions about certain acts. This work contains various positions of the doctrine of criminal law regarding the object of the crime.

Keywords: the object of the crime, the doctrine of criminal law

- ### References
1. Vinokurov V.N. Object of a crime: methods of specification, establishment and consolidation in the law: monograph. Krasnoyarsk: SibYul MVD of Russia, 2010. P. 54.
 2. Inogamova-Khegay L.V. Actual problems of criminal law / edited by L.V. Inogamova-Khegay. - M.: Prospect, 2019. - 232 p.
 3. Kudryavtsev V.N. On the relationship between the object and subject of a crime // Sov. state law. 1951. No. 8
 4. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: lecture course. - 6th ed. - M.: Prospect, 2020. -- 784 p.
 5. Nikiforov B.S. Selected / Compiled by Cand. of Law A.A. Gravina - M: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. - 224 p.

Основные детерминанты и условия хищений бюджетных средств в сфере спорта и сопутствующих ему преступных деяний

Пивоваров Фёдор Юрьевич

преподаватель, Департамент судебной экспертизы, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), senior.fp@yandex.ru

Статья посвящена анализу основных детерминант и условий хищений бюджетных средств в сфере спорта, а также связанных с ними преступных деяний. В работе выделяются две основные группы преступлений: экономические преступления (мошенничество, растрата, отмывание денежных средств) и преступления против государственной власти (злоупотребление полномочиями, нецелевое расходование средств, взяточничество). На основе анализа научной литературы, правоприменительной практики и эмпирических данных выявлены ключевые причины и условия, способствующие совершению хищений. Среди них – значительный объем государственного финансирования спортивных организаций, низкий уровень реализации финансового контроля, а также непрозрачность распределения бюджетных средств. Особое внимание уделяется проблемам контроля за использованием средств, включая формальный характер проверок, несовершенство системы аудита и недостаточную компетенцию контролирующих органов. Выделены личностные характеристики преступников, включая высокий служебный статус и доступ к административным ресурсам, что способствует злоупотреблению полномочиями. В статье подчеркивается необходимость усиления финансового надзора и внедрения более жестких механизмов противодействия преступлениям в сфере спорта.

Ключевые слова: хищение бюджетных средств в спорте; финансовый контроль спортивных организаций; коррупционные преступления в сфере спорта; нецелевое расходование бюджетных средств; криминологический анализ преступности в спорте.

Введение

Посягательство на бюджетные средства в сфере спорта представляет собой группу преступлений, включающую две относительно однородные группы составов, соответствующих структуре УК РФ: 1) «преступления в сфере экономики» 2) «преступления против государственной власти» и определенную нами в качестве «хищений бюджетных средств в сфере спорта и связанных с ними преступлений», посягающих на отношения, сопутствующие непосредственно тренировочно-соревновательным в сфере физической культуры и спорта. Мы полагаем, что необходима дополнительная регламентация защиты отношений в области физической культуры и спорта с учетом экономической специфики указанной области, в том числе посредством криминологического анализа для целей выявления ключевых причин преступности и формулирования на их основе предложений профилактического характера. Исходя из рамок, определенных уголовным правом и правоприменительной практикой, на основе наработок, отраженных в научной литературе, и отобранного эмпирического материала осуществлен криминологический анализ для выявления основных детерминант и условий хищений бюджетных средств в сфере спорта, а также связанных с ними преступных деяний.

Основная часть

Как верно заметил М.П. Клеймёнов, обращая внимание на составляющие «спортивной» преступности, «криминализации сферы спорта способствовало предоставление различных льгот. В погоне за этими льготами в сферу спорта широким потоком хлынул нелегальный капитал. В настоящее время в российский спорт вкладываются огромные деньги, что без действенного контроля заведомо криминогенно» [2, с. 26]. Необходимо отметить, что автор выделяет два последовательных условия: льготирование деятельности (как особенность финансового регулирования), и следующий за ним позитивный инвестиционный климат. Однако, что специфично для отрасли спорта, первое условие фактически не привлекло частных инвесторов. В сфере спорта производится значительный объем финансирования за счет бюджетных средств, а спортивные организации не стремятся к осуществлению самостоятельной финансово-хозяйственной деятельности (т.е. без бюджетных средств).

В том же ключе К.Ю. Рожнова, занимавшаяся определением детерминант генезиса преступности в сфере физической культуры и спорта, наравне с

организационной и культурологической причинностью правонарушений в спорте выделяла и экономическую, в части которой особняком стояли «материальная заинтересованность» субъектов спорта и «отсутствие контроля за расходованием денежных средств из бюджета, которые направляются на развитие профессионального спорта» и проч. [3, с. 23]. Здесь автор выделяет одну из ключевых причин для совершения хищений – «отсутствующий контроль за расходованием». Однако, как усматривается, регламентация финансового контроля находится на должном уровне, во-первых, страдает реализация указанного контроля: у административных органов отсутствуют необходимые ориентиры (маркеры), которые могли бы быть использованы для организации выборки субъектов спорта в целях проведения проверки их финансово-хозяйственной деятельности для выявления хищений. Данный метод финансового контроля противопоставляется проведению ревизий в отношении всех получателей бюджетных средств в сфере спорта, последний является ресурсоемким (в аспекте контрольных мероприятий в соответствии с п. 69 Приказа Минфина России от 20 марта 2014 г. № 18н «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по контролю в финансово-бюджетной сфере»), а сотрудники органов, на которые возложена обязанность по проведению ревизий (см., например, Приказ Министерства спорта Камчатского края от 22 января 2013 г. № 14 «Об утверждении Порядка проведения ревизий и проверок в подведомственных краевых государственных учреждениях»), могут быть заинтересованными в совершении преступного посягательства, так как указанные же органы осуществляют распределение бюджетных средств. При этом, отсутствует необходимая согласованность действий внутри массивной системы органов, осуществляющих финансовый контроль: казначейства и его территориальных органов, осуществляющих внутренний аудит, Счетной палаты и контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований, вовлеченных во внешний аудит.

А.П. Алексеева в ряд обозначенных выше причин также добавляла «традицию уравнительного подхода к оплате труда профессиональных спортсменов», которая приводила к организации вполне незаконного «совершенствования» системы такой оплаты [1, с. 76]. Мы отмечаем, что существенную особенность преступлений, составивших предмет изучения проанализированной нами судебной практики, отражает нарушение порядка формирования фонда оплаты труда сотрудников спортивной организации, основой для которого выступает бухгалтерский учет.

Необходимо отметить, что научные взгляды представлены достаточно разрозненно, тем не менее, складываются основные детерминанты: значительный объем финансирования (за счет бюджетных средств) субъектов спорта; низкий уровень реа-

лизации финансового контроля; особые (послабляющие) условия ведения финансово-хозяйственной деятельности в отрасли спорта.

В то же время судебная практика показывает следующие ключевые детерминанты и условия хищений бюджетных средств в сфере спорта и связанных с ними преступлений. Уязвимости системы контроля за использованием бюджетных средств являются ключевой причиной хищений, что подтверждается рядом судебных дел. Данная причина сама по себе многоаспектна, как и ее проявление на практике. Так, спортивная организация (ОО «ФФПК») предоставляла в вышестоящее учреждение (ГКБУ «ЦСППК», является учреждением, которое осуществляет софинансирование включённых в календарный план спортивных мероприятий) первичные документы учета для возмещения расходов. В ГКБУ «ЦСППК» сотрудник проводил первичную проверку документов, согласовывал их с другими сотрудниками, а затем происходило перечисление денег в ОО «ФФПК». Предполагалось, что затраты, указанные ОО «ФФПК», были фактически ею понесены. Сотрудники ГКБУ «ЦСППК» полагались на добросовестность должностных лиц ОО «ФФПК». Сотрудник ГКБУ «ЦСППК» добавил, что он проверял представленные ОО «ФФПК» документы о расходах на предмет их соответствия с Постановлением Правительства Пермского края При этом в его обязанности не входила проверка подлинности документов. Из оглашённых показаний свидетеля следует, что он был председателем ревизионной комиссии ОО «ФФПК» и проводил проверку финансовых документов с бухгалтером в конце года. Он не проводил проверки расходования денег, полученных от ГКБУ «ЦСППК», так как деньги поступают из бюджета и контроль учреждение осуществляет самостоятельно. Вопрос о нехватке денег с ним не обсуждался (*Приговор Индустриального районного суда города Перми от 25 января 2024 года № 1-569/2023 по делу 1-569/2023*). Соответственно, указанные уязвимости (отсутствие должной проверки, несогласованность действий службы внутреннего контроля и вышестоящего учреждения) со стороны процедуры финансового контроля были использованы для хищения бюджетных средств.

Или недостаточный контроль со стороны муниципальных органов за проведением спортивных мероприятий и расходованием бюджетных средств позволил должностным лицам создавать фиктивные отчеты и поддельные документы. Так, на основании распоряжения главы администрации муниципального района ... «О проведении внеплановой проверки органом внутреннего муниципального финансового контроля» ... ревизором проведена внеплановая выездная проверка спортивной организации. По отдельной спортивной секции был лишь предоставлен журнал учета посещаемости. ... Проверку достоверности сведений, отраженных в журнале, ревизор не проверял, так как проверка носила лишь документальный характер (*Приговор Мелеузовского районного суда Республики Башкортостан от 21 сентября 2023 года № 1-182/2023 по*

делу 1-182/2023). Таким образом, наблюдается отсутствие надлежащего учета за фактической деятельностью субъектов спорта (при планировании, организации и реализации спортивных мероприятий, работе отдельных подразделений), выполнении государственных контрактов в области спорта (застройка спортивных объектов, поставка спортивного инвентаря) при их полном обеспечении за счет бюджетного финансирования.

Сотрудник Фонда, учрежденного Минспортом, ... желая незаконным путем улучшить свое материальное положение, обладая опытом проведения мероприятий спортивного характера, достаточными познаниями в управлении некоммерческими организациями, связями в государственных и политических структурах Ульяновской области, обладая авторитетом в спортивной среде Ульяновской области, принимая во внимание, что ... последующий контроль за расходованием денежных средств, полученных по президентскому гранту, выражается в том, что уполномоченные представители Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества через систему мониторинга «Сбербанк» будут проводить мониторинг перечислений денежных средств лишь в части проверки назначения и оснований таких перечислений, проверка контрагентов осуществляться не будет, то есть контроль будет носить формальный характер разработал для себя план преступных действий, в соответствии с которым, он, будучи директором Фонда, составит и подаст заявку Грантополучателя на участие в конкурсе на предоставление грантов Президента РФ (*Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 13 июля 2023 года № 1-157/2023 по делу 1-157/2023*). Соответственно, необходимо отметить формальный характер контроля за использованием бюджетных средств, отсутствие проверки реального выполнения мероприятий и расходов на них.

В ряде случаев в качестве причины можно отметить недостаточную профессиональную компетенцию лиц, ответственных за осуществление контроля за расходованием выделяемых средств. Так, между Учреждением-спонсором и Спортивной организацией в лице исполнительного директора был заключен договор целевого пожертвования денежных средств ..., на основании которого с расчетного счета Учреждения-спонсора ... на расчетный счет Спортивной организации ... платежным поручением ... на безвозмездной основе были переведены денежные средства ... для проведения ремонта помещения и закупки дополнительного спортивного инвентаря, в рамках популяризации массового спорта. Он, как генеральный директор Учреждения-спонсора, впоследствии не проверял, каким образом исполнительный директор Спортивной организации распорядился денежными средствами ..., перечисленными на расчетный счет Спортивной организации (*Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 24 марта 2021 года № 1-2/2021 (1-129/2020) по делу 1-2/2021 (1-129/2020)*). Таким образом, при надлежащей квалификации со

стороны проверяющих лиц, возможно было запросить документы, подтверждающие направление целевых средств на ремонт помещения и закупки дополнительного спортивного инвентаря, проверить факт поставки дополнительного инвентаря на баланс, провести инвентаризацию и проч.

В то же время, существенной причиной и самостоятельным условием хищения также является непрозрачный механизм распределения бюджетных средств (находящийся в ведении самого преступника) в сфере спорта или игнорирование регламента распределения финансирующим учреждением / органом. Так, за отсутствием четкого регламента, определяющего допустимый объем финансирования бюджетными средствами спортивных мероприятий муниципальный служащий, осведомленный, что ... с участием спортивной команды по мини-футболу ... будут проводиться выездные игры ..., и на организацию их проведения в бюджете муниципального образования предусмотрены денежные средства, предназначенные на оплату проживания и питания участникам команды, достоверно зная о том, что общее количество членов всей спортивной команды не участвует в соревнованиях, а также не проживает в гостинице, осуществил хищение подотчетных сумм (*Приговор Углегорского городского суда Сахалинской области от 11 февраля 2019 года № 1-17/19 по делу 1-17/19*). Или между ГКБУ и Спортивной организацией по результатам проведения аукциона заключён договор ..., согласно п. 1.1 которого последняя обязуется организовать и провести физкультурные и спортивные мероприятия в рамках государственного задания ГКБУ. Перед проведением отдельных мероприятий ГКБУ со Спортивной организацией заключались дополнительные соглашения, в которых было определено, какие расходы подлежат финансированию из бюджета ... в рамках Постановления Правительства ... Были выявлены случаи, когда во исполнение положений договоров, заключённых между ГКБУ и Спортивной организацией об организации и проведении мероприятий, должностными лицами Спортивной организации в адрес ГКБУ были представлены финансовые отчёты, сметы и документы о якобы понесённых Спортивной организацией расходах, на основании чего со стороны ГКБУ в соответствии с Постановлением Правительства ... произведено необоснованное финансирование (*Приговор Индустриального районного суда города Перми от 25 января 2024 года № 1-569/2023 по делу 1-569/2023*). В первом случае процедура распределения бюджетных средств не была строго регламентирована, что и создало возможность для хищения, второй случай показал игнорирование проверяющими лицами регламента распределения.

В свою очередь, ряд ключевых условий для совершения хищения связан непосредственно с самой личностью преступника. Наличие особого статуса преступника, выражающееся в его служебном положении, предполагающее возможность им злоупотребить в собственных целях, неограниченный доступ к административным и финансовым ресур-

сам спортивной организации. При этом, руководители организаций используют свои полномочия для формирования преступных схем, создавая видимость выполнения работ (при исполнении государственных контрактов) или проведения спортивных мероприятий. Так, президент спортивной федерации, на основании Устава, утвержденного конференцией и протокола отчетно-перевыборной конференции, обладая в силу своих должностных обязанностей организационно-распорядительными и финансово-хозяйственными функциями, путем осуществления руководства вышеуказанной организации, имея доступ в силу исполнения своих должностных обязанностей к документообороту составил фиктивные документы о проведении официальных спортивных соревнований (первичные документы, смета мероприятия) для их предоставления в Минспорт в целях получения субсидии (*Приговор Ленинского районного суда от 22 июля 2019 года № 1-187/2018 по делу 1-187/2018*). Таким образом, в качестве причины совершения хищений бюджетных средств в сфере спорта можно определить широкие полномочия единоличного руководителя спортивной организации, которому нет необходимости осуществлять согласование своих решений с кем-либо.

Также, важной причиной и условием для совершения хищения бюджетных средств в сфере спорта выступает социальная приемлемость коррупционного поведения. Данная причина и условие играют на руку лицам, совершающим хищение, при необходимости вывода бюджетных средств за контур спортивной организации или организации схемы хищения. Так, ФИО1 находясь в доверительных отношениях с ФИО2, нуждаясь в денежных средствах на тот момент, достоверно не зная о правовом статусе и происхождении денежных средств, согласился с предложением и условиями ФИО2 по переводу денежных средств со счета спортивной организации с заведомо фиктивным основанием «Услуги пассажирских перевозок в рамках проведения областного этапа спортивного фестиваля» (*Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 13 июля 2023 года № 1-157/2023 по делу 1-157/2023*). Аналогично, ФИО1, являющийся исполняющим обязанности председателя комитета по физической культуре и спорту, постоянно осуществляющий организационно-распорядительные полномочия в органе местного самоуправления, действуя умышленно, с целью незаконного личного обогащения, используя свои должностные полномочия вопреки интересам службы, а также доверительные отношения, ..., находясь в МАУ ДЮЦ СП ..., дал незаконное устное указание директору подконтрольного ему муниципального спортивного учреждения ... об издании приказа, содержащего ложные сведения о зачислении 30 несовершеннолетних в 2 группы НП-1 по настольному теннису, указании его тренером данных групп, включении его в сводное расписание работы тренеров МАУ ДЮЦ СП ..., а также заполнении таблиц учета рабочего времени (*Приговор Мелеузовского районного суда Республики Башкортостан от 10 июля 2023 года № 1-39/2023 по делу 1-39/2023*). В обоих случаях проявляется ничем не

подкрепленная уверенность в благонамеренности преступника, что уменьшает вероятность предотвращения хищений.

В общей совокупности отмеченных авторами причин и условий, а также тех, что проявились в правоприменительной практике, мы поддерживаем позицию, что вследствие поступательной криминализации спорта, обусловленной экономической составляющей указанной индустрии, в настоящий момент общественные отношения в области физической культуры и спорта и, в частности, спорта профессионального не могут быть в должной мере защищены средствами уголовно-правового характера.

Проведя синтез научных взглядов и положений правоприменительной практики необходимо отметить, что в качестве причин и особых условий, которые способствуют совершению преступления, выступают ряд глобальных (указанные причины непосредственно связаны с самой отраслью спорта):

- особенности трудосберегающей экономики спортивных организаций со значительным оборотом доходов и расходов, которые не поддаются анализу на соответствие рыночной конъюнктуры;

- превалирующее финансирование расходных обязательств спортивных организаций за счет бюджетных средств, из которого следует намерение руководителей таких организаций на завладение предоставляемых денежных средств;

- значительное число льготных условий для предпринимательской деятельности в сфере спорта, а также особые правила ведения бухгалтерского учета физкультурно-спортивных организаций (выступающих в форме организаций государственного сектора, а также негосударственных организаций коммерческого либо некоммерческого характера) и характерное документальное оформление отношений, связанных с тренировочно-соревновательным процессом, кадровая дисциплина в указанной группе организаций, которые могут быть использованы в получении незаконной выгоды.

Отмеченные являются первопричинами (или макро-причинами) и ключевыми условиями появления хищений бюджетных средств в сфере спорта и связанных с ними преступлений. Проблемой указанных причин и условий является сложность их преодоления, так как они заложены в саму суть отрасли спорта с позиции ее финансового и правового регулирования.

В свою очередь, наблюдаются точечные причины и условия хищений бюджетных средств в сфере спорта и связанных с ними преступлений:

- 1) Низкий уровень реализации контроля за финансово-хозяйственной деятельностью субъектов спорта:

- уязвимости системы контроля за использованием бюджетных средств (отсутствие должной проверки, несогласованность действий службы внутреннего контроля и вышестоящего учреждения) со стороны процедуры финансового контроля были использованы для хищения бюджетных средств;

– отсутствие надлежащего учета за фактической деятельностью субъектов спорта (при планировании, организации и реализации спортивных мероприятий, работе отдельных подразделений), за фактическим выполнением государственных контрактов в области спорта (застройка спортивных объектов, поставка спортивного инвентаря) при их полном обеспечении за счет бюджетного финансирования;

– формальный (по документам) характер контроля за использованием бюджетных средств.

2) Недостаточная профессиональная компетенция лиц, ответственных за осуществление контроля за расходованием выделяемых бюджетных средств.

3) Непрозрачный механизм распределения бюджетных средств (находящийся в ведении самого преступника) в сфере спорта или игнорирование регламента распределения финансирующим учреждением / органом.

4) Наличие особого статуса преступника, выражающееся в его служебном положении, предполагающее возможность им злоупотребить в собственных целях, неограниченный доступ к административным и финансовым ресурсам спортивной организации.

5) Широкие полномочия единоличного руководителя спортивной организации, которому нет необходимости осуществлять согласование своих решений с кем-либо.

6) Осведомленность преступника относительно проводимых спортивных мероприятий, осуществления закупок, выделяемых бюджетных средств, знание документооборота в части привлечения бюджетных средств и отчетности за их использование.

7) Социальная приемлемость коррупционного поведения, что играет на руку лицам, совершающим хищение, при необходимости вывода бюджетных средств за контур спортивной организации или при организации самой схемы хищения.

Выводы и заключение

С учетом проведенного анализа основными детерминантами и условиями хищений бюджетных средств в сфере спорта и сопутствующих ему преступных деяний выступают: 1) (макро-причины и ключевые условия) особенности трудосберегающей экономики спортивных организаций; превалирующее бюджетное финансирование; значительное число льготных условий для предпринимательской деятельности в сфере спорта; 2) (точечные причины и условия) низкий уровень реализации контроля за финансово-хозяйственной деятельностью субъектов спорта (уязвимости системы контроля, отсутствие надлежащего учета за фактической деятельностью субъектов спорта, формальный (по документам) характер контроля); недостаточная профессиональная компетенция лиц, ответственных за осуществление контроля за расходованием выделяемых бюджетных средств; непрозрачный механизм распределения бюджетных средств (находящийся в ведении самого преступника) в сфере спорта или игнорирование регламента распределения финансирующим учреждением / органом; особые качества

преступника (наличие особого статуса, выражающееся в его служебном положении, широкие полномочия единоличного руководителя спортивной организации, осведомленность относительно проводимых спортивных мероприятий, осуществления закупок, выделяемых бюджетных средств, знание документооборота в части привлечения бюджетных средств и отчетности за их использование); социальная приемлемость коррупционного поведения.

Литература

1. Алексеева, А. П. Коррупционная преступность в сфере профессионального спорта / А. П. Алексеева // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 8. – С. 74-77.

2. Клеймёнов, М. П. Спортивная криминология / М. П. Клеймёнов // Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступностью в сфере спорта : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (18 марта 2011 г.). Омск : Омская академия МВД России, 2011. – С. 21-27.

3. Рожнова, К. Ю. Детерминанты возникновения преступности в области спорта / К. Ю. Рожнова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 2(34). – С. 20-24.

Key Determinants and Conditions of Budgetary Fund Embezzlement in Sports and Related Criminal Activities

Pivovarov F.Yu.

Kutafin Moscow State Law University

The article analyzes the key determinants and conditions of budgetary fund embezzlement in sports, as well as related criminal activities. It identifies two main groups of crimes: economic crimes (fraud, embezzlement, money laundering) and crimes against state authority (abuse of power, misappropriation of funds, bribery). Based on an analysis of scientific literature, law enforcement practices, and empirical data, the study highlights the key causes and conditions facilitating embezzlement. These include the significant volume of government funding allocated to sports organizations, the low efficiency of financial oversight, and the lack of transparency in budget allocation. Special attention is given to the deficiencies in financial control, including the formal nature of audits, shortcomings in the monitoring system, and insufficient competence of supervisory authorities. The study also identifies the personal characteristics of offenders, such as high-ranking positions and access to administrative resources, which facilitate the abuse of power. The article emphasizes the need to strengthen financial supervision and implement stricter mechanisms to combat financial crimes in the sports sector.

Keywords: embezzlement of budgetary funds in sports; financial control of sports organizations; corruption-related crimes in sports; misappropriation of budgetary funds; criminological analysis of crime in sports.

References

1. Alekseeva A. P. Korruptsionnaya prestupnost' v sfere professional'nogo sporta [Corruption Crime in Professional Sports]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 8, pp. 74-77. (in Russian).
2. Kleymyonov M. P. Sportivnaya kriminologiya [Sports Criminology]. Uголовно-правовые аспекты бор'бы с преступностью в сфере спорта: материалы Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 marta 2011 g.) =

Criminal-Legal Aspects of Combating Crime in Sports: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (March 18, 2011). Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, pp. 21-27. (in Russian).

3. Rozhnova K. Yu. Determinanty vzniknoveniya prestupnosti v oblasti sporta [Determinants of Crime Emergence in Sports]. Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University, 2021, no. 2(34), pp. 20-24. (in Russian).

Сущность и значение тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном процессе

Степанян Геворг Николаевич

аспирант, кафедра уголовного процесса, Кубанский государственный университет, gevorgcjhndd@mail.ru.

В статье рассмотрены такие правовые категории как «тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», «тайна коммуникации», «частная жизнь», «неприкосновенность частной жизни». Отмечены ключевые нормативные правовые акты, которые содержат указание на право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Описана важность реализации данного права в рамках уголовного процесса. Представлены ограничения соответствующих прав и риски, возникающие при их реализации.

Ключевые слова: уголовный процесс, тайна переписки, частная жизнь, конституционные права, цифровизация

В понятие «частная жизнь» принято включать все проявления и сферы взаимоотношений человека с другими людьми: семейная жизнь, родственные и дружеские связи, домашний уклад, и другие личные отношения, привязанности; а также внутриличностные аспекты функционирования личности: симпатии и антипатии, образ мышления и аксиология, увлечения, творчество, предпочтения. Частная жизнь, таким образом, являет собой особую физическую и духовную область, которая находится под контролем индивида и не подлежит контролю со стороны других людей, общественных институций, государства, законодательства.

О. В. Максимова и С. В. Марковиченко раскрывают сущность понятия «частная жизнь» посредством перечисления видов жизнедеятельности человека в рамках семейных, личных, интимных отношений, в т. ч. свободу уединения, размышления, вступления в контакты с другими лицами или свободу воздержания от каких-либо контактов; свободу высказываний и поступков; частная жизнь соотносится с правом на тайну жилища, дневников, личных записей, переписки, почтовых отправлений и иных сообщений, переговоров. Концепция частной жизни, кроме того, предполагает, что индивид может доверить какую-либо личную информацию священнику, врачу, адвокату, нотариусу и иным лицам, обладающим специфическими полномочиями и компетенциями, без опасения разглашения данной информации [6, с. 146].

В большинстве юрисдикций неприкосновенность частной жизни считается основополагающим принципом построения правовой системы. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений выступает, с одной стороны, неотъемлемым компонентом правового государства, а с другой – условием комфортного существования и развития личности [8, с. 128]. Положения о неприкосновенности частной жизни содержатся в тексте Конституции Российской Федерации, в Гражданском, Семейном, Налоговом, Уголовно-процессуальном кодексах, во множестве федеральных законов.

С точки зрения юридической науки и практики О. В. Максимова и С. В. Марковиченко предлагают дифференцировать различные сегменты, в рамках которых имеют место те или иные проявления частной жизни: (1) внутренняя духовная сфера, мировоззрение, чувственно-эмоциональный компонент личности; (2) сфера межличностного общения, в т. ч. отношения интимного характера, сексуальные связи; (3) персональные данные; (4) медико-физиоло-

логическая сфера; (5) поведенческая сфера: склонности и привычки; в т.ч. поступки, дискредитирующие лицо; (6) имущественная сфера [6, с. 148].

Все вышеперечисленные проявления и аспекты частной жизни личности могут быть раскрыты в рамках коммуникации. В коммуникативных актах, реализуемых как при личном контакте, так и посредством дополнительных средств дистанционной/отложенной коммуникации, передаются сведения о частной жизни. В данной связи правовой принцип неприкосновенности частной жизни тесным образом связан с положениями о «тайне переписки». По мнению М. А. Мещеряковой, в ст. 23 Конституции Российской Федерации представлены нормы, которые охватывают неприкосновенность частной жизни; личную и семейную тайну; защиту своей чести и доброго имени; тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Несмотря на разное содержание данных понятий, все они обнаруживают тесную взаимосвязь [8, с. 128].

Каждое из этих прав является самостоятельным правом, но, при этом, соблюдение каждого из них становится юридической гарантией для соблюдения остальных [8, с. 129]. Р. Д. Гусев также считает, что право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантированное Конституцией Российской Федерации, является тесным образом, связанным с правом на неприкосновенность жилища и иными правами, входящими в спектр прав на охрану частной жизни [1, с. 432].

Несмотря на то, что сама по себе категория «тайна переписки» не представлена в отечественном нормативном правовом массиве, законодатель подробно излагает все виды коммуникации, тайна которой охраняется законом: переписка, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные сообщения, иные сообщения. Формулировка «иные сообщения» позволяет считать данный перечень открытым и позволяет включать в него разнообразные формы цифровой коммуникации. Данная конструкция, по мнению М. А. Мещеряковой, позволяет гарантировать «неприкосновенность новых, неизвестных на момент разработки Конституции Российской Федерации видов коммуникации» [8, с. 129].

Цифровизация, таким образом, оказала существенное влияние на все сферы жизнедеятельности человека и трансформировала методы, темпы, объемы и средства аккумулирования, сохранения, передачи и утилизации информации – в т.ч. той, которая составляет частную тайну. Безусловно, развитие цифрового информационного пространства генерирует множество сложностей, связанных с обеспечением конституционной гарантии тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Одним из сегментов правоотношений, где возникают риски посягательства на частную жизнь и тайну коммуникации, выступает уголовно-процессуальная сфера. Тогда как человек, находящийся вне зоны внимания уполномоченных представителей уголовно-процессуальных отношений, практически не

рискует утратить право на частную жизнь (за исключением, пожалуй, рисков киберугроз), при участии в уголовно-процессуальных отношениях в любом качестве человек сталкивается с требованиями раскрыть тот или иной сегмент частной жизни – включая переписку, телефонные и иные переговоры, почтовые, телеграфные и иные сообщения.

В данной связи уголовно-процессуальная сфера функционирует на базисе ряда принципов, которые позволяют сохранить конституционные права и свободы граждан. Принципы детерминируют содержание процессуального права, подчиняют все нормы и институты права, а также раскрывают цели процесса и пути достижения данных целей. Принципы уголовного процесса обеспечивают единство судопроизводства по уголовным делам и служат гарантией законности действий участников процесса. В данной связи принципы применяются на всех стадиях уголовного процесса и выражаются, в том числе, на всех стадиях судебного разбирательства [4, с. 173].

Принцип соблюдения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и других сообщений занимает особое место в уголовном процессе. И. В. Прибыткова пишет: законодательным и процессуальным органам следует реализовать институт тайны частной жизни путем повышения и дальнейшего улучшения качества правовой защиты – в том числе в контексте информатизации общества [9, с. 102].

Можно сказать, что многие положения уголовно-процессуального законодательства конструировались исходя из текста ст. 23 Конституции, который устанавливает тайну переписки, телефонных переговоров, различного рода сообщений и закрепляет недопустимость разглашения информации, находящиеся в этих источниках [5].

Принцип сохранения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и других сообщений реализуется во многих нормах уголовно-процессуального законодательства: так, положения ст. 9 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливают запрет на действия и решения, унижающие честь и достоинство участников судопроизводства. Статьи, регламентирующие проведение осмотра, обыска (к примеру, ст. 179 и ст. 184 УПК РФ) обращают отдельное внимание на предотвращение необоснованного раскрытия обстоятельства частной жизни лица, его личную и семейную тайну, а также аналогичные обстоятельства других лиц (ч. 7 ст. 182 УПК) [11].

Подобным образом российский законодатель вводит в деятельность должностных лиц этический, нравственный, моральный аспекты. Дело в том, что в реальной практике лица, задействованные в производстве выемки какой-либо информации (должностные лица, оперативные работники, понятые, специалисты), принимают решение о том, где именно проходят границы частной жизни лица, в отношении которого производится выемка. Базисом для подобных решений выступают моральные устои самого уполномоченного лица.

Важность рассмотрения принципов и механизмов обеспечения права на тайну переписки, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные и иные сообщения обусловлена наличием множества ограничений данного права – в том числе зафиксированных на законодательном уровне. Кроме того, данное право зачастую ограничивается необоснованно, что аргументируется особыми обстоятельствами протекания той или иной стадии процесса.

В общем виде правило об ограничении рассматриваемого права можно сформулировать следующим образом: права граждан на тайну переписки, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные и иные сообщения закреплены, гарантированы Конституцией и актами законодательства, а ограничение данных прав допускается исключительно на основании решения суда. Конституционное положение («ограничение этого права допускается только на основании судебного решения») развито и интерпретировано в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ (далее – Закон), где указаны основания для подобного решения [12].

В тексте Закона представлены условия, при которых оперативно-розыскные мероприятия, результатом которых становится раскрытие содержания частной переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут быть проведены без решения суда. Данными условиями выступают следующие: (1) ситуации, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления; (2) наличие данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности государства [12].

Подобные оперативно-розыскные мероприятия, тем не менее, не проводятся «экспромтом», по инициативе и усмотрению должностного лица: они должны быть документально оформлены и утверждены руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, суд должен быть уведомлен о подобных мероприятиях в течение 24 часов после их начала, и в течение 48 часов он может вынести решение о проведении мероприятия либо его прекращении [3, с. 243].

Следует согласиться с М. М. Дадашовым в том, что законодатель, допуская ограничение права на частную жизнь, при этом, предпринял попытки по восстановлению данного права на последующих стадиях процесса – по крайней мере частично компенсируя вторжение в частную сферу. Так, в процессе уголовного судопроизводства материалы переписки и иных средств сообщений, приобщенных к материалам уголовного дела, сохраняют секретный статус. В ситуации открытого заседания оглашение материалов происходит лишь с согласия лиц, а при отсутствии такового – из зала суда удаляются все зрители [2, с. 91].

Подобным образом законодатель фиксирует неразрывность связи между конституционным правом на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и правом на

защиту чести и достоинства, в рамках которого не допускается распространение против воли человека сведений, которые могут подорвать его репутацию, сведений о совершении в отношении человека неуважительных, оскорбляющих его действий и т. п.

По мнению И. В. Прибытковой, гораздо более спорный характер имеют положения, регламентирующие телефонные и иные переговоры обвиняемого. Уполномоченные должностные лица получают право на контроль и запись переговоров во множестве ситуаций: (1) при наличии достаточных оснований полагать что сведения, содержащиеся в переговорах, значимы для уголовного дела; (2) когда уголовное дело возбуждено по преступлению характера средней тяжести, тяжкое и особо тяжкое; (3) при наличии соответствующего судебного решения [9, с. 103].

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве четко представлены порядок проведения контроля и записи переговоров, процедуры получения судебного решения, оформления протокола, вызывает беспокойство высокая доля субъективного усмотрения в определении того, насколько значимыми являются сведения, которые потенциально могут быть получены при прослушивании переговоров (первый пункт представленного выше перечня).

Еще одним дискуссионным вопросом является то, что концепция тайны переписки фактически не распространяется на многие аспекты, составляющие ее смысл и сущность. Речь идет о том, что информация об абонентах сотовых сетей связи, их регистрационно-учетные документы, информация о номерах телефонов, времени соединения, продолжительности – все это не входит в понятие «тайна переписки» и носит, согласно законодательству, справочный характер. Следовательно, получение доступа к этим данным не нарушает конституционного права. Тем не менее, при производстве следственных действий получение этих сведений во многих случаях приведет к вмешательству в частную жизнь.

По мнению Е. С. Ткачевой, существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства является то, что в рамках досудебного производства ограничения права на тайну коммуникации затрагивают только тех, кто обладает определенным процессуальным статусом – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель. Однако возможны случаи, когда конституционные права ограничиваются еще до того, как лицо официально приобретает процессуальный статус. Например, если проводится обыск не только жилья подозреваемого или обвиняемого, но и жилищ третьих лиц, если есть основания полагать, что там скрыто хищенное имущество. В этом случае лицо, у которого осуществляется обыск, становится участником досудебного производства уже в момент проведения следственного действия. Однако само ограничение его прав, таких как неприкосновенность жилища и частной жизни, происходит раньше [10, с. 159].

Как отмечено выше, цифровизация существенным образом трансформировала процессы коммуникации. Эти трансформации привели к возникновению новых способов передачи данных, которые не зафиксированы в уголовно-процессуальном законодательстве.

Актуальным направлением модернизации уголовно-процессуального законодательства выступает развитие правовых механизмов вовлечения цифровой информации, содержащей следы преступления, в уголовный процесс. Как правило, в реальной практике оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия нередко предполагают осмотр мобильных телефонов и содержащейся на них информации. Во многих случаях подобные оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия проводятся в отсутствие судебных решений. Согласимся с К. В. Малыгиным: несмотря на распространенность подобной практики, вопрос о том, необходимо ли сотруднику правоохранительного органа получать решение суда на исследование сотового телефона или иного портативного цифрового устройства задержанного, не получил последовательного решения в рамках отечественного уголовно-процессуального права [7, с. 138].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Принцип неприкосновенности частной жизни присутствует в большинстве национальных юрисдикций, включая отечественную. Данный принцип включает в себя право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Одним из сегментов правоотношений, где возникают риски посягательства на частную жизнь и тайну переписки, выступает уголовно-процессуальная сфера. При участии в уголовно-процессуальных отношениях человек может столкнуться с вынужденным раскрытием деталей переписки. Как правило, подобное раскрытие происходит на основании решения суда. В ряде случаев право на тайну коммуникации может быть ограничено и сообщения/переговоры могут быть изъяты или записаны без судебного решения. Подобные ограничения возможны при: (1) ситуации, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления; (2) наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности государства.

Литература

1. Гусев, Р. Д. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как принцип российского уголовного судопроизводства / Р. Д. Гусев // Вестник науки. – 2023. – №6 (63). – С. 429–436.

2. Дадашов, М. М. Право граждан на тайну переписки: проблемы ограничения / М. М. Дадашов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – №4. – С. 90–92.

3. Зуев, В. И. Условия проведения оперативно-разыскных мероприятий / В. И. Зуев // Известия ОГАУ. – 2011. – №29-1. – С. 241–244.

4. Кокоева, А. М. Тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений как принцип уголовного судопроизводства / А. М. Кокоева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №10-2 (97). – С. 172–175.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 04.02.2025.

6. Максимова, О. В. Категория «неприкосновенность частной жизни» в российском уголовном праве и законодательстве / О. В. Максимова, С. В. Марковиченко // Общество и право. – 2016. – №2 (56). – С. 146–151.

7. Малыгин, К. В. Проблемы обеспечения конституционных прав граждан в процессе изъятия электронной информации в уголовном судопроизводстве / К. В. Малыгин // Ex jure. – 2023. – №4. – С. 133–144.

8. Мещерякова, М. А. Конституционное право на тайну коммуникации: понятие и содержание / М. А. Мещерякова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – №3 (53). – С. 127–137.

9. Прибыткова, И. В. Защита чести и достоинства обвиняемого, тайны переписки, телефонных переговоров, сообщений / И. В. Прибыткова // Вестник науки и образования. – 2018. – №17-1 (53). – С. 101–104.

10. Ткачёва, Е. С. Конституционные права личности в досудебном производстве по уголовным делам: классификация и способы ограничения / Е. С. Ткачёва // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – №2 (89). – С. 158–163.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 02.02.2025.

12. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/. – Дата доступа: 04.02.2025.

Essence and importance of the privacy of correspondence, telephone and other negotiations, postal, telegraph and other messages in criminal proceedings

Stepanyan G.N.

Kuban State University

The article examines such legal categories as “privacy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages”, “privacy of communication”, “private life”, “inviolability of private life”. The key regulatory legal acts that contain an indication of

the right to the secrecy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages are noted. The importance of implementing this right in the framework of criminal proceedings is described.

The limitations of the relevant rights and the risks arising from their implementation are presented.

Keywords: criminal procedure, privacy of correspondence, private life, constitutional rights, digitalization

References

1. Gusev, R. D. Secrecy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages as a principle of Russian criminal proceedings / R. D. Gusev // *Bulletin of Science*. - 2023. - No. 6 (63). - P. 429-436.
2. Dadashov, M. M. The right of citizens to the secrecy of correspondence: problems of restriction / M. M. Dadashov // *Education. Science. Scientific personnel*. - 2021. - No. 4. - P. 90-92.
3. Zuev, V. I. Conditions for conducting operational-search activities / V. I. Zuev // *Bulletin of the OGAU*. - 2011. - No. 29-1. - P. 241-244.
4. Kokoeva, A. M. Secrecy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph, electronic and other messages as a principle of criminal proceedings / A. M. Kokoeva // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. - 2024. - No. 10-2 (97). - P. 172-175.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // *ConsultantPlus*. - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. - Access date: 04.02.2025.
6. Maksimova, O. V. The category of "inviolability of private life" in Russian criminal law and legislation / O. V. Maksimova, S. V. Markovichenko // *Society and Law*. - 2016. - No. 2 (56). - P. 146-151.
7. Malygin, K. V. Problems of ensuring the constitutional rights of citizens in the process of seizure of electronic information in criminal proceedings / K. V. Malygin // *Ex jure*. - 2023. - No. 4. - P. 133-144.
8. Meshcheryakova, M. A. Constitutional right to privacy of communication: concept and content / M. A. Meshcheryakova // *Legal science and law enforcement practice*. - 2020. - No. 3 (53). - P. 127-137.
9. Pribytkova, I. V. Protection of the honor and dignity of the accused, the secrecy of correspondence, telephone conversations, messages / I. V. Pribytkova // *Bulletin of Science and Education*. - 2018. - No. 17-1 (53). - P. 101-104.
10. Tkacheva, E. S. Constitutional rights of the individual in pre-trial proceedings in criminal cases: classification and methods of restriction / E. S. Tkacheva // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2023. - No. 2 (89). - P. 158-163.
11. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 08.01.2025) // *ConsultantPlus*. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. - Access date: 02.02.2025.
12. Federal Law "On Operational Investigative Activities" of 12.08.1995 N 144-FZ // *ConsultantPlus*. - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/. - Access date: 04.02.2025.